

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

25 2025
ЧАСТЬ IV

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (576) / 2025

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен Уильям Лабов (1927–2024), американский лингвист.

Уильям Лабов родился в Резерфорде, штат Нью-Джерси (США). Он окончил Гарвардский университет, а позднее получил докторскую степень по лингвистике в Колумбийском университете.

Работы Лабова заложили основы социолингвистики, которая исследует, как использование языка меняется в зависимости от социальных факторов, таких как класс, этническая принадлежность и пол. Его главная работа «Социальное расслоение английского языка в Нью-Йорке», опубликованная в 1966 году, считается краеугольным камнем социолингвистических изысканий.

Лабов исследовал социальную стратификацию языка в Нью-Йорке и первым занялся исследованием языка афроамериканцев — Black English, показав, что он имеет ряд собственных грамматических черт. Важным вкладом Лабова в лингвистику стало изучение не только отдельных предложений, но и целых текстов — нарративов афроамериканцев о своей жизни — и открытие ряда принципов теории дискурса. Он также занимался изучением афроамериканского диалекта.

Лабов исследовал также сдвиги гласных в разговорном американском английском, выделив два таких процесса — на юге США и в северных городах.

Теории и методы Лабова имеют большое значение для изучения языка в сфере СМИ и коммуникации. В медиадискурсе язык является мощным инструментом для создания смысла и формирования восприятия. Наблюдения Лабова за языковыми вариациями и структурой повест-

ования дают ценную информацию о том, как язык используется в медиатекстах. Таким образом, язык отражает и укрепляет социальные нормы и идеологии.

Исследования Лабова также оказали значительное влияние на языковую политику и образование. Подчеркивая социальные аспекты языковых вариаций, Лабов бросил вызов традиционным представлениям о языке как о чем-то статичном и единообразном. Его поддержка языкового разнообразия способствовала продвижению инклюзивной языковой политики.

Труды Уильяма Лабова подвергались критике и вызывали споры в области лингвистики. Некоторые ученые ставили под сомнение применимость его выводов, утверждая, что языковые вариации могут быть более сложными и многогранными, чем предполагают его исследования. Другие выражали обеспокоенность по поводу этических последствий социолингвистических исследований, особенно в отношении вопросов конфиденциальности и согласия.

Несмотря на эту критику, вклад Лабова в социолингвистику остается неоценимым. Его новаторская работа вдохновила поколения ученых на изучение динамических отношений между языком и обществом. В мире, который становится все более взаимосвязанным, общение выходит за пределы географических и культурных границ, поэтому идеи Лабова о языковых вариациях и социальном контексте остаются актуальными и полезными.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Карпицкий В. В.

Обстоятельства, входящие в предмет доказывания при расследовании грабежей и разбойных нападений 217

Карпицкий В. В.

Особенности проведения доследственной проверки по сообщениям о грабежах и разбойных нападениях..... 219

Карпова К. И.

Договор купли-продажи в гражданском праве России: вопросы теории и правоприменительной практики 221

Каукин Д. Н.

Влияние профессионального правосознания судей на назначение уголовного наказания... 222

Козлов А. Н.

Обязательное досудебное урегулирование задолженности перед подачей заявления о личном банкротстве..... 225

Колесников Я. А.

О сущности прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве 230

Колесников Я. А.

Правовое регулирование прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан..... 232

Колисниченко А. В.

Рассмотрение индивидуальных трудовых споров с участием лиц предпенсионного возраста комиссией по трудовым спорам 234

Коновалов А. В.

Противодействие коррупции в департаменте спорта г. Москвы..... 235

Кордубан К. А.

Проблемы соблюдения адвокатской этики в уголовном процессе..... 238

Королева М. А.

Соотношение понятий «прокурор» и «государственный обвинитель»..... 241

Краузова С. К.

Способы и порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина по причине вакцинации..... 243

Кривенко О. Д.

Основания возникновения, изменений и прекращения прав потребителей при оказании медицинских услуг в РФ 245

Кудряшов В. С.

Проблема определения момента окончания преступления с материальным и формальным составом..... 247

Кузьмина В. В.

Правовая система России как целостное явление: структурное единство и функциональная взаимозависимость 248

Лобас А. Д.

Перспективы и тенденции развития судебного речеведения на современном этапе 251

Mandzulashvili N.

Tax residency in the era of remote work: re-evaluating corporate nexus and permanent establishment rules 252

Марченко Е. Л.

Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим.... 255

Мордовин С. Я.

Транспортный кодекс и Кодекс о безопасности дорожного движения в системе права РФ..... 257

Моторин В. А.

Специальный субъект преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи 260

Мулявина Е. А.

Расследование преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности и половой свободы личности 262

Насартинова Д. Р.

Залог как способ обеспечения обязательств... 265

Подгорнова А. О.

К вопросу о проблемах правового регулирования административно-правовой деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму, экстремизму и их финансированию 266

Радионов И. А., Кирьянов К. Г.

Недействительность сделок юридических лиц при банкротстве: баланс между защитой права собственности и интересами кредиторов 268

Романчев К. С.

Основания наследования в Российской Федерации и за рубежом 273

Романчев К. С.

Основные положения законодательства о наследственном договоре 276

Рябкина М. А.

Схема налогового преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений данной группы 278

Сараев И. С., Блонцев И. Р.

Уголовно-процессуальные проблемы применения самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы 280

Седюко Ю. Н.

Распределение бремени доказывания в административном судопроизводстве по делам о компенсации за нарушение условий содержания под стражей: анализ судебной практики 283

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Обстоятельства, входящие в предмет доказывания при расследовании грабежей и разбойных нападений

Карпицкий Виталий Владимирович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Статья посвящена анализу обстоятельств, подлежащих обязательному доказыванию при расследовании уголовных дел о грабежах и разбойных нападениях. Раскрываются теоретико-правовые основы понятия предмета доказывания, его значение и структура. Особое внимание уделено положениям статьи 73 УПК РФ, систематизации видов доказуемых обстоятельств, типичным ошибкам следственной практики и предложению научно-обоснованных рекомендаций. Приведены примеры из практики, подчеркивающие актуальность точного определения предмета доказывания для правильной квалификации преступления.

Ключевые слова: предмет доказывания, обстоятельства, грабеж, разбой, расследование, следственные действия, квалификация, доказательства, УПК РФ, уголовный процесс.

Одним из ключевых элементов в расследовании преступлений, в том числе грабежей и разбойных нападений, выступает установление обстоятельств, входящих в предмет доказывания. Согласно статье 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, при производстве по уголовному делу необходимо доказывать: событие преступления, виновность лица, характер и размер вреда, обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, и другие факторы. Эти обстоятельства формируют основу правового механизма расследования и последующего судебного разбирательства [1].

Понятие «предмет доказывания» не имеет прямого законодательного определения, однако в правовой науке оно традиционно отождествляется с совокупностью установленных ст. 73 УПК РФ обстоятельств, подлежащих обязательному исследованию по каждому уголовному делу. Исходя из этого, предмет доказывания по делам о грабежах и разбоях должен включать не только общие положения, но и уголовно-правовые характеристики состава конкретного преступления, определённые ст. 161 и 162 УК РФ [1].

Так, грабёж — это открытое хищение чужого имущества без применения опасного насилия, а разбой — нападение с целью хищения с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угрозой его применения. Эти признаки определяют не только квалификацию, но и содержательную структуру предмета доказывания [2, с. 121].

В практике расследования уголовных дел о грабежах и разбойных нападениях предмет доказывания традиционно подразделяется на универсальные (общие) и специфические (видовые) обстоятельства. К универсальным

относятся такие, как время и место совершения преступления, способ его совершения, характеристика субъекта (личность обвиняемого, его психическое состояние, возраст, судимость и т. д.), форма вины (умысел, неосторожность), мотивы преступного поведения (корысть, месть, зависть и прочее), характер и размер причинённого вреда, личность потерпевшего, наличие квалифицирующих признаков, обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния, а также обстоятельства, способствовавшие его совершению [5, с. 31].

К специфическим (видовым) обстоятельствам по делам о грабежах и разбойных нападениях относят, в частности, наличие предварительного сговора между участниками преступления, использование оружия, наличие опасного для жизни и здоровья насилия, форма взаимодействия между соучастниками, способ нейтрализации сопротивления со стороны потерпевших, пути отхода преступников, транспортные средства, используемые при совершении преступления и т. п. Например, важно установить, была ли сигнализация на объекте преступного посяательства, какова была реакция охраны, если она присутствовала, и насколько своевременно были предприняты меры по задержанию злоумышленников [4, с. 664].

Ошибки в установлении таких обстоятельств способны кардинально повлиять на квалификацию содеянного. Примером может служить случай, когда следователь, не организовав полноценную судебно-медицинскую экспертизу, ограничился диагнозом лечащего врача, в результате чего действия, подпадающие под квалификацию разбоя, были ошибочно отнесены к грабежу. Это повлекло необос-

нованное смягчение правовой оценки деяния, что противоречит интересам правосудия и потерпевшего [6, с. 986].

Первоначальные следственные действия, такие как осмотр места происшествия, допрос потерпевшего и свидетелей, судебно-медицинское освидетельствование и назначение экспертиз, имеют важнейшее значение. На этапе осмотра фиксируются следы преступления, изымаются предметы, оставленные преступником, обнаруживаются следы борьбы, траектории передвижения. Допросы потерпевшего и свидетелей должны проводиться с учётом их психологического состояния, способности воспринимать и воспроизводить события, а также с применением тактических приёмов, направленных на получение достоверной информации [8].

Особое внимание уделяется допросу подозреваемого и обвиняемого. Здесь требуется чёткая стратегия, поскольку фигуранты часто прибегают к дезинформации, частичному признанию вины или вовсе отказываются от показаний. Тактика допроса зависит от многих факторов: от объема улик, наличия доказательств, рецидива, принадлежности к организованным группам. Использование приёмов детализации, предъявления вещественных доказательств, логического анализа и постановки вопросов в системе «вопрос — ответ» повышает эффективность допроса и способствует изобличению виновного [7, с. 690].

На последующем этапе расследования, когда уже установлено лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, и собрана совокупность доказательств, подтверждающих его причастность, проводятся такие действия, как очные ставки, проверки показаний на месте, следственные эксперименты. Эти мероприятия не только способствуют закреплению доказательственной базы, но и позволяют выявить дополнительные эпизоды преступной деятельности, установить соучастников, схему распределения похищенного имущества, места хранения оружия и иные факторы, имеющие значение для окончательной квалификации [5, с. 32].

Криминалистическая характеристика грабежей и разбоев определяет состав обстоятельств, которые должны быть установлены в ходе расследования. По субъекту преступления — необходимо установить, кто совершил преступление, были ли соучастники, каковы отношения между ними, является ли группа организованной. Также выявляются сведения о рецидиве, наличии аналогичных преступлений, участии в вымогательствах и иных имущественных посягательствах [5, с. 33].

По субъективной стороне следует определить мотивы, цели, наличие предварительного сговора, степень осознания общественно опасных последствий и направленность умысла.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ [Электронный ресурс]: электрон. данные. — Программа инф. поддержки рос. науки и образования // Справ. правовые системы «Консультант Плюс»: Высш. шк. — Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 13.06.2018).

По объекту преступления — установить, кто является потерпевшим, каков характер и степень причинённого ему физического, морального и имущественного вреда. В случаях, когда объектом нападения является юридическое лицо, анализируется ущерб, наличие и работоспособность охранной системы, действия сотрудников охраны и последствия преступления для функционирования предприятия.

По объективной стороне исследуются обстоятельства нападения, поведение преступников, способы нейтрализации сопротивления, применение оружия, маршрут отхода, транспортные средства и признаки организованности и спланированности преступления [3, с.563].

Планирование расследования начинается с момента возбуждения уголовного дела, чаще всего — по заявлению потерпевшего, сообщению очевидцев или по инициативе сотрудников правоохранительных органов. При этом в план включаются неотложные следственные действия, согласованные с оперативно-розыскными мероприятиями: допросы, осмотры, экспертизы, розыск подозреваемых. При наличии описаний внешности составляются синтетические портреты, размещаются ориентировки.

На последующем этапе актуальными становятся: допрос обвиняемого с учётом его типологических особенностей; очные ставки с потерпевшими и свидетелями; проверка показаний на месте, позволяющая детализировать обстоятельства преступления и подтвердить достоверность ранее данных сведений; проведение экспертиз (баллистических, трасологических, дактилоскопических, товароведческих и др.).

Допрос обвиняемого особенно важен. В бесконфликтной ситуации он, как правило, признаёт вину. В конфликтной — может утаивать информацию, давать ложные сведения, уклоняться от ответа. Здесь необходимы точные, последовательные вопросы, а также предъявление доказательств, вызывающих внутреннее противоречие и психологическую неуверенность у допрашиваемого. Эффективно использовать приём усиления доказательной базы, при котором доказательства предъявляются постепенно, от слабых к наиболее убедительным [2, с. 123].

Таким образом, успешное расследование грабежей и разбойных нападений невозможно без чёткого, научно обоснованного определения и применения предмета доказывания. Законодательно стоит закрепить его определение как совокупности обстоятельств, установление которых обеспечивает достижение задач уголовного процесса. Практика требует унификации типовых перечней доказываемых обстоятельств и методических рекомендаций, направленных на повышение качества предварительного расследования и защиту прав всех участников уголовного судопроизводства.

2. Адьянов Э. Ю. Понятие и структура предмета доказывания / Э. Ю. Адьянов // Современная наука: актуальные вопросы, достижения и инновации: сб. ст. — 2018. — С. 121–123.
3. Зуев С. В., Сутягин К. И. Уголовный процесс: учебник. — Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2016. — 563 с.
4. Ильницкая Л. И. Понятие предмета доказывания в уголовном судопроизводстве / Л. И. Ильницкая // Итоги научно-исследовательской работы за 2017 год: сб. ст. — 2018. — С. 664–665.
5. Мелешко А. К. Предмет доказывания по делам о грабежах и разбоях [Электронный ресурс] / А. К. Мелешко // NovaInfo. — 2019. — № 108. — С. 31–34. — Режим доступа: <https://novainfo.ru/article/17160> (дата обращения: 12.06.2025).
6. Рыжаков А. П. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). — 9-е изд., перераб. — Подготовлен для системы «Консультант Плюс». — М., 2014. — 986 с.
7. Савинов В. Е. Понятие предмета доказывания в уголовном процессе / В. Е. Савинов // Аллея науки. — 2019. — Т. 2, № 6 (33). — С. 690–693.
8. Чурилов С. Н. Обстоятельства, подлежащие доказыванию в процессе расследования и судебного разбирательства уголовных дел о грабеже и разбое [Электронный ресурс] / С. Н. Чурилов // Nauka-rastudent.ru. — 2015. — № 10 (22). — Режим доступа: <http://nauka-rastudent.ru/22/2932/>

Особенности проведения доследственной проверки по сообщениям о грабежах и разбойных нападениях

Карпицкий Виталий Владимирович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Грабежи и разбойные нападения представляют собой серьезную угрозу личной безопасности граждан и общественному порядку. Эти преступления, как правило, сопряжены с насилием или угрозой его применения, что вызывает страх и чувство незащищенности у населения. Своевременное реагирование и раскрытие таких преступлений способствует укреплению доверия к правоохранительным органам и снижению уровня преступности. Важность проведения доследственной проверки по сообщениям о грабежах и разбойных нападениях определяется необходимостью обеспечения личной безопасности граждан, повышения эффективности расследования данных видов преступлений и совершенствования деятельности правоохранительных органов в этой сфере.

Ключевые слова: доследственная проверка, грабеж, разбойное нападение.

Peculiarities of conducting pre-investigation checks on reports of robberies and armed assaults

Robberies and armed robberies pose a serious threat to the personal safety of citizens and public order. These crimes are usually associated with violence or the threat of its use, which causes fear and a feeling of insecurity among the population. Timely response and detection of such crimes helps to strengthen trust in law enforcement agencies and reduce the crime rate. The importance of conducting a preliminary investigation into reports of robberies and armed assaults is determined by the need to ensure the personal safety of citizens, increase the effectiveness of investigations of these types of crimes and improve the activities of law enforcement agencies in this area.

Keywords: pre-investigation check, robbery, armed assault.

Доследственная проверка заявлений и сообщений о преступлениях является неотъемлемым элементом стадии возбуждения уголовного дела. Именно она позволяет в полной мере удовлетворить общие требования ч. 4 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [1] о необходимости вынесения законного, мотивированного и обоснованного постановления о возбуждении или отказе в возбуждении уголовного дела, посему может быть признана ядром данной стадии, составляющим ее основное содержание.

Доследственная проверка — это процедура, проводимая правоохранительными органами для оценки со-

бранных сведений о преступлении до возбуждения уголовного дела. В её рамках могут проводиться различные действия, включая осмотр мест происшествий, получение объяснений от свидетелей, осмотр и изъятие документов и предметов, назначение экспертиз, а также истребование образцов для сравнительного анализа [4, с. 411].

После того как доследственная проверка будет окончена, последует вынесение решения: возбудить уголовное дело или отказать в возбуждении дела.

Исходная информация о грабежах и разбойных нападениях появляется из заявлений потерпевших и очевидцев, сообщений лечебных учреждений, куда обратился потер-

певший или был доставлен, сообщений юридических лиц о нападении на их помещения или сотрудников [6, с. 54].

Основным направлением действий по проверке повода и нахождению оснований к возбуждению уголовного дела будет являться необходимость установить факт совершения грабежа или разбойного нападения (иначе говоря, следует определить, не было ли заведомо ложного доноса, добросовестного заблуждения и др.) и имел ли место грабеж или разбой. Данные действия имеют значение в ситуациях, когда о преступлении сообщили очевидцы, или оно было представлено анонимным сообщением.

Получив сообщение о преступлении, один из руководителей органа внутренних дел принимает решения:

- направить на место происшествия ближайший патрульный наряд или участкового инспектора полиции для обеспечения охраны места происшествия, оказать помощь потерпевшим; организовать преследование по горячим следам, информировать руководителей органа внутренних дел об обстановке на месте происшествия;

- направить на место происшествия следственно-оперативную группу в составе следователя, оперативных работников, специалиста-криминалиста и инспектора-кинолога со служебно-розыскной собакой.

По прибытии группы на место происшествия и при наличии потерпевших, нуждающихся в помощи, оказывают ее (в простейших случаях) и вызывают скорую медицинскую помощь. После ознакомления с обстановкой на месте происшествия определяется начальный план действий оперативного состава и следователя.

Следователь с участием понятых, специалистов и эксперта-криминалиста приступает к осмотру места происшествия, чтобы установить комплекс обстоятельств, имеющих значение при расследовании, а именно:

- характер обстановки места происшествия;
- пути подхода и ухода преступников с места противоправного деяния;
- возможность подхода к месту преступления незамеченным;
- места возможного наблюдения свидетелями действий преступников;
- наличие следов пребывания лиц на месте происшествия [5, с. 63].

Кроме того, он производит допросы (опросы) потерпевших, очевидцев и других свидетелей.

Одновременно с осмотром проводятся следующие оперативные мероприятия:

- прорабатываются меры преследования преступников подвижной группой с помощью собаки (по ходу преследования обращается внимание на предметы и вещи, которые могли быть спрятаны, оставлены или утеряны преступниками. С обнаруженных следов и предметов обязательно отбираются следы запаха и следы рук для последующего их использования в оперативных мероприятиях и следственных действиях);

- блокируются места возможного появления разыскиваемых (квартиры, притоны, железнодорожные и речные вокзалы, аэропорты, рестораны и т. п.);

- патрулируются дороги по маршрутам возможного движения преступников;

- о розыске преступников информируются органы транспортной и территориальной полиции соседних регионов;

- проверяются лица по оперативным учетам органов внутренних дел;

- ведется наблюдение в местах возможной реализации похищенного (на вещевых рынках, в коммерческих магазинах, около скупочных и комиссионных магазинов);

- проверяются ломбарды, комиссионные, скупочные и коммерческие магазины;

- ставятся на учет похищенные вещи и проверяются по антикварным, художественным учетам ценныхномерных вещей; ставятся на учет и проверяются по учетам пули и гильзы (если они обнаружены на месте происшествия);

- выявляются подозреваемые из числа лиц: находящихся в розыске, совершавших преступления аналогичным способом ранее, ведущих паразитический образ жизни и находящихся под административным надзором [2, с. 1053].

Если же сразу не удалось выйти на преступника, то, как показывает практика, весьма эффективным оказывается тактический прием, основанный на использовании криминалистически значимых данных из архивных уголовных дел, приостановленных или находящихся в производстве нераскрытых уголовных дел по аналогичным преступлениям [3, с. 68].

На стадии доследственной проверки материалов о преступлении инициатива в организации взаимодействия, как правило, исходит от оперативного сотрудника; именно он несет ответственность за предупреждение преступлений, а за их раскрытие отвечает солидарно со следователем.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Александрова А. Г. Доказательственное значение документов и предметов, полученных в ходе доследственной проверки // В сборнике: International & Domestic Law. Материалы XVII Ежегодной международной научной конференции по национальному и международному праву. Екатеринбург, 2023. С. 1051–1054.
3. Башинская И. Г. Доследственная проверка и ее место в уголовном процессе // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2024. № 4 (66). С. 67–71.

4. Межебурская С. А. Проблемы определения «доследственной проверки» заявлений и сообщений о преступлениях и его реформирования // Вопросы российской юстиции. 2025. № 35. С. 408–419.
5. Овсянников И. В. Заключение эксперта в доследственном производстве: проблема проверки и оценки // Законность. 2024. N 7. С. 62–65.
6. Топорков А. А. Криминалистическая методика расследования преступлений: учебник. М.: Юстиция, 2024. 294 с.

Договор купли-продажи в гражданском праве России: вопросы теории и правоприменительной практики

Карпова Кристина Игоревна, студент
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В данной статье анализируются судебные решения по определению существенных условий договора купли-продажи, демонстрируя противоположные решения по аналогичным вопросам. Выводится необходимость формирования позиции высшей судебной инстанции по данному вопросу, подтверждая важность декларативных признаков у общеправовых принципов справедливости и законности.

Ключевые слова: купля-продажа, существенные условия договора, судебное усмотрение, законность.

Договоры занимают важное место в гражданском обороте, охватывая товарооборот в различных отраслях и используя в личных и семейных нуждах. Регламентируются вопросы порядка заключения, прав сторон, ответственности и пр.

Договор является инструментом организации взаимосвязей в имущественном обороте, а гражданско-правовая ответственность имеет особое значение. Договор купли-продажи является одним из наиболее распространенных, и его изучение важно для понимания его ключевых особенностей и правоприменительных проблем.

Современная научная литература указывает на несовершенство судебной власти, неспособность обеспечивать преемственность правовых позиций. В частности, некоторые судебные решения и акты не имеют опоры в законах, представляя собой самостоятельное судебское правотворчество [1, 54]. В других же случаях прямо указывается на «кризис судебной власти, проявившийся в последние годы и связанный с вынесением несправедливых судебных актов»... [8, с. 64].

В России источники правового регулирования недвижимого имущества представлены иерархией нормативных актов, включая Конституцию РФ, федеральные законы и подзаконные акты.

Государственная регистрация является правоприменительным актом индивидуального характера, которая осуществляет деятельность в рамках установленных полномочий. Регистрация права на недвижимость и сделки с ней обязательна, а договор считается заключенным с момента регистрации. В процессе заключения договора купли-продажи и его реализации учитываются императивные положения, сформированные по отношению к исследуемому виду договора.

Анализ судебной практики показывает, что суды по схожим вопросам не демонстрируют единообразия,

а часто имеют прямо противоположные позиции. Это положение не нормально, особенно для базовых положений гражданского законодательства, таких как нормы о существенных условиях договора, которые играют ключевую роль в любом соглашении [5, с. 40]. Также отмечается неустойчивость судебных решений по вопросу необходимости включения условий в договор купли-продажи. Нет единого мнения о технологии согласования условий и по вопросу необходимости включения цены в число существенных условий [6, с. 32]. В то же время, по мнению А. С. Мирончика и А. А. Боровкова, подкрепленному ссылкой на учебник по гражданскому праву, цена названа законом существенным условием для договоров купли-продажи товара [7, с. 93].

Купля-продажа недвижимости — распространенный вид договора, но часто связана с трудностями. Проблемы могут возникнуть при реализации договора на жилое помещение с обременением или использованием материнского капитала. В научной литературе предлагаются меры по решению этих проблем, включая внесение сведений об использовании материнского капитала в реестр недвижимости. Необходимо создание механизмов для получения своевременных сведений о объекте недвижимости и защите прав покупателя.

Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ, существенными условиями считаются те, которые названы в законе или правовом акте как существенные или необходимые для договора данного типа. Если закон прямо указывает на перечень существенных условий, то ситуация очевидна. В других случаях, суд будет толковать соответствующие нормы, чтобы найти необходимые условия, и поиск таких условий должен ограничиваться массивом норм, регулирующих соответствующий вид договорных обязательств, чтобы избежать судебного произвола и дестабилизации правового регулирования.

В современном правоприменении нет единого мнения о согласовании существенных условий договоров купли-продажи. Существенные условия могут быть согласованы сторонами в товарных накладных, содержащих ссылку на договор, или в передаточном распоряжении. Суды выносят противоречивые решения, что существенные условия договора купли-продажи могут быть или не быть согласованными, если они указаны в передаточном распоряжении.

Суды имеют разногласия по вопросу, является ли определение предмета договора купли-продажи недвижимости в дополнительном соглашении свидетельством не согласованности договора. Некоторые суды считают, что это свидетельствует о незаключении договора, а другие — что это не изменяет его сущность. В этом контексте важно формирование позиции высшей судебной инстанции по этому вопросу.

Судебное усмотрение может привести к противоречивым решениям из-за субъективизма судей. Это ставит вопрос о справедливости и законности вердикта. Примеры иллюстрируют декларативную состоятельность принципов справедливости и законности в правоприменении. Нарушение принципа законности при применении юридических норм является основанием для отмены судебных решений [4, с. 258; 73, с. 13–14; 2, с. 107–109], однако то, какие именно выводы судов из приведенных имеют перспективы считаться не соответствующими закону, непосредственно

зависит от руководящей позиции высшего судебного органа, поскольку иной альтернативы неопределенным положениям правовых норм о существенных условиях договора купли-продажи в настоящее время нами не усматривается.

Таким образом, договоры занимают важное место в гражданском обороте, регламентируя вопросы порядка заключения, прав сторон, ответственности и пр. Договор купли-продажи является одним из наиболее распространенных, и его изучение важно для понимания его ключевых особенностей и правоприменительных проблем. В России источники правового регулирования недвижимого имущества представлены иерархией нормативных актов. Государственная регистрация является правоприменительным актом индивидуального характера, которая осуществляет деятельность в рамках установленных полномочий. Анализ судебной практики показывает, что суды по схожим вопросам не демонстрируют единообразия, а часто имеют прямо противоположные позиции. Купля-продажа недвижимости — распространенный вид договора, но часто связана с трудностями. Необходимо создание механизмов для получения своевременных сведений об объекте недвижимости и защите прав покупателя. В современном правоприменении нет единого мнения о согласовании существенных условий договоров купли-продажи, что может привести к противоречивым решениям.

Литература:

1. Белов В. А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2015. — № 11. — С. 53–90.
2. Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система: монография / под ред. Е. В. Вавилина. — Москва: Юстицинформ, 2018. — 258 с.
3. Волос А. А., Волос Е. П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография / под науч. ред. Е. В. Вавилина. — Москва: Проспект, 2019. — 184 с.
4. Голышев В. Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права // Вестник Московского государственного областного университета. — 2011. — № 1. — С. 257–261.
5. Голышев В. Г., Голышева А. В., Единак А. Ю. К вопросу о существенных условиях договора строительного подряда // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации: сб. ст. / под ред. О. В. Ефимовой, В. Г. Голышева. — Москва, 2021. — С. 39–43.
6. Кирпичев А. Е., Кондратьев В. А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. — 2019. — № 2. — С. 31–38.
7. Мирончик А. С., Боровков А. А. Неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. — 2017. — № 3. — С. 92–100.
8. Свириг Ю. А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практики // Современное право. — 2018. — № 4. — С. 63–67.

Влияние профессионального правосознания судей на назначение уголовного наказания

Каукин Дмитрий Николаевич, студент

Научный руководитель: Морозов Виктор Иванович, кандидат юридических наук, доцент
Тюменский государственный университет

В статье автор исследует влияние профессионального правосознания судей на назначение уголовного наказания на примере применения отдельных статей Уголовного кодекса Российской Федерации, с учетом пределов норм, установ-

ленных данными статьями. В статье рассматривается институт судейского усмотрения в контексте российской системы уголовного судопроизводства, анализируются его пределы с приведением проблематики и путей развития данного института в дальнейшей эволюции российской судебной и уголовно-правовой системе.

Ключевые слова: уголовное наказание, профессиональное правосознание судей, судейское усмотрение, принцип справедливости в уголовном праве, назначение наказания в уголовном праве.

The influence of the professional legal awareness of judges on the imposition of criminal punishment

In the article, the author examines the influence of professional legal consciousness of judges on the appointment of criminal punishment using the example of the application of individual articles of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the limits of the norms established by these articles. The article examines the institution of judicial discretion in the context of the Russian system of criminal proceedings, analyzes its limits with the presentation of the problems and ways of development of this institution in the further evolution of the Russian judicial and criminal-legal system.

Keywords: criminal punishment, professional legal consciousness of judges, judicial discretion, the principle of justice in criminal law, the appointment of punishment in criminal law.

Согласно ч.1 ст. 6 Уголовного кодекса РФ, наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного [8]. Ввиду того, что справедливость не имеет абсолютного значения, являясь по мнению Н. И. Матузова, «категорией не только морально-этической, но и глубоко абстрактной...» [3, с. 54], проблема назначения справедливого уголовного наказания остается одной из наиболее дискуссионных в юридической науке и практике.

Несмотря на то, что в контексте романо-германской правовой семьи, основным источником права, в том числе при рассмотрении уголовных дел, выступают нормативные правовые акты, в числе которых Уголовный кодекс РФ, обеспечение справедливости при назначении наказания, выносимого на основе его норм, является задачей судьи, на рассмотрении у которого находится конкретное уголовное дело.

Норма ч.1 ст. 60 Уголовного кодекса РФ, регулирующая общие начала назначения наказания в уголовном праве, содержит следующее правило: «Лицу, признанному виновным в совершении преступления, назначается справедливое наказание в пределах, предусмотренных соответствующей статьей Особенной части настоящего Кодекса, и с учетом положений Общей части настоящего Кодекса» [8]. При этом, анализ отдельных статей Особенной части Уголовного кодекса РФ позволяет сформировать следующий вывод: отдельные санкции уголовно-правовых норм имеют весомый разрыв между нижним и верхним пределом уголовно-правовой санкции.

Так, согласно ст. 105 Уголовного Кодекса РФ, убийство наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет лишения свободы; организация преступного сообщества, в соответствии со ст. 210 Уголовного Кодекса

РФ, наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет лишения свободы; кража в особо крупном размере, в соответствии со ст. 158 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от двух до десяти лет [8].

При этом, при определении конкретного размера наказания, в соответствии с ч.3 ст. 60 УК РФ, судье необходимо учитывать характер и степень общественной опасности преступления и личность виновного, в том числе обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание, а также влияние назначенного наказания на исправление осужденного и на условия жизни его семьи [8]. Исходя из этого, мы можем сделать вывод о важности уровня профессионального правосознания судьи при конкретизации отдельного наказания, достижении цели справедливости при уголовном судопроизводстве.

Обратившись к трудам Н. Я. Соколова, мы можем найти следующее определение профессионального правосознания: «система правовых взглядов, знаний, чувств, ценностных ориентаций и других структурных элементов правового сознания людей, профессионально занимающихся юридической деятельностью, которая требует специальной образовательной и практической подготовки» [7, с. 12]. В соответствии с данным определением, мы можем сформировать следующий авторский вывод: профессиональное правосознание судей представляет собой специфический вид профессионального правосознания юристов, формирующийся под влиянием опыта судейской деятельности, соответствующего особенностям системы уголовного судопроизводства в Российской Федерации.

В. Д. Зорькин выделяет следующий аспект судейской деятельности: «Судья должен руководствоваться не только буквой закона, но и духом справедливости, что требует высокого уровня правовой культуры» [2, с. 12]. В связи с этим, перед исследователями возникает актуальная необходимость изучения того, как профессиональное правосознание судей влияет на их деятельность,

принимаемые ими решения при назначении уголовного наказания, определении меры справедливого и соразмерного содеянному наказанию.

Используя метод исторической ретроспективы, отметим тот факт, что институт судейского усмотрения, использования судьями профессионального правосознания при принятии решений о назначении наказания и его размере, имел место и в советский период отечественного права. Так, в соответствии со ст. 37 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г., при назначении наказания судьи должны были руководствоваться социалистическим правосознанием [9]. Обратившись к трудам В. Н. Нерсисянца, мы можем обнаружить следующее определение социалистического правосознания: «взгляды, представления, настроения, чувства рабочего класса относительно характера, сущности принципов права и законности» [6, с. 392]. Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что использование судьями правосознания при вынесении решений по уголовным делам является укоренившейся практикой, зарекомендовавшей себя на протяжении всего периода ведения уголовного судопроизводства как в период советского, так и в период современного российского права.

Одним из инструментов практической реализации профессионального правосознания судьи при рассмотрении уголовного дела является институт судейского усмотрения, определяемого И. А. Покровским как «право более свободного толкования, восполнения и даже исправления закона сообразно требованиям справедливости и веления судейской совести» [5, с. 90]. При этом, вопрос о том, насколько справедливо само существование института судейского усмотрения в уголовном праве, а также о его пределах, для российского права является дискуссионным.

С одной стороны, в открытых источниках мы можем встретить мнения о том, что несмотря на действительное наличие возможности судейского усмотрения при принятии решений по уголовным делам, такое усмотрение не имеет широких пределов. Так, по мнению судьи Верховного Суда РФ в почетной отставке М. С. Шалумова, рассматривая пределы судейского усмотрения на примере вынесения судьями наказаний на примере уголовных дел о квартирных кражах, отмечает следующее: «...для судейского усмотрения остается очень немного места. И если оно остается, то единственным критерием можно назвать принцип справедливости» [10].

Иную позицию возможности судейского усмотрения при принятии решений по уголовным делам, в контексте того, что представления о справедливости у сторон уголовного производства могут отличаться, мы можем встретить, обратившись к мнениям представителей профессионального юридического сообщества. Так, член Совета Федеральной палаты адвокатов РФ Е. Г. Авакян отмечает следующее: «...далеко не всегда мы имеем единое представление о том, что морально, нравственно и справедливо с точки зрения защитника, обвиняемого и судьи»

[10]. Таким образом, возможность применения судейского усмотрения при вынесении отдельных решений по уголовным делам и границы такового, как пример применения судей профессионального правосознания, являются дискуссионной для российской юриспруденции темой, проблематика и решение которой должны стать предметом как доктринального осмысления правоведов, так и конкретизации со стороны Верховного Суда РФ.

В качестве примера, иллюстрирующего проблематику неоднозначного применения судьями профессионального правосознания, а также отличий в правовых подходах судей в делах, которые при сравнении некоторых элементов составов преступлений можно считать схожими, служит практика применения судьями ст. 64 Уголовного Кодекса РФ, регулирующей вопрос назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление [8].

Так, в исследовании, проведенном А. А. Нечепуренко и А. Е. Куковякиным, приводится таблица, посвященная сбору и статистическому обобщению обстоятельств, которые были признаны российскими судьями исключительными, повлиявшими на смягчение уголовного наказания и назначение такового ниже низшего предела уголовно-правовых норм. Среди таковых обстоятельств мы можем обнаружить как весьма объективные, обозначенные в ст. 61 УК РФ (например, явка с повинной, наличие у виновного малолетних детей и пр.), так и ряд обстоятельств, в контексте которых мы можем говорить о субъективности судейского мнения (например, отсутствие работы, смерть родственника, ранее не был привлечен к административной ответственности, преступление по мотиву сострадания и пр.) [4, с. 24].

Отдельного внимания заслуживает и тот факт, что отдельные санкции норм статей Уголовного кодекса РФ предоставляют широкие возможности для применения судейского усмотрения при назначении уголовного наказания. Так, в качестве примера мы можем привести санкцию ч.4 ст. 111 УК РФ, устанавливающую наказание от двух месяцев до пятнадцати лет лишения свободы при умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем по неосторожности смерть потерпевшего [8]. Такой разрыв между нижним и верхним пределом срока наказания за совершение преступления порождает чрезмерные возможности толкования норм уголовного права судьями. В качестве предложения, должного повлиять на укрепление института назначения справедливого и соразмерного тяжести преступления наказания в уголовном праве, мы можем предложить установление общего подхода к формированию уголовно-правовых санкций законодателем, в виде универсального определения максимального разрыва между нижним и верхним пределом срока лишения свободы в размере не более пяти лет.

Исходя из представленных положений, мы можем сформировать ряд выводов по представленной проблеме. В первую очередь, стоит отметить тот факт, что профессиональное правосознание судей в ряде случаев играет ве-

сомую роль в процессе обеспечения справедливости наказания. Потому, высокие квалификационные требования, предъявляемые к судьям, являются оправданными, т. к. судья в уголовном судопроизводстве выступает не только в качестве субъекта толкования отдельных уголовно-правовых норм, но и в качестве лица, уровень понимания закона которого является ключевым фактором выполнения целей уголовного наказания, обеспечения реализации принципов данной отрасли права.

Однако, представленные выше примеры, основанные на статистике применения ст. 64 Уголовного Кодекса РФ, подтверждают предположение о том, что возможность неоднозначных трактовок одних и тех же норм уголовного права, рождает субъективность в принятии решений судьями, а следовательно — неоднозначность судебной практики.

Ввиду этого в качестве решения представленной проблемы предлагается внести поправки в Уголовный Кодекс РФ, обязывающие судей при формировании решения по уголовным делам с применением ст. 64 Уголовного Ко-

декса РФ, разъяснять мотивы принятого решения, подтверждающие целесообразность назначения наказания ниже нижнего предела санкции отдельных норм Уголовного Кодекса РФ.

Также необходимо отметить высокую значимость Обзоров судебной практики Верховного Суда РФ в части приведения к единообразию, разъяснения отдельных спорных моментов применения уголовно-правовых норм, в т. ч. ст. 64 Уголовного Кодекса РФ. Так, В. Д. Зорькин отмечает следующее: «...Обзоры ВС РФ фактически приобрели характер субсидиарного источника права, особенно в вопросах назначения наказания и процессуальных процедур» [1]. Согласимся с этим мнением, подтверждающим авторскую мысль о том, что важной ролью Обзоров судебной практики Верховного Суда РФ является в том числе приведение к единообразию представлений судей о сущности, целях и пределах уголовных наказаний. Тем самым, субъективные представления судей, основанные на их профессиональном правосознании, приходят к унифицированному единоначалию.

Литература:

1. Зорькин В. Д. Конституция и правовая система России. М.: Норма, 2020. 215 с.
2. Зорькин В. Д. Правовое государство и судебная власть // Журнал российского права. 2019. № 5. С. 12.
3. Матузов Н. И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратовской государственной академии права, 1987. 54 с.
4. Нечепуренко А. А., Куковякин А. Е. Ограничение судейского усмотрения при переводе смягчающих обстоятельств в статус исключительных в порядке ст. 64 УК РФ // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2017. № 3(70). С. 20–27.
5. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 90 с.
6. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / Под общ. ред. академика РАН, д.ю.н., проф. В. С. Нерсесянца. М.: Норма, 2004. 392 с.
7. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов. М., 1988. 12 с.
8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
9. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) (ред. от 30.07.1992). Утратил силу с 01.01.1997.
10. Мухамбетова А. Судьи рассказали о судейском усмотрении в уголовном и гражданском судопроизводствах // Адвокатская газета. — URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/sudi-rasskazali-o-sudeyskom-usmotrenii-v-ugolovnom-i-grazhdanskom-sudoproizvodstvakh/>

Обязательное досудебное урегулирование задолженности перед подачей заявления о личном банкротстве

Козлов Александр Николаевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Рогова Юлия Валентиновна, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Санкт-Петербург)

Статья посвящена исследованию целесообразности введения обязательной досудебной процедуры урегулирования задолженности для граждан до подачи заявления о банкротстве. На основе анализа российского законодательства, судебной практики и Стандарта, предложенного Банком России, а также сравнительно-правового обзора зарубежного опыта, обосновывается потенциал внедрения такого механизма. Отмечается, что предложенная модель способствует социальной реабилитации должника и может стать действенным инструментом разрешения долговых проблем на ранней стадии.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, досудебное урегулирование задолженности, нагрузка на судебную систему, оптимизация банкротных процедур, законодательство о банкротстве, комплексное урегулирование задолженности, социальная реабилитация гражданина.

Принятие Федерального закона от 29.05.2024 № 107-ФЗ знаменует собой важный этап совершенствования отечественного законодательства о банкротстве. Данный закон, разработанный по инициативе Верховного Суда РФ, направлен на совершенствование процессуальных механизмов несостоятельности. Необходимость такой оптимизации в делах о банкротстве обусловлена, прежде всего, потребностью в ускорении удовлетворения требований кредиторов и снижении издержек на проведение соответствующих процедур. Актуальность этих задач подтверждается и представителями крупнейших кредиторов. Так, Евгений Николаевич Акимов, управляющий директор — начальник управления принудительного взыскания и банкротства департамента по работе с проблемными активами ПАО «Сбербанк», в интервью журналу «Цивилистика» подчеркнул ключевой принцип работы с проблемными активами: «нужно возвращать больше и быстрее» [1, с. 34].

В пояснительной записке к законопроекту № 516699–8 Верховный Суд РФ отдельно отметил, предложения по совершенствованию модели законодательного регулирования отношений несостоятельности должны быть направлены на то, чтобы наибольшее внимание суда было уделено тем делам, в которых между сторонами действительно имеется правовой конфликт и требуется вмешательство суда как компетентного юрисдикционного органа. С учетом этого в законопроекте предложено расширить применение так называемого документарного судопроизводства в арбитражных судах, на основе которого судья в отсутствие возражений участвующих в деле лиц сможет принимать существенную часть судебных актов в деле о банкротстве без проведения судебного заседания с изготовлением только резолютивной части определения.

В качестве аргумента, Верховный Суд предоставил статистику Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, где в 2022 году в рамках дел о банкротстве рассмотрено 1 954 876 обособленных споров; в первом полугодии 2023 года — 1 211 541 обособленный спор.

В целях снижения нагрузки на судебную систему Верховным Судом РФ также инициировалось предложение о существенном увеличении пороговой суммы задолженности для возбуждения дел о банкротстве юридических лиц (за исключением специальных субъектов, пороговая сумма которых была увеличена до 3 млн. руб.) — с 300 тыс. руб. до 2 млн руб. [13, с. 1]. Важно отметить, что в рамках данной инициативы пороговое значение для инициирования банкротства граждан осталось на прежнем уровне (500 тыс. руб.). Практически одновременно с обсуждением этих предложений велась работа над совершенствованием и внесудебных механизмов потребительского банкротства. Например, 4 августа 2023 года был

принят Федеральный закон № 474-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», направленный на расширение доступности внесудебной процедуры банкротства для физических лиц.

В качестве следующего шага, направленного на снижение нагрузки на судебную систему, в статье рассматривается целесообразность введения обязательного досудебного механизма урегулирования задолженности (или «комплексного урегулирования задолженности», как данный механизм именует Банк России [14, с. 1]).

Идея досудебного урегулирования задолженности физических лиц нашла отражение в инициативах Банка России, который разработал концепцию комплексного урегулирования задолженности. Ее основой является Стандарт защиты прав и интересов заемщиков — физических лиц при урегулировании задолженности по кредитным договорам, заключенным в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности (Стандарт), носящий на данный момент рекомендательный характер [2, с. 1]. Тем не менее, рассматриваемый подход представляет значительный интерес как потенциальная модель обязательной досудебной процедуры банкротства. Такая процедура могла бы выполнять функцию предварительного отбора и содействия урегулированию, в рамках которой долговые консультанты оказывали бы помощь в разработке планов погашения (реструктуризации) задолженности и достижении соглашений с кредиторами во внесудебном порядке, позволяя избежать инициирования дела о банкротстве для определенной категории должников.

Ключевой принцип механизма, предложенного Банком России, заключается в том, что урегулирование инициируется при попадании заемщика в объективно подтверждаемую трудную жизненную ситуацию, которая препятствует своевременному исполнению обязательств по кредитным договорам. Стандарт определяет такие жизненные ситуации через ряд обстоятельств, свидетельствующих о существенном и, как правило, непредвиденном ухудшении финансового или социального положения заемщика. Условно их можно сгруппировать в несколько категорий:

1. ситуации, связанные со значительной потерей или снижением источника дохода;
2. критическое падение платежеспособности, определяемое через соотношение среднемесячного дохода и размера ежемесячных платежей по кредитам;
3. жизненные события, влияющие на возможность обслуживания долга.

Важно отметить, что акцент сделан на объективных критериях, а сам перечень ситуаций, признаваемых тяжелых жизненных ситуаций, согласно Стандарту, не яв-

ляется исчерпывающим и может быть расширен кредиторами во внутренних документах [2, с. 28].

В качестве способов урегулирования Банк России предлагает использовать широкий спектр мер, направленных на снижение долговой нагрузки и восстановление платежеспособности заемщика. К ним относятся прежде всего инструменты реструктуризации долга: отсрочка или рассрочка платежей, установление льготного периода, изменение графика платежей, снижение финансового бремени, а также альтернативные варианты погашения задолженности, не противоречащие законодательству [2, с. 4]. Цель такого урегулирования — найти взаимоприемлемое решение, позволяющее заемщику вернуться в график платежей и избежать банкротства.

Примечательно, что в предложенных Банком России критериях не отражены формальные признаки неплатежеспособности, установленным пунктом 3 статьи 213.6 Закона о банкротстве. Это подчеркивает превентивную направленность механизма. Его задача — не констатация факта неплатежеспособности, а его предотвращение через своевременное урегулирование на стадии, когда финансовые трудности еще не стали необратимыми.

Разработанный Банком России подход, несмотря на его текущий добровольный характер, формирует концептуальную основу для возможного внедрения обязательной досудебной процедуры урегулирования задолженности перед обращением с заявлением о банкротстве гражданина.

Досудебное урегулирование задолженности в зарубежных юрисдикциях является предметом дискуссий. Например, в пункте 128 Отчета Всемирного банка о порядке рассмотрения дел о неплатежеспособности физических лиц указано: «Законодатели многих регионов подчеркивают приоритетность предотвращения производства по делу о несостоятельности, отчасти отдавая предпочтение урегулированию долговых проблем путем переговоров. Это предпочтение проявляется в общем требовании о том, что добровольные соглашения между должником и кредиторами должны иметь приоритет перед судебными разбирательствами. В ряде стран переговоры между должниками и их кредиторами являются предварительным условием для возбуждения производства по делу о несостоятельности, и законодательство предусматривает узаконенную (регламентированную) систему переговоров и урегулирования задолженности. В некоторых странах до начала процедуры банкротства физических лиц была создана сеть консультантов по вопросам потребительских кредитов» [7, с. 46].

Яркий пример такого подхода — Хорватский Закон о банкротстве потребителей, принятый в 2016 году [11], где предусмотрена отдельная глава о внесудебном банкротстве, согласно которому судебное банкротство потребителю доступно только после проведения консультационным центром внесудебной процедуры в 30-дневный срок. Внесудебная процедура влечет за собой определенные издержки. Расходы на внесудебную процедуру покрываются за счет внесенного заявителем аванса. Заявитель вносит депозит

в размере 39,82 евро / 300 кун. Заявитель может быть освобожден от обязанности вносить аванс при условии, если подходит под специальные правила, регулирующие бесплатную юридическую помощь [11].

Иным примером может послужить и Кодекс о несостоятельности Германии (InsO), где § 305 Кодекса предусмотрено, что при подаче заявления о собственном банкротстве Должник обязан представить вместе с заявлением об открытии производства по делу о несостоятельности, справку, подтверждающую, что в течение последних шести месяцев до подачи заявления об открытии производства по делу о несостоятельности предпринимались безуспешные попытки заключить внесудебное соглашение с кредиторами об урегулировании задолженности на основе плана [4]. К заявлению необходимо приложить план и указать основные причины его невыполнения.

В статье «Bankruptcy of individuals: Russian and foreign experience», коллектив авторов со ссылкой на работу Т. П. Шишмаревой: «Институт несостоятельности в России и Германии», указывает, что должник обязан принять меры по предварительному урегулированию спора. При этом обязанность не является формальной, должник должен предпринять реальные шаги для урегулирования спора [6, с. 8].

Неожиданно иной подход продемонстрировало Положение о банкротстве физических лиц Особой экономической зоны Шэньчжэнь, который базируется на принятом в 2008 году Законе о банкротстве Тайваня. Несмотря на национальные традиции, отличительной чертой Шэньчжэньского закона является более простой и широкий доступ к процедуре банкротства. Он устранил требование о том, чтобы должники проводили обязательные переговоры с банками по урегулированию задолженности, прежде чем обращаться в юрисдикционный орган, за установлением статуса банкрота [8, с. 42].

В 2006 году Швеция также отказалась от обязательной процедуры досудебного урегулирования, признав данный этап неэффективной формальностью, не коррелирующей с реальным уровнем долговой нагрузки на физических лиц, инициирующих процедуру банкротства. Тем не менее, как отмечает Джейсон Килборн, в последние годы действия закона в редакции 1994 года кредиторы одобрили планы выплат примерно в 40–45 % случаев их предложения долговыми консультантами. Однако, по его же данным, остается неясным, какая доля этих должников действительно являлась кандидатами для формальной процедуры банкротства. Вероятно, многие из этих случаев касались платежеспособных или почти платежеспособных должников, обращавшихся за помощью в урегулировании своих долговых обязательств [9, с. 6].

Говоря о заимствовании зарубежного опыта следует упомянуть, что глобально выделяют два основных подхода к банкротству потребителей: «fresh start» и «can pay, should pay» или как его еще называют «earned start». Отличительные особенности этих двух подходов скрываются в их названии: если первое — это новый (свежий) старт, где

закон и суды стремятся к быстрому разрешению дел, связанных с отсутствием дохода или активов, а также обеспечить освобождение от ответственности и новый старт для всех должников, являющихся физическими лицами [5, с. 13], в то время «can pay, should pay» обязывает должника перед освобождением от накопленных долгов исполнить определенный план платежей в пользу кредиторов [3, с. 166]. В зависимости от юрисдикции срок исполнения плана разнится, как правило такой срок составляет 3–5 лет.

Прежде чем рассматривать вопрос о целесообразности введения в России обязательного досудебного порядка урегулирования задолженности, необходимо определить дальнейшую стратегию развития отечественного института банкротства физических лиц, с учетом доминирования в нем публичного элемента в виде идеи «социальной реабилитации» [2].

Следует отметить, что на начальном этапе становления института потребительского банкротства в судебной практике преобладал подход, согласно которому освобождение должника от исполнения обязательств рассматривалось как экстраординарная мера, являющаяся скорее исключением, нежели ординарным последствием процедуры [15, с. 4]. Впоследствии, начиная с 2019 года, Верховный Суд РФ сформулировал иную правовую позицию, согласно которой основной задачей института потребительского банкротства является социальная реабилитации гражданина — предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам [16, с. 3]. Верховный Суд РФ последовательно придерживался указанной правовой позиции в своих последующих актах, демонстрируя и формируя новый подход к применению норм Закона о банкротстве [17, с. 3].

Оценка целесообразности введения досудебного урегулирования долгов напрямую зависит от определения числа потенциально заинтересованных граждан. Данные Федресурса показывают, что к концу 2024 года было инициировано 49 867 судебных процедур реструктуризации долгов [18, с. 12]. Это значительное число судебных процедур можно рассматривать как индикатор существующей потребности в урегулировании финансовых проблем. Следовательно, можно обоснованно предположить, что при наличии эффективного и доступного досудебного механизма существенная часть из этих граждан предпочла бы воспользоваться именно им, минуя судебную систему.

Вместе с тем, эффективность существующей судебной процедуры реструктуризации, предусмотренной Законом о банкротстве, ограничена рядом факторов. Сложность процесса, его формализованный характер и жесткие критерии («фильтры») для утверждения плана приводят к тому, что реабилитационные цели достигаются нечасто. Показательно, что при 49 867 инициированных процедурах к концу 2024 года [18, с. 12], только 1 365 гражданам удалось добиться утверждения плана реструктуризации [18, с. 14], что свидетельствует о существенных барьерах в рамках данного механизма.

Всемирный банк в «Докладе о мировом развитии 2022: Финансирование в интересах справедливого восстановления», в очередной раз отметил, международный перевод опыта, эмпирические исследования и уроки, извлеченные из предыдущих крупных финансовых кризисов, указывают на четыре ключевых направления реформирования законодательства о несостоятельности (банкротстве). Одним из таких направлений является содействие развитию систем альтернативного разрешения споров, таких как примирительные процедуры и медиация [5, с. 13]. В частности, представляет интерес опыт Швеции и Хорватии, по созданию сети долговых консультантов, которые помогают достичь соглашения между должником, находящимся в предбанкротном состоянии, и его кредиторами.

В качестве потенциального института первичного консультирования при досудебном урегулировании задолженности в России могут быть задействованы многофункциональные центры предоставления государственных и муниципальных услуг (МФЦ). Учитывая их территориальную доступность и наличие организационных ресурсов, МФЦ способны выполнять функции посредника между должником и его кредиторами на ранней стадии возникновения обстоятельств, предшествующих возникновению признаков неплатежеспособности. Гражданин, предвидящий наступление банкротства, может обратиться в МФЦ с заявлением, приложив список кредиторов и опись имущества. После получения указанных сведений МФЦ направляет соответствующие запросы кредиторам с целью выявления возможности достижения договоренностей о комплексном урегулировании задолженности. В случае согласия сторон заключается многостороннее соглашение с новым графиком платежей. Эффективный срок такого досудебного урегулирования должен составлять не более одного месяца. Превышение этого срока ухудшит положение как самих кредиторов, так и безосновательно ограничит должника от права на обращения в суд создавая для него обременительные условия, возлагая на него обязанность участия в разработке плана выхода из кризиса, который объективно не может быть исполнен. Ускорить подачу и рассмотрение обращения гражданина возможно через цифровизацию посредством портала Госуслуг.

При отсутствии возможности утвердить план урегулирования задолженности, МФЦ разъясняет гражданину возможность инициирования процедуры внесудебного банкротства. В случае, если досудебная процедура урегулирования долгов не приводит к достижению соглашения и прохождение банкротства внесудебно не представляется возможным, должнику выдается документ, подтверждающий попытку урегулирования обязательств во внесудебном порядке. Данная справка фиксирует факт обращения к процедуре комплексного урегулирования задолженности, в рамках которой должник предпринимал добросовестные усилия по погашению задолженности и урегулированию обязательств перед кредиторами. В подобной ситуации бремя последствий неурегулирован-

ности долга в большей степени возлагается на кредиторов, отказавшихся от взаимодействия, а не на самого должника. Без проведения подобных мероприятий процедура судебного банкротства может стать недоступной для граждан, столкнувшихся с финансовыми трудностями.

В условиях оптимизации судебных процессов, досудебное урегулирование задолженности может рассматриваться как эффективный элемент разгрузки судебной системы, способствующий снижению числа дел, поступивших на рассмотрение в суды. Вместе с тем, применительно к должникам, находящимся в длительной просрочке (от одного года и более), которые по тем или иным причинам не воспользовались возможностью досудебного урегулирования задолженности, более целесообразным представляется прямое обращение в суд с заявлением о банкротстве.

При этом, их субъективная добросовестность должна подвергаться более углубленной судебной оценке, включая анализ целей кредитования, мотивов отказа (или отсутствия попыток) внесудебного урегулирования. Такая мера способна оказать дисциплинирующее воздействие на должников, поощряя использование предусмотренных законом процедур урегулирования на более ранних этапах. Вместе с тем, формирование регуляторной среды должно обеспечивать баланс, стимулируя добросовестное поведение должников на ранних этапах возникновения риска банкротства, не создавать негативные

стимулы, ведущих к уклонению от инициирования процедуры банкротства.

В рамках совершенствования законодательства о банкротстве, ориентированного на повышение эффективности процедур и снижение нагрузки на судебную систему, обоснована целесообразность введения обязательной досудебной процедуры урегулирования задолженности для граждан перед обращением в суд с заявлением о банкротстве.

Предлагаемый механизм, учитывающий международный опыт, представляется логичным этапом в развитии института несостоятельности физических лиц, который согласуется со стремлением законодателя расширить роль внесудебного банкротства.

Использование МФЦ в качестве площадки для консультирования может обеспечить ряд позитивных эффектов: от сепарации дел, разрешимых без обращения в суд, до стимулирования раннего выявления и разрешения долговых проблем. Фиксация попытки урегулирования может также служить дополнительным критерием добросовестности должника и возлагать часть ответственности на кредиторов, отказавшихся от диалога.

При имплементации зарубежного опыта необходимо тщательно проработать процедурные аспекты, риски формализации и возможные издержки. Тем не менее, введение обязательного досудебного урегулирования представляется перспективным направлением развития законодательства о банкротстве, соответствующим современным задачам.

Литература:

1. Акимов, Е. Н. «Если в целом говорить о банкротстве и о политике банка, то нам нужно возвращать больше и быстрее...» / Е. Н. Акимов, А. В. Егоров. — Текст: непосредственный // журнал Цивилистика. Сборник научно-практических публикаций «Банкротство». — 2018. — С. 23–38.
2. Информационное письмо «Информационное письмо о Стандарте защиты прав и интересов заемщиков — физических лиц при урегулировании задолженности по кредитным договорам, заключенным в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности». — Текст: электронный // Сайт Банка России: [сайт]. — URL: <https://www.cbr.ru/Crosscut/LawActs/File/6181> (дата обращения: 26.04.2025).
3. Карелина, С. А. Проблемы формирования правовой политики потребительского банкротства в России и их влияние на механизмы банкротства граждан / С. А. Карелина, И. В. Фролов. — Текст: СПС КонсультантПлюс // Закон. — 2015. — № 12. — С. 33–52.
4. Смирных, А. Г. Банкротство граждан в XXI веке: дороги, которые мы выбираем / А. Г. Смирных. — Текст: непосредственный // Сборник статей к 20-летию действующего закона о банкротстве и 30-летию первого современного Российского закона о банкротстве. — Национальная ассоциация «Банкротный клуб». — С. 160–168.
5. Шишмарева, Т. П. Институт несостоятельности в России и Германии / Т. П. Шишмарева. — Москва: Статут, 2015. — 332 с. — Текст: СПС КонсультантПлюс.
6. A World Bank Group Flagship Report. World Bank. 2022. World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1730-4. License: Creative Commons Attribution CC BY 3.0 IGO. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/36883/9781464817304.pdf> (дата обращения 22.04.2025).
7. Bankruptcy of Individuals: Russian and Foreign Experience / V. V. Marina, S. K. Olga, A. V. Viktoriya, A. O. Valeryi. — Текст: непосредственный // Journal of Legal, Ethical and Regulatory Issues. — 2018. — № Vol: 21 Issue: 4. URL: <https://www.abacademies.org/articles/bankruptcy-of-individuals-russian-and-foreign-experience-7864.html>.
8. Insolvency, and, Creditor/Debtor, Regimes, Task Report on the Treatment of the Insolvency of Natural Persons / and, Creditor/Debtor, Regimes, Task Insolvency. — Текст: электронный // The World Bank Group: [сайт]. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/83500027-9cef-5465-a70b-094bc8958726> (дата обращения: 26.04.2025).

9. Jason, J. K. Law in Books Versus Law in Action in the Landmark Shenzhen, Law in Books Versus Law in Action in the Landmark Shenzhen, China, Personal Bankruptcy Regime China, Personal Bankruptcy Regime / J. K. Jason. — Текст: URL: <https://scholarlycommons.law.emory.edu/ebdj/vol40/iss1/2/> // Emory Bankruptcy Developments Journal Emory Bankruptcy Development. — 2024. — № Volume 40 Issue 1. — С. 36–67.
10. Kilborn, Jason J., Out With the New, in With the Old: as Sweden Aggressively Streamlines its Consumer Bankruptcy System, Have U. S. Reformers Fallen Off the Learning Curve? American Bankruptcy Law Journal, vol. 80, p. 435, 2007, Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=913096> or <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.913096>.
11. Postupak stečaja potrošača može se otvoriti samo ako je potrošač nesposoban za plaćanje. — Текст: электронный // Sudovi Republike Hrvatske: [сайт]. — URL: <https://sudovi.hr/hr/gradani/stecaj-potrosaca> (дата обращения: 26.04.2025).
12. Zakon o stečaju potrošača NN 100/2015 (18 сентября 2015 г.). — Текст: электронный // Narodne Novine Sluzebni list republike hrvatske: [сайт]. — URL: https://narodne-novine.nn.hr/clanci/sluzbeni/2015_09_100_1936.html (дата обращения: 26.04.2025).
13. Пояснительная записка к проекту федерального закона О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» и статью 223 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации № 516699–8 URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/516699-8#bh_note (дата обращения 19.04.2025).
14. Выступление Эльвиры Набиуллиной на совместном заседании профильных комитетов Государственной Думы, посвященном рассмотрению Годового отчета Банка России за 2024 год. — Текст: электронный // Банк России: [сайт]. — URL: <https://www.cbr.ru/press/event/?id=23513> (дата обращения: 19.04.2025).
15. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013 по делу № А48-7405/2015 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6c0cfff3-e4fd-4ef4-b5c1-59c21b3cc306/831dbc8c-5c33-4a67-8e9a-ccf4cf378f65/A48-7405-2015_20180125_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True / (дата обращения 15.06.2025).
16. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 по делу № А41-20557/2016 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/803ae7cf-5d77-4a5b-a8d4-283ee2a1157b/17c47bc1-ecbc-42d5-aca0-3e717eb61928/A41-20557-2016_20190603_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True / (дата обращения 15.06.2025).
17. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.04.2023 № 305-ЭС22-25685 по делу № А40-129309/2021 // https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/ee521a64-4b11-4774-8fa3-ea1155cc4d02/ad06635-0025-4397-bb78-40b17d81eeba/A40-129309-2021_20230406_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True / (дата обращения 15.06.2025).
1. Статистический бюллетень Федресурса по банкротству 2024. — Текст: электронный // Федресурс: [сайт]. — URL: <https://download.fedresurs.ru/news/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B1%D1%8E%D0%BB%D0%BB%D0%B5%D1%82%D0%B5%D0%BD%D1%8C%202024.pdf> (дата обращения: 14.06.2025).

О сущности прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве

Колесников Ярослав Александрович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

На сегодняшний день сложно представить современную систему уголовного судопроизводства без участия органов прокуратуры в реализации обеспечения прав и свобод граждан, а также в надзоре по осуществлению соблюдения действующего законодательства. Актуальность данного вопроса заключается в отсутствии четкой законодательной регламентации рассматриваемого института, что создает соответствующие сложности в практической деятельности. В настоящей статье автором рассматриваются сущность и особенности прокурорской деятельности, выявляются существующие законодательные проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: прокурор, прокурорская деятельность, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, обеспечение прав и свобод.

On the essence of prosecutorial activity in criminal proceedings

Kolesnikov Yaroslav Aleksandrovich, student
Kuban State University (Krasnodar)

Today, it is difficult to imagine a modern criminal justice system without the participation of the prosecutor's office in ensuring the rights and freedoms of citizens, as well as in supervising compliance with current legislation. The relevance of this issue lies in the

lack of clear legislative regulation of the institution in question, which creates corresponding difficulties in practice. In this article, the author examines the essence and features of prosecutorial activity, identifies existing legislative problems and suggests ways to solve them.

Keywords: prosecutor, prosecutorial activity, criminal proceedings, criminal procedure, ensuring rights and freedoms.

На протяжении многих лет прокурорская деятельность является одним из важнейших направлений в системе уголовного судопроизводства России.

К сожалению, на сегодняшний день законодателем не определен ни понятийный аппарат деятельности прокуратуры, ни функции прокуратуры, что вызывает многочисленные дискуссии среди различных авторов и специалистов в области уголовного процесса.

Вместе с тем, отсутствующие определения указанных правовых категорий неоднократно упоминаются законодателем в нормах Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ № 2202–1) [2].

По мнению автора Н. Н. Карпова, ставшего первым специалистом, предложившим ввести в теорию уголовного процесса понятие прокурорской деятельности, а также предложившего замену существующего термина «прокурорский надзор» указанным понятием, функции прокуратуры весьма обширны, что не позволяет их включать в термин «прокурорский надзор». Автор считает, что прокурорская деятельность как уголовно-процессуальный феномен является гораздо шире [4].

На наш взгляд, позиция автора достаточно обоснована и отражает в какой-то степени сущность прокурорской деятельности.

Отметим, что в доктрине уголовно-процессуального права учеными-теоретиками выделяются два значительных блока, составляющих сущность и функции прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве.

Так, в качестве первой специалисты выделяют осуществление надзора за соблюдением Конституции Российской Федерации и нормативных правовых актов, действующих на территории нашего государства.

Ко второму же блоку в юридической литературе относится деятельность должностных лиц органов прокуратуры по обеспечению защиты прав и свобод граждан.

Важно отметить, что прокурор в реализации своих уголовно-процессуальных функций обеспечивает их осуществление посредством участия в процессуальных действиях, закрепленных уголовно-процессуальным законодательством нашего государства.

При этом, как уже отмечалось выше, в нормах УПК РФ определение «процессуальная деятельность», в том числе органов прокуратуры, не раскрывается в чистом виде. Вместе с тем, законодатель косвенно использует указанные понятия в некоторых нормах. Так, согласно статье 5 УПК РФ, в которой раскрываются основные термины и понятия уголовно-процессуального законодательства, при определении уголовного преследования законодатель использует термин «процессуальная деятельность»,

который, несомненно, является обобщенным и включает в себя в том числе прокурорскую деятельность [1].

Вместе с тем, большое значение для определения деятельности прокуратуры имеют такие понятия, как «процессуальное решение» и «процессуальное действие», которые и составляют по своей сути процессуальную деятельность прокурора, поскольку она как раз и состоит из определенных действий и принятых по итогам этих действий решений.

Исходя из мнения ученых-процессуалистов, изучающих специфику данного вопроса, можно прийти к выводу, что в настоящее время существует значительный законодательный пробел, который носит преимущественно теоретический характер, но который все же необходимо устранить [3].

Так, в нормах действующего уголовно-процессуального законодательства нашего государства мы видим некую коллизию, поскольку законодатель, при определении термина «уголовное преследование» использует термин «процессуальная деятельность», которая не раскрывается в нормах УПК РФ.

Применяя данное определение в отношении понятия «прокурорская деятельность», следует отметить, что характер деятельности прокурора в рамках выполнения возложенных на него функций гораздо шире, чем его процессуальная деятельность.

На наш взгляд, следует четко обозначить границы осуществления деятельности прокуратуры, а именно включить в нее направления деятельности, которые прокурор ведет в процессе выполнения возложенных на него государством задач. В частности, к таким направлениям следует отнести: деятельность прокуратуры по надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, деятельность по надзору за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, а также уголовное преследование.

К сожалению, законодатель в сфере уголовного судопроизводства не дает легальное определение деятельности органов прокуратуры через призму системности данных направлений, что, конечно, вызывает в теории и на практике многочисленные споры и дискуссии.

Важно отметить, что, исходя из понятия прокуратуры, закрепленного законодателем в ФЗ № 2202–1, можно определить и понятие прокурорской деятельности в целом, под которой следует понимать деятельность органов единой федеральной централизованной системы, характеризующаяся осуществлением надзора за законностью и соблюдением Конституции РФ, а также иных законодательных актов, действующих на территории нашего государства.

На основании изложенного, можно прийти к выводу о том, что на сегодняшний день на законодательном

уровне отсутствует определение прокурорской деятельности в уголовном судопроизводстве, а также не раскрыт понятийный аппарат функций прокуратуры, что не позволяет в полной мере определить сущность деятельности органов прокуратуры в уголовном процессе.

В этой связи считаем целесообразным закрепить в нормах УПК РФ или в ФЗ № 2202–1 легальное понятие «деятельность прокуратуры» с целью устранения существующих законодательных пробелов и возникающих в этой сфере дискуссий и споров в научном сообществе.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). ст. 4921; 2021. № 27 (часть I). ст. 5069.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Ергашев Е. Р. Прокурорский надзор в Российской Федерации. М.: Юрайт, 2023. С. 317.
4. Карпов Н. Н. Теоретические и прикладные проблемы деятельности прокуратуры по обеспечению законности в сфере прохождения военной службы: автореф. дис....докт. юрид. наук: 12.00.11. М., 2012. С.19.

Правовое регулирование прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан

Колесников Ярослав Александрович, студент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В настоящее время роль прокуратуры в осуществлении надзора за соблюдением прав и свобод граждан достаточно высока. В этой связи особую актуальность приобретают вопросы правового регулирования данной деятельности органов прокуратуры, поскольку от правового регулирования напрямую зависит качество и систематизация прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан. В настоящей статье автором рассматриваются вопросы правового регулирования прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан, выявляются существующие законодательные пробелы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: правовое регулирование, прокурор, прокурорский надзор, уголовное судопроизводство, уголовный процесс, права и свободы.

Legal regulation of prosecutor's supervision over observance of citizens' rights and freedoms

Kolesnikov Yaroslav Aleksandrovich, student
Kuban State University (Krasnodar)

Currently, the role of the Prosecutor's Office in overseeing the observance of citizens' rights and freedoms is quite high. In this regard, the issues of legal regulation of these activities of the prosecutor's office are becoming particularly relevant, since the quality and systematization of prosecutorial supervision over the observance of citizens' rights and freedoms directly depend on legal regulation. In this article, the author examines the issues of legal regulation of prosecutorial supervision over the observance of citizens' rights and freedoms, identifies existing legislative gaps and suggests ways to solve them.

Keywords: legal regulation, prosecutor, prosecutorial supervision, criminal proceedings, criminal procedure, rights and freedoms.

Основу правового регулирования прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан составляют такие нормативные правовые акты, как Конституция РФ, УПК РФ, а также Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — ФЗ № 2202–1) [2], в котором законодателем отведена специальная глава, посвященная надзору за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Законодатель в указанной главе отводит специальное место защите прав и свобод человека и гражданина при нарушении его прав в области гражданских и административных правонарушений.

Таким образом, отметим, что роль прокурора достаточно велика не только в уголовном судопроизводстве, но и в других видах российского судопроизводства, таких как гражданское, административное и других. Это обуслов-

лено тем, что прокурор, наделенный государством особыми полномочиями, выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина независимо от того, в какой сфере нарушены его права.

Законодателем четко определено, что в случае выявления нарушения прав и свобод граждан, которые в силу определенных обстоятельств в виде возраста, состояния здоровья и прочего не могут самостоятельно защищать свои интересы в суде в рамках административного или гражданского судопроизводства, то в защиту таких граждан выступает прокурор [1].

Отметим, что важным нормативным документом в сфере прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан, составляющим также основу правового регулирования в рассматриваемом вопросе, является приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» [3].

Следует отметить, что названный нормативный акт также содержит указание на то, что роль прокурора проявляется не только в уголовном судопроизводстве, но и в других сферах.

Так, Генпрокуратура определила, что поводами для проверок и, соответственно, вынесения актов прокурорского реагирования помимо отрасли уголовного права могут быть материалы гражданских, административных и арбитражных дел.

Проведя анализ правового регулирования в сфере прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан, можно прийти к выводу о том, что в данном правовом поле существуют некоторые законодательные недоработки и пробелы, требующие соответствующего разрешения.

Например, нельзя не отметить такую проблему, как сужение полномочий прокурора в гражданском процессе, а именно речь идет о защите прав и свобод лиц, которые в силу определенных обстоятельств не могут самостоятельно выступать в защиту своих прав и свобод, которые подверглись нарушению со стороны третьих лиц.

Действующим уголовно-процессуальным законодательством нашего государства установлен определенный

перечень лиц, в защиту которых может выступать прокурор в судебном процессе, что, на наш взгляд, ограничивает права и свободы лиц, не включенных в данный перечень, а, следовательно, не отражает в полной мере сущность и задачи прокурорского надзора.

При этом следует особо оговорить, что ранее в указанной сфере прокурор обладал полномочием по подаче заявления в суд с целью возбуждения любого гражданского дела. Вместе с тем, в настоящее время данное право прокурора было исключено из современного законодательства, и на сегодняшний день, как уже отмечалось выше, установлен определенный круг лиц, в интересах которых прокурор может выступать в судебном процессе для защиты прав и свобод соответствующих лиц [4].

Таким образом, подводя итоги вышесказанному, можно прийти к выводу о том, что в настоящее время на законодательном уровне существует ряд проблем и пробелов, которые необходимо устранить для исключения ограничения прокурорского надзора как соответствующей процессуальной деятельности должностных лиц органов прокуратуры, которая призвана обеспечивать соблюдение норм закона, а также защиту прав, свобод и законных интересов человека и гражданина.

С целью устранения названного правового пробела предлагаем на законодательном уровне внести изменения в действующие нормы законодательства:

1) часть 4 статьи 27 ФЗ № 2202–1 изложить в следующей редакции:

«В случае нарушения прав и свобод человека и гражданина, защищаемых в порядке гражданского и административного судопроизводства, прокурор предъявляет и поддерживает в суде или арбитражном суде иск в интересах пострадавших, при наличии их согласия и (или) просьбы».

2) в часть 1 статьи 45 ГПК РФ также добавить формулировку о защите прав, свобод и законных интересов человека и гражданина при наличии их согласия и просьбы.

На наш взгляд, внесение изменений в действующее законодательство нашего государства позволит в полной мере реализовать прокурорский надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина должностными лицами органов прокуратуры.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (часть I). ст. 4921; 2021. № 27 (часть I). ст. 5069.
2. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202–1 «О прокуратуре Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Приказ Генпрокуратуры России от 7 декабря 2007 г. № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» // СПС «Консультант Плюс».
4. Акчурина А. В., Легостаев С. В. Прокурорский надзор в схемах. Учебное пособие. М.: Проспект, 2020. С. 92.

Рассмотрение индивидуальных трудовых споров с участием лиц предпенсионного возраста комиссиями по трудовым спорам

Колисниченко Анастасия Викторовна, студент

Научный руководитель: Попов Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Симферополь)

В статье автор анализирует порядок разрешения индивидуальных трудовых споров в РФ комиссиями по урегулированию трудовых споров (КТС), с особым вниманием к защите прав работников предпенсионного возраста. Рассматриваются вопросы формирования КТС, сроки обращения и рассмотрения споров, процедура заседания и юридическая сила решений.

Ключевые слова: трудовые споры, комиссия по урегулированию трудовых споров, КТС, предпенсионный возраст, дискриминация, трудовое законодательство, сроки рассмотрения, порядок рассмотрения, решение комиссии, трудовой кодекс РФ.

Работником предпенсионного возраста считается человек, которому до наступления пенсионного возраста остается 5 лет или менее. Пенсия по старости устанавливается мужчинам в 65 лет, женщинам — в 60 лет.

Трудовой кодекс Российской Федерации содержит запрет на дискриминацию в сфере трудовых правоотношений в силу возраста, необоснованного отказа по указанному обстоятельству в заключении трудового договора. Данные запреты распространяются, в том числе на работников предпенсионного возраста, поэтому положения ТК РФ распространяются на них в полном объеме наравне с иными работниками.

Судебная практика подтверждает недопустимость дискриминации по возрасту, в том числе в отношении работников предпенсионного возраста. Например, в Заочном решении Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 07.07.2020 по делу № 2–1613/2020 суд признал дискриминацией отказ работодателя в приеме на работу соискателя, мотивированный несоответствием возраста требованиям вакансии, поскольку работодатель не смог доказать это несоответствие.

Аналогично Решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 23.01.2020 № 2–30/2020, начальник предложил работнику уволиться по собственному желанию. Сотрудник написал заявление, но потом отозвал его. После этого работника трижды привлекали к дисциплинарной ответственности, но он через суд отменил все взыскания. Затем работодатель изменил место работы сотрудника в порядке ст. 74 ТК. Работник согласился с изменением и стал работать в другом городе. В итоге должность сотрудника сократили, он подал иск о восстановлении на работе. Истец указал в том числе, что подвергся дискриминации в связи с предпенсионным возрастом. Суд признал сокращение дискриминационным и восстановил сотрудника в должности.

В то же время Апелляционное определение Новосибирского облсуда от 27.10.2016 № 33–10559/2016 показывает, что для признания дискриминации необходимо наличие доказательств. В данном деле суд не признал увольнение работницы по истечении срока трудового договора дис-

криминационным, поскольку она знала и согласилась с условиями срочного договора, а факт дискриминации не был доказан. Таким образом, каждый случай рассматривается индивидуально с учетом всех обстоятельств.

Комиссии по урегулированию трудовых разногласий формируются на предприятиях по инициативе работников или их представителей, а также работодателя, с равным представительством обеих сторон. Работодатель и представители работников, получив письменное предложение о создании комиссии, обязаны в течение десяти дней назначить своих представителей. Руководитель организации назначает представителей работодателя, а представители работников избираются общим собранием или делегируются представительным органом. Комиссия рассматривает индивидуальные трудовые споры, за исключением случаев, когда предусмотрен иной порядок разрешения.

Согласно статье 386 Трудового кодекса РФ, работник может обратиться в комиссию в течение трех месяцев с момента, когда узнал о нарушении своих прав. Пропуск этого срока не является основанием для отказа в рассмотрении заявления. Если срок пропущен по уважительным причинам, комиссия может его восстановить. Работник должен доказать уважительность причин пропуска срока. Если комиссия не рассмотрела спор в течение 10 дней, работник имеет право обратиться в суд.

Комиссия обязана зарегистрировать заявление работника и рассмотреть спор в течение 10 календарных дней с момента подачи заявления.

Рассмотрение спора проходит с обязательным участием работника или его представителя, что позволяет ему высказать свою позицию и представить доказательства. Исключение составляет случай, когда работник подал письменное заявление с просьбой рассмотреть спор в его отсутствие. Если работник не явился на первое заседание, рассмотрение спора откладывается. При повторной неявке без уважительных причин комиссия имеет право снять заявление с рассмотрения, но это не лишает работника права подать заявление повторно. При повторной подаче заявления срок рассмотрения спора исчисляется

заново. Необходимо учитывать трехмесячный срок рассмотрения трудового спора.

Процесс рассмотрения спора можно разделить на этапы, включая подготовку к заседанию, сбор документов и приглашение экспертов. Важно обеспечить возможность присутствия всех сторон без неудобств. Правомочность заседания зависит от количества присутствующих членов комиссии от каждой стороны. Для легитимности необходимо присутствие не менее половины членов от каждой стороны.

Рассмотрение трудового спора включает фиксацию присутствия представителей, установление личности каждого присутствующего, изложение сути спора, заслу-

шивание сторон, показания свидетелей и мнения специалистов.

После заслушивания всех сторон члены комиссии проводят внутренние консультации и принимают решение, которое оформляется в письменном виде и имеет юридическую силу. Решение КТС может быть обжаловано в суде.

На заседании ведется протокол, который подписывается председателем комиссии и заверяется печатью. По результатам рассмотрения спора комиссия принимает обоснованное решение, голосуя большинством голосов. Принятое решение не подлежит дополнительному утверждению и подлежит немедленному исполнению, обладая обязательной юридической силой.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 26 января 2009 г. N 4 ст. 445
2. «Трудовой кодекс Российской Федерации» от 30.12.2001 N 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // «Собрание законодательства РФ», 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
3. Валеева, Л. Р. Рассмотрение трудовых споров при помощи комиссии по трудовым спорам / Л. Р. Валеева // Аллея науки. — 2019. — Т. 2, № 11(38). — С. 575–577.
4. Трудовое право. Особенная часть: учебник для вузов / М. О. Буянова [и др.], ответственный редактор М. О. Буянова. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024.
5. Решение Железнодорожного районного суда г. Барнаула от 07.07.2020 по делу № 2–1613/2020: sudact.ru/regular/doc/nES70TN2NjC/
6. Решение Железнодорожного районного суда г. Самары от 23.01.2020 № 2–30/2020: sudact.ru/regular/doc/GOMIjGFZYxU/
7. Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 27.10.2016 по делу № 33–10559/2016: https://reputation.su/sudrf/278114637

Противодействие коррупции в департаменте спорта г. Москвы

Коновалов Арсений Вадимович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

Актуальность заключается в необходимости эффективного противодействия коррупции в департаменте спорта города Москвы, особенно в условиях изменяющейся международной политической обстановки и экономических санкций, которые могут повысить риски коррупционных правонарушений. Статья предоставляет обзор состояния борьбы с коррупцией в департаменте спорта города Москвы и предлагает меры для улучшения антикоррупционных практик в контексте санкционного давления и ограниченных ресурсов.

Ключевые слова: коррупция, противодействие коррупции, департамент спорта, Москва, противодействие коррупции, антикоррупционная политика, санкции, закупочные процедуры, образовательные мероприятия, проверки и аудиты.

Anti-corruption in the Moscow Department of Sports

The relevance lies in the necessity to effectively counteract corruption in the Department of Sports of the city of Moscow, especially in the conditions of the changing international political environment and economic sanctions, which may increase the risks of corruption offences. The article provides an overview of the state of anti-corruption in the Department of Sports of the city of Moscow and suggests measures to improve anti-corruption practices in the context of sanctions pressure and limited resources.

Keywords: *corruption, anti-corruption, Department of Sports, Moscow, anti-corruption, anti-corruption policy, sanctions, procurement procedures, educational activities, inspections and audits.*

В научно-теоретических подходах отмечено, что коррупция существует не только в государственных структурах, но и в частном секторе, и может быть как древним, так и современным явлением, может принимать различные формы и всегда связана с нарушением интересов общества или государства ради личной выгоды [3, С.445; 4, С. 21]. На основе всех представленных определений можно вывести следующую сущность понятия: **коррупция** — это злоупотребление служебным положением для получения личной выгоды, включающее взяточничество, незаконное присвоение ресурсов, кумовство и влияние на принятие решений в интересах частных лиц или групп, что противоречит интересам общества и государства [4, С.27].

Сегодня противодействие коррупции производится в разных сферах, в том числе и в спорте, поскольку коррупция в этой области является не таким уж редким явлением: манипулирование результатами соревнований, взятки и откаты при трансферах игроков или же коррупция в спортивных федерациях и организациях, использование спорта для отмыывания денег.

Для противодействия коррупции в спорте используются разные методы в различных странах мира. Так в России приняты законы, направленные на предотвращение манипулирования спортивными соревнованиями и борьбу с ними, что предусматривается ст. 26,2 ФЗ № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» [1]. Интерпол и МОК активно сотрудничают в борьбе с коррупцией в спорте, проводя совместные расследования и обмен информацией, а международные организации ICSS и IPACS реализуют проекты по повышению прозрачности и подотчетности в сфере спорта [4, С.102].

В различных департаментах, включая исследованный (департамент спорта Москвы), встречаются различные формы коррупции: откаты и взятки, где в пример можно поставить чиновников, которые могут потребовать или получать взятки от подрядчиков в обмен на предоставление контрактов или заказов, либо тендеры могут быть организованы таким образом, чтобы выигрывали только определенные компании; злоупотребление должностными полномочиями, где чиновники используют свое служебное положение для продвижения личных коммерческих интересов или, например, распределяют финансирование и инвентарь по несуществующим, фиктивным проектам; финансовые махинации: использование спортивных проектов и мероприятий для легализации незаконных доходов, составление ложных финансовых отчетов с целью хищения госсредств; департаменты спорта не являются исключением, где может также наблюдаться получение или предоставление должностей за деньги или других блага, а также назначение на ключевые позиции знакомых, родственников, что вновь создает благоприятную среду для коррупции; предоставление грантов

и субсидий аффилированным лицам или организациям в обход официальных процедур; предоставление привилегий и преимуществ близким друзьям и родственникам в ущерб профессиональным качествам и достижениям; завышение сметных расходов на проведение спортивных мероприятий с целью хищения средств, подделка данных о количестве участников и затрат для получения дополнительных средств и другое.

Департамент спорта города Москвы — отраслевой орган исполнительной власти, отвечающий за управление, разработку и реализации государственной политики, предоставление госуслуг в области физической культуры и спорта [2]. Основные положения о департаментах Москвы регулируются постановлениями Правительства Москвы (№ 1923 ПП от 06.09.2022 по департаменту спорта) [4], которые определяют их функции, полномочия и организационную структуру. Функциональные обязанности Департамента спорта города Москвы включают разработку и реализацию государственных программ в области физической культуры и спорта; контроль и координацию деятельности подведомственных организаций; предоставление государственных услуг в сфере физической культуры и спорта; организацию спортивных мероприятий и соревнований; популяризацию здорового образа жизни и спорта среди населения; создание условий для развития массового спорта и спорта высших достижений.

Основой для борьбы с коррупцией в департаменте спорта города Москвы является «План противодействия коррупции в городе Москве на 2021–2024 годы» (с изм. от 29. 09. 2021 г.) [2]. Представленный нормативный документ включает в себя комплекс организационных мероприятий, направленных на борьбу с коррупцией, охватывая противодействие коррупции при замещении государственных должностей, прохождении гражданской службы, а также замещении муниципальных должностей в Москве. Важной частью плана является реализация антикоррупционной политики в сфере государственных закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных нужд, также документ предусматривает обучение государственных гражданских служащих, что способствует повышению их правовой грамотности и антикоррупционной культуры.

В Москве Министерство спорта активно участвует в реализации мер по противодействию коррупции, где одной из задач организационных мероприятий является организация и проведение заседаний антикоррупционных комиссий, где рассматриваются вопросы служебного поведения и конфликта интересов среди сотрудников министерства, в рамках этой работы регулярно проводится мониторинг нормативно-правовых актов для их соответствия Федеральному законодательству [5].

Министерство участвует в международных форумах и конференциях, посвященных вопросам борьбы с коррупцией, для обмена опытом и внедрению передовых практик. Также внимание уделяется анализу обращений граждан и организаций, содержащих информацию о возможных коррупционных правонарушениях, с целью оперативного реагирования и предотвращения коррупционных проявлений. Ежегодно организуются лекции и семинары для повышения правовой грамотности сотрудников, однако, не на регулярной основе. Фиксированного план-графика проведения мероприятий не предусмотрено, не считая международного дня по борьбе с коррупцией в Российской Федерации, который проводится 9 декабря ежегодно. Министерство спорта активно взаимодействует с Общественной палатой Москвы и другими общественными организациями, проводя совместные мероприятия, направленные на усиление антикоррупционной культуры в спортивной сфере.

Дополнительное внимание в департаменте спорта г. Москвы уделяется проверке доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера у граждан, претендующих на замещение государственных и муниципальных должностей, проводится анализ уведомлений о склонении к совершению коррупционных правонарушений и мониторинг участия служащих в управлении коммерческими и некоммерческими организациями, а для предотвращения и урегулирования конфликта интересов создаются специальные комиссии.

В сфере государственных закупок департамент спорта Москвы совершенствует организационные и правовые меры, направленные на минимизацию коррупционных факторов, как, например, внедрение региональной информационной системы помогает повысить прозрачность и эффективность закупочных процедур. Департамент также разрабатывает возможности для добровольного ежегодного декларирования личной заинтересованности служащих, участвующих в закупках, с целью предотвращения конфликтов интересов.

Для противодействия коррупции департамент активно привлекает к обучению своих сотрудников, где поднимаются актуальные вопросы и изменения в законодательстве: ежегодно проводятся профессиональные семинары, конференции и онлайн-курсы, направленные на повышение правовой грамотности и антикоррупционной культуры. Антикоррупционное просвещение также включает размещение информации о результатах работы в сфере противодействия коррупции на официальных сайтах и освещение этих результатов в средствах массовой информации. Посещение подобного обучения является обязательным.

Актуальными проблемами в борьбе с коррупцией в департаменте спорта города Москвы, в том числе те проблемы, которые указаны в Плане противодействия коррупции в г. Москве до 2024 г. [4], являются: недостаточная эффективность контроля за доходами и расходами сотрудников департамента спорта; недостаточная антикоррупционная образованность и культура; проблемы с за-

купочными процедурами после начала санкционного давления Запада после 2022 г.

Первая проблема — недостаточная эффективность контроля за доходами и расходами сотрудников департамента спорта — связана, прежде всего, с отсутствием современной технической базы для эффективного мониторинга доходов и расходов сотрудников. Как результат, отсутствие автоматизированных систем учета и контроля приводит к затруднению отслеживания финансовых операций и связанных с ними транзакций. Кроме того, наблюдаются недостаточное проведение аудиторских проверок и ревизий, что также может снижать уровень контроля за финансовыми операциями.

Недостаточная антикоррупционная образованность и культура. В департаменте спорта Москвы регулярно проводятся образовательные мероприятия, такие как семинары, конференции и тренинги по вопросам противодействия коррупции. Однако, несмотря на это, возникают такие проблемы как: недостаточная системность и последовательность образовательных мероприятий (отсутствует полноценный план-график, мероприятия проводятся хаотично); недостаточное внедрение знаний, полученных в результате образовательных мероприятий, на практике; некоторые сотрудники и руководители проявляют сопротивление внедрению новых антикоррупционных практик из-за личных интересов или привычек, что затрудняет изменение корпоративной культуры на более прозрачную и этичную.

Санкции, введенные после 2022 года, оказали значительное влияние на экономику и закупочные процедуры в России, и департамент спорта Москвы не является исключением. Санкции ограничили возможность для закупок товаров и услуг с международных рынков, что усложнило поиск альтернативных отечественных поставщиков и ресурсов. Проблемы с закупочными процедурами после введения Западом санкций могут поспособствовать усилению коррупции: из-за санкций у департамента спорта Москвы может существовать ограниченный выбор поставщиков и ресурсов, что дополнительно создает условия для формирования монополистических позиций, которые могут быть использованы для установления завышенных цен или необоснованных условий контрактов, а коррупционные схемы могут включать в себя предложение взяток или иные формы взаимовыгодных соглашений с поставщиками, которые получили контрактные обязательства. Также увеличилась сложность процедур, которые могут увеличить необходимость в консультациях и экспертизе, что может быть использовано для взяточничества или установления непрозрачных условий.

Для усовершенствования «Плана противодействия коррупции в городе Москве на 2021–2024 годы», учитывая выявленные проблемы в департаменте спорта, можно предложить следующие меры: необходимо разработать и внедрить специализированные программные решения для мониторинга доходов и расходов сотрудников департамента спорта, что повысит эффективность

контроля и уменьшит возможности для финансовых махинаций; усиление аудиторских проверок и ревизий финансовых операций в департаменте спорта поможет выявлять потенциальные нарушения и коррупционные схемы, необходимо установить строгие процедуры и частоту проверок; разработка и внедрение полноценного плана-графика образовательных мероприятий по антикоррупционной тематике с учетом различных составляющих корпоративной культуры департамента спорта Москвы и практического применения полученных знаний; введение механизмов обязательного применения полученных знаний на практике, например, через систему обратной связи и мониторинга; введение стимулов и мотивационных мер для сотрудников и руководителей, способствующих изменению корпоративной культуры на более прозрачную и этичную; укрепление координации и сотрудничества с другими органами, включая органы контроля и правопорядка, для обмена информацией и координации действий по противодействию коррупции; проведение комплексного анализа существующих закупочных процедур с целью их оптимизации и устранения возможностей для коррупционных манипуляций; включение в образовательные программы модулей по управлению рисками и предотвращению коррупции, адаптированных к специфике департамента спорта; развитие стратегий поиска и разработки альтернативных отечественных поставщиков и ресурсов, чтобы снизить зависимость от международных рынков, на которые наложены санкции; внедрение более строгих процедур и систем контроля за закупочными процессами, чтобы предотвращать возможные коррупционные схемы, связанные с выбором поставщиков в условиях ограниченного выбора

из-за санкций; регулярное проведение аудитов и проверок закупочных процедур для выявления возможных нарушений и коррупционных действий в период санкционного давления. Все представленные решения могут способствовать более глубинному противодействию коррупции в департаменте спорта Москвы, включая те, что уже представлены в Плате. Комбинация всех представленных методов, ожидается, приведет к более прозрачной системе антикоррупционной борьбы, а также способствует большей мотивации у служащих к недопущению коррупции в своем департаменте.

Таким образом, делая общие выводы по исследованию, на данный момент противодействие коррупции в департаменте спорта г. Москвы осуществляется через комплексную программу, включающую мониторинг финансовых операций, проведение аудитов, обучение сотрудников и внедрение прозрачных закупочных процедур. Департамент активно сотрудничает с общественными организациями, международными структурами и правоохранительными органами для обмена информацией и координации действий. Актуальные проблемы включают недостаточную эффективность контроля за доходами и расходами сотрудников, недостаточную антикоррупционную образованность и культуру, а также сложности с закупочными процедурами после введения международных санкций. Для борьбы с выявленными проблемами предлагается внедрить специализированные программные решения для мониторинга финансовых операций, усилить образовательные мероприятия по антикоррупционной тематике, оптимизировать закупочные процедуры и разработать стратегии поиска альтернативных отечественных поставщиков и ресурсов.

Литература:

1. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. от 12.06.2024) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. N 50. Ст. 6242.
2. Распоряжение «Об утверждении Плана противодействия коррупции в городе Москве на 2021–2024 гг.» от 15 февраля 2021 г. № 75-РМ (с изм. на 29.09.2021) // <https://www.mos.ru/kultura/anticorruption/normativnye-pravovye-i-inye-akty-v-sfere-protivodeistviia-korruptcii-infoblok/view/230631220/>
3. Аксенова, М. А. Проблемы антикоррупционной политики в Российской Федерации / М. А. Аксенова // Аллея науки. — 2022. — Т. 1, № 3 (54). — С. 444–448.
4. Загорский Д. Б. Правовое регулирование противодействия коррупции в Российской Федерации: учебное пособие / Д. Б. Загорский, А. Н. Артамонов, Р. В. Бушманов [и др.]. — Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал), 2023. — 163 с. //
5. Департамент спорта г. Москвы. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mos.ru/moskomsport/> (дата обращения: 09.07.2024)

Проблемы соблюдения адвокатской этики в уголовном процессе

Кордубан Ксения Алексеевна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье рассматриваются ключевые проблемы соблюдения адвокатской этики в уголовном судопроизводстве. Анализируются типичные этические дилеммы, с которыми сталкиваются адвокаты при защите прав и свобод подозреваемых

и обвиняемых, а также оценивается эффективность действующего регулирования. Особое внимание уделено коллизиям между моральной ответственностью адвоката, требованиями закона и стратегией защиты. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию правоприменительной практики и нормативной базы в сфере адвокатской этики.

Ключевые слова: адвокатская этика, уголовный процесс, профессиональное поведение, защита, этические стандарты, дисциплинарная ответственность, адвокатская палата, конфликт интересов.

В рамках уголовного процесса адвокат занимает особое положение, являясь гарантом защиты прав и законных интересов обвиняемого. Адвокатская этика, в свою очередь, представляет собой набор правил поведения, которые регулируют профессиональную деятельность адвокатов. В России деятельность адвокатов регламентируется Федеральным законом от 31 мая 2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [3].

Вместе с тем, деятельность адвоката подчинена не только требованиям уголовно-процессуального законодательства, но и нормам профессиональной этики, которые регулируют поведение в условиях высокой правовой и моральной ответственности. В настоящее время «адвокатская профессия сталкивается с рядом вызовов, некоторые из которых могут негативным образом сказаться на соблюдении правил и стандартов, выработанной профессиональной этикой адвоката» [5, с. 85]. Нарушения адвокатской этики нередко становятся предметом дисциплинарного производства, однако существующая система регулирования и контроля зачастую оказывается недостаточно эффективной или противоречивой. В настоящей статье анализируются ключевые теоретические и практические проблемы соблюдения адвокатской этики в уголовном процессе, а также предлагаются возможные пути их разрешения.

Важно подчеркнуть, что профессиональная этика адвоката представляет собой совокупность нравственных и правовых норм, регулирующих поведение представителя адвокатского сообщества при осуществлении защиты в уголовном процессе. Основным нормативным актом, закрепляющим этические принципы, является Кодекс профессиональной этики адвоката, утвержденный Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г. [4].

Ключевыми принципами адвокатской этики являются: соблюдение конфиденциальности; честность и добросовестность; независимость от органов следствия и суда; неприкосновенность адвокатской тайны; приоритет интересов доверителя; недопустимость злоупотребления правами; возможность свободно выбирать клиентов; высокий уровень эрудированности; уважение к судебным органам; профессиональная ответственность.

Адвокат обязан неукоснительно соблюдать принцип сохранения профессиональной тайны, что предполагает строгую конфиденциальность в отношении всех сведений, полученных от доверителя в процессе оказания юридической помощи. Любая информация, переданная клиентом в рамках доверительных отношений, не может быть раскрыта или использована во вред его интересам.

Закон и нормы профессиональной этики строго запрещают адвокату участвовать в деле, если он ранее представлял сторону, чьи интересы в настоящем процессе могут с ним вступить в противоречие. В данном случае речь идет о конфликте интересов. Несовместимо с профессиональными стандартами также одновременное представительство противоположных сторон в одном и том же деле, независимо от согласия участников.

Адвокат не должен принимать поручения, содержание которых вступает в противоречие с его нравственными убеждениями или может повлечь за собой нарушение морально-этических ориентиров.

Кроме того, адвокат обязан проявлять уважение к суду и иным участникам процесса, воздерживаться от злоупотребления своими профессиональными правами. Недопустимо умышленное введение суда в заблуждение, нарушение процессуальных сроков, дестабилизация порядка судебного разбирательства или воспрепятствование реализации права на доказывание.

Однако на практике указанные принципы часто входят в противоречие с условиями уголовного процесса. Ярким примером является ситуация, когда адвокат сталкивается с необходимостью выбора между стратегией защиты и соблюдением этических норм.

Таким образом, наиболее часто адвокаты в своей практике сталкиваются со следующими проблемами: конфликт интересов, нарушение адвокатской тайны, сложность в выборе стратегии защиты и ложные показания.

Адвокат может оказываться в ситуации, когда он вынужден защищать нескольких обвиняемых с противоположными позициями, либо ранее представлял интересы потерпевшей стороны. В таких случаях возникает угроза нарушения принципа независимости и объективности. Несмотря на установленные запреты, случаи нарушения конфликта интересов фиксируются адвокатскими палатами регулярно.

В свою очередь, нарушение адвокатской тайны подрывает важнейший этический принцип — соблюдение конфиденциальности сведений, полученных от доверителя. Однако в условиях давления со стороны следственных органов или при применении технических средств контроля (например, прослушивания переговоров) возникает реальная угроза разглашения информации.

В практике встречаются также ситуации, когда клиент требует от адвоката использования недопустимых методов защиты — предоставления заведомо ложных показаний, давления на свидетелей и пр. Адвокат, действующий исключительно в интересах доверителя, может оказаться на грани нарушения закона и этики.

Непосредственно дисциплинарное производство в отношении адвокатов разделяется на две стадии: разбирательство в квалификационной комиссии адвокатской палаты субъекта РФ и разбирательство в адвокатской палате субъекта РФ.

Примечательно, что палаты адвокатов субъектов РФ рассматривают дисциплинарные дела о нарушении этики, однако на практике система их рассмотрения имеет ряд недостатков.

Процедуры по рассмотрению соответствующих дисциплинарных дел характеризуются закрытостью. Другими словами, решения не всегда публикуются, что приводит к отсутствию единой базы для последующего анализа.

Также отсутствует единообразие в практике рассмотрения дел о нарушении адвокатской тайны. В разных субъектах Российской Федерации подход к квалификации нарушений существенно отличается.

Наконец, отмечается недостаточная независимость Квалификационных комиссий, что может порождать обвинения в корпоративной солидарности и предвзятости. Кроме того, действующая модель не предусматривает четких критериев оценки тяжести нарушения, что оставляет простор для произвольной интерпретации.

Для повышения эффективности соблюдения адвокатской этики в уголовном процессе представляется необходимым уточнить и конкретизировать нормы Кодекса профессиональной этики. В частности, необходимо разработать разъяснения к спорным положениям, опираясь на типовые кейсы из дисциплинарной практики, что позволит устранить неопределенность.

Кроме того, требуется создать федеральную базу дисциплинарной практики. К примеру, формирование единого реестра решений дисциплинарных органов с открытым доступом (анонимизированным) позволит обеспечить прозрачность и единообразие применения этических норм.

Важно на регулярной основе повышать уровень этической подготовки адвокатов. Указанное предложение можно реализовать посредством включения обязатель-

ного модуля по практическим вопросам адвокатской этики в программы повышения квалификации. Не менее значимой является организация и проведение семинаров с анализом конкретных кейсов.

Наконец, необходимо усиливать роль адвокатских палат в профилактике нарушений. Речь идет не только о карательных мерах, но и о консультативной, наставнической и методической поддержке членов адвокатских палат.

Таким образом, проблемы соблюдения адвокатской этики в уголовном процессе носят комплексный характер, затрагивая как морально-правовую природу профессии, так и несовершенство существующих механизмов контроля и регулирования. Этические нормы адвокатской деятельности охватывают широкий спектр принципов, включая строгое соблюдение конфиденциальности, независимость в профессиональных суждениях, приоритет интересов доверителя и уважительное отношение к его правам. Нарушение этих норм способно повлечь за собой не только неблагоприятные последствия для клиента, но и нанести существенный ущерб авторитету адвокатского сообщества, а также подорвать доверие к конкретному специалисту.

Эффективное решение этих проблем требует не только точечной корректировки норм, но и выстраивания новой культуры профессионального поведения, основанной на уважении к правам доверителя, закону и принципам справедливости. С целью сохранения высоких стандартов профессиональной этики необходимо внедрение систематических механизмов контроля за практической деятельностью адвокатов, а также обеспечение качественной подготовки молодых специалистов в духе соблюдения профессиональных ценностей и правил. Поддержание этических ориентиров в адвокатской среде выступает краеугольным элементом в формировании общественного доверия к институту адвокатуры и правосудию в целом. Реализация предложенных мер может стать важным шагом к укреплению доверия к адвокатуре и правосудию в целом.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52. Ст. 4921.
3. Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации: Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 20.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 23. Ст. 2101.
4. Кодекс профессиональной этики адвоката: Резолюция ФПА РФ от 31 января 2003 г. (ред. от 15.04.2022) // Российская газета. 5 окт. 2005. № 222.
5. Карабутова, Е. А. Актуальные проблемы соблюдения адвокатской этики в современной адвокатуре / Е. А. Карабутова. — Текст: электронный // Elibrary.ru: [сайт]. — URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=68577914> (дата обращения: 10.06.2025).

Соотношение понятий «прокурор» и «государственный обвинитель»

Королева Маргарита Александровна, студент магистратуры

Научный руководитель: Аверченко Александр Критэрьевич, кандидат юридических наук, доцент
Новосибирский юридический институт (филиал) Национального исследовательского Томского государственного университета

Вопрос процессуального статуса прокурора играет немаловажную роль в уголовном процессе. В связи с этим в данной статье рассмотрены отличительные особенности понятий «прокурор» и «государственный обвинитель».

Ключевые слова: прокурор, государственный обвинитель, процессуальный статус, права и обязанности государственного обвинителя, полномочия прокурора и государственного обвинителя.

The relationship between the concepts of «prosecutor» and «state prosecutor»

The procedural status of the prosecutor plays an important role in criminal proceedings. In this connection, the article considers the distinctive features of the concept's «prosecutor» and «public prosecutor».

Keywords: the prosecutor, public prosecutor, procedural status, rights and duties of the public prosecutor, powers of the prosecutor and public prosecutor.

В настоящее время в правовой системе необходимо понимать и различать такие понятия, как «прокурор» и «государственный обвинитель». Данные термины часто используются, как синонимы, но они имеют совершенно различные функции и роли в аспекте уголовного судопроизводства.

В настоящее время в правовой системе необходимо понимать и различать такие понятия, как «прокурор» и «государственный обвинитель». Данные термины часто используются, как синонимы, но они имеют совершенно различные функции и роли в аспекте уголовного судопроизводства.

Прокурор и государственный обвинитель являются разными участниками уголовного процесса и их полномочия не совпадают.

Общее понятие прокурора можно сформулировать следующим образом:

Прокурор — это должностное лицо органов прокуратуры, которое осуществляет свои полномочия в пределах компетенции, установленной законодательством. Он выполняет функции, возложенные на прокуратуру, занимается разнообразными направлениями её деятельности.

Согласно ч.1 ст. 37 УПК РФ, прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной настоящим Кодексом, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [1].

В научной литературе авторы по-своему определяют данное определение. Сравнительная характеристика представлена в таблице 1.

Сравнительная характеристика показывает, что учёные формируют понятие «прокурор» через его функции и полномочия. Однако они не пришли к единому мнению, какие полномочия относятся именно к прокурору, а какие к государственному обвинителю.

На основе данной сравнительной характеристики можно сформулировать собственное определение прокурора — это должностное лицо, которое представляет государственные интересы в системе уголовного правосудия, отвечает за осуществление надзора за соблюдением законности, защиту прав и свобод граждан, а также возбуждение и поддержание уголовных дел в суде.

Таблица 1. Сравнительная характеристика определений понятия «Прокурор» различных авторов

Авторы	Отличительные особенности
Пивнева Е. М. Женихов И. Л. Кравченко С. С.	Прокурор — один из основных участников процесса, который выполняет множество функций как на этапе судебного разбирательства, так и на стадиях досудебного производства.
А. А. Тушев	Прокурор в уголовном процессе — это должностное лицо, которое осуществляет ряд функций, таких как противодействие преступности, уголовное преследование, руководство расследованием, надзорные действия, защита прав граждан, установление объективной истины и координация работы правоохранительных органов.
А. С. Барабаш	Прокурор участвует в уголовном процессе не в роли обвинителя, а является представителем надзора, т. к. не принимает участие в исследовании доказательств.

В прокурорской деятельности главную роль играет обеспечение порядка и справедливости.

Прокурор участвует в стадии возбуждения уголовного дела и осуществляет надзорную деятельность в ней, в стадии предварительного расследования, назначения судебного заседания.

Прокурор в контексте уголовного судопроизводства представляет собой статус, который присвоен прокурор-

скому работнику, осуществляющему поддержание государственного обвинения в судебном разбирательстве по уголовным делам. Из этого следует понятие «государственного обвинителя».

В. М. Харзинова, И. Д. Мальцагов, А. К. Ковальчук, В. С. Балакшин по-своему определяют данное определение. Сравнительная характеристика представлена в таблице 2.

Таблица 2. Сравнительная характеристика определений понятия «Государственный обвинитель» разных авторов

Авторы	Отличительные особенности
М. И. Ажиева, И. Д. Мальцагов	Государственный обвинитель осуществляет свою деятельность от имени государства. Он участвует в суде первой инстанции, доказывая обоснованность вывода органа следствия и дознания о совершении подсудимым инкриминируемого ему преступного деяния.
А. К. Ковальчук	Государственный обвинитель — это ключевая фигура судебного разбирательства, которая обязана поддерживать обвинение только в меру его доказанности.
В. С. Балакшин	Государственный обвинитель выступает в качестве публичного представителя государства, который действует от его имени и обязан обеспечить защиту прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Сравнительная характеристика показывает, что государственный обвинитель наделён широкими полномочиями, правами и обязанностями, как участник уголовного судопроизводства.

На основе данной сравнительной характеристики можно сформулировать собственное определение государственного обвинителя — это должностное лицо органа прокуратуры, которое осуществляет анализ и оценку собранных материалов уголовного дела, формирует обвинение на основе законно полученных доказательств и представляет его в суде.

Само государственное обвинение подразумевает вывод, который формируется на собранных доказательствах и утверждается прокурором, о совершённом обвиняемым уголовно-наказуемом деянии.

В. А. Лазарева считает, что «государственное обвинение в отличие от обвинения, содержащегося в процессуальных решениях следователя (дознавателя), исходит от государства в лице прокурора, официально представляющего в уголовном судопроизводстве государственную обвинительную власть [5, с.144].

По мнению А. С. Ханхарханова, «процессуальный статус государственного обвинителя включает в себя совокупность прав и обязанностей государственного обвинителя при участии в судебных стадиях уголовного судопроизводства, но не имеет закрепления в УПК РФ» [2, с.312].

Функция государственного обвинителя заключается в формировании, предъявлении, доказывании и поддержания обвинения.

Государственный обвинитель участвует в исследовании доказательств, заявляет ходатайства, высказывает свое мнение по правовым вопросам, которые возникают в судебном разбирательстве, выступает с обвинительной речью. Законность, обоснованность и справедливость яв-

ляются основными принципами поддержания государственного обвинения.

Т. В. Якушева считает, что «поддержание государственного обвинения в суде признается самостоятельной сферой прокурорской деятельности, которая характеризуется особыми задачами, полномочиями, предметом, а также специфическими правовыми средствами и методикой их реализации» [3, с. 1129].

Анализируя процессуальный статус и полномочия «государственного обвинителя», можно утверждать, что их прокурор приобретает, когда принимает участие в суде при рассмотрении уголовного дела.

По мнению В. А. Ефанова, «прокурор и государственный обвинитель должны выступать самостоятельными субъектами судебного разбирательства, наделенными соответствующими полномочиями: прокурор — давать поручение по поддержанию обвинения, отказываться от обвинения, а государственный обвинитель — поддерживать обвинение в суде с использованием предоставленных ему полномочий по участию в исследовании и представлении доказательств, прениях сторон и т. д». [4, с. 412].

Из всего выше сказанного следует, что прокурором является сотрудник прокуратуры, который принимает участие в досудебном производстве, а когда он осуществляет свои полномочия в судебном производстве, то становится государственным обвинителем.

Таким образом, можно сделать вывод, что понятие «прокурор» шире, чем понятие «государственный обвинитель». Это связано с тем, что полномочия и обязанности прокурора охватывают различные сферы правоприменительной практики, а также не ограничиваются лишь в судебном производстве. Государственный обвинитель, наоборот, осуществляет свою деятельность преимущественно в рамках уголовного процесса, где он занимается рассмотрением конкретных дел и поддерживает обвинение в суде.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. Закон от 18.12. 2001 № 174-ФЗ: принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 18 декаб. 2001 г.: [в ред. от 21 апреля 2025 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 32. — Ст. 3301.
2. Ханхарханова, А. С. Понятие, элементы и сущность процессуального статуса прокурора в российском уголовном судопроизводстве / А. С. Ханхарханова. // Молодой ученый. — 2022. — № 15(410). — С. 311–314.
3. Якушева Т. В., Якушев И. И. Понятие и процессуальный статус государственного обвинителя / Т. В. Якушева, И. И. Якушев // Экономика и социум. — 2019. — № 1(20). — С. 1128–1131.
4. Ефанова В. А. О соотношении полномочий прокурора и государственного обвинителя в судебных стадиях российского уголовного процесса / А. В. Ефанова // Вестник ВГУ. Серия: Право. — 2013. — № 2(15). — С. 406–412.
5. Лазарева, В. А. Участие прокурора в уголовном процессе: учебник и практикум для вузов / В. А. Лазарева. — 5-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 283 с.
6. Ажиева М. И., Мальцагов И. Д. Сущность и понятие государственного обвинения / М. И. Ажиева, И. Д. Мальцагов // Закон и право. — 2022. — № 5. — С. 105–109.
7. Ковальчук, А. К. Правовое положение государственного обвинителя в суде первой инстанции / А. К. Ковальчук. — // Молодой ученый. — 2021. — № 39(381). — С. 113–116.
8. Балакшин В. С. Государственный обвинитель в российском уголовном процессе — кто он? / В. С. Балакшин // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2019. — № 1. — С. 5–8.

Способы и порядок возмещения вреда, причиненного жизни и здоровью гражданина по причине вакцинации

Краузова София Константиновна, студент

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

В статье рассматриваются порядок и способы возмещения вреда, причинённого жизни и здоровью гражданина Российской Федерации вследствие вакцинации. Автором перечислены основные способы возмещения вреда и указан порядок действий гражданина для получения компенсации.

Ключевые слова: вакцинация, поствакцинальные осложнения, компенсация, вред жизни и здоровью.

В соответствии с Конституцией РФ жизнь и здоровье человека в нашем государстве являются главной ценностью, право на их защиту возникает у каждого гражданина с рождения независимо от каких-либо обстоятельств. Однако, при причинении вреда жизни и здоровью гражданина, вред не может быть возмещён в натуре в силу нематериального характера вышеупомянутых личных благ. Причинителем вреда могут быть компенсированы только имущественные потери, возникающие вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина, и только в денежном эквиваленте. Это может быть компенсация заработка за период временной нетрудоспособности или лишения возможности получения прежнего заработка или иного дохода, расходы на лечение и лекарственные средства, траты родственников на погребение умершего гражданина, а в некоторых случаях и возмещение морального вреда.

В случае компенсации вреда жизни и здоровью гражданина в связи с проведением вакцинации, в зависимости от фактических обстоятельств причинения вреда, может быть применена одна из форм защиты граждан-

ских прав. Различают 2 формы защиты права: юрисдикционную, «при которой лицо, право которого нарушено, обращается за защитой в государственный или иной компетентный орган», например, в суд; и неюрисдикционную, «при которой лицо самостоятельно осуществляет действия правоохранительного характера, не обращаясь к управомоченному субъекту защиты права» [1], примером такой защиты может быть обращение гражданина к страховщику в случае причинения вреда клиническими испытаниями новой вакцины.

При определении порядка и способов возмещения вреда нужно рассматривать каждую ситуацию в отдельности, т. к. все они будут иметь свои особенности. Предлагаю начать с вреда, причинённого клиническими испытаниями новой вакцины и государственной компенсации поствакцинальных осложнений, т. к. в вышеупомянутых ситуациях порядок действий потерпевшего строго регламентирован и у правоприменителей выработалась единая правовая позиция, что значительно облегчает их исследование.

В соответствии с п. 14 ст. 44 Федерального закона от 12.04.2010 № 61-ФЗ «не допускается участие пациента

в проведении клинического исследования лекарственного препарата при отсутствии договора обязательного страхования» [2], данный пункт относится и к клиническим испытаниям новой вакцины. При наступлении страхового случая пациент, участвовавший в клиническом исследовании вакцины или его родственник в случае смерти пациента, могут направить требование о возмещении причиненного вреда напрямую страховщику. В свою очередь размер премии будет установлен страховщиком в соответствии с п. 8 типовых правил обязательного страхования жизни и здоровья пациента, участвующего в клинических исследованиях лекарственного препарата, принятых Постановлением Правительства РФ от 13.09.2010 N 714 [3], и может достигать до 1 500 000 рублей в зависимости от степени повреждения здоровья или 2 000 000 рублей в случае смерти пациента от поствакцинальных осложнений. Премия должна быть выплачена в течение 30 дней со дня представления необходимых документов и её размер может быть увеличен в судебном порядке.

Вред, причинённый жизни и здоровью гражданина, вследствие клинических испытаний вакцины следует отличать от вреда жизни и здоровью, причинённого прививками, внесёнными в национальный календарь профилактических прививок и профилактическими прививками по эпидемическим показаниям, т. к. во втором случае договор страхования будет отсутствовать. Однако, если прививка, включена в национальный календарь профилактических прививок, а поствакцинальные осложнения включены в перечень поствакцинальных осложнений, утверждённый Постановлением Правительства РФ от 02.08.1999 № 885, гражданин может рассчитывать на государственные пособия в размере 10 000 рублей единовременно в случае возникновения поствакцинального осложнения, 30 000 рублей единовременно в случае смерти гражданина от поствакцинальных осложнений или 1000 рублей ежемесячно с возможностью индексации в случае признания гражданина инвалидом вследствие осложнений, вызванных вакцинацией.

Для получения перечисленных выше пособий, первым делом гражданину необходимо получить в медицинском учреждении «документы, подтверждающие факт поствакцинального осложнения (заключение об установлении факта поствакцинального осложнения; свидетельство о смерти)» [4]. Как верно заметила А. Г. Остапенко, «только после получения справки, мы можем обращаться с заявлением в органы социальной защиты» [5]. В соответствии с п. 8 порядка выплаты государственных единовременных пособий и ежемесячных денежных компенсаций гражданам при возникновении у них поствакцинальных

осложнений «орган социальной защиты населения должен принять решение о выплате либо об отказе в выплате государственного единовременного пособия или ежемесячной денежной компенсации в 10-дневный срок со дня подачи заявления» [6].

Кроме вышеперечисленных случаев необходимо рассмотреть ситуации возмещения вреда, причинённого жизни и здоровью в результате вакцинации, в судебном порядке, т. к. именно судебный порядок является основной формой защиты граждан в рассматриваемых нами общественных отношениях.

Как было выяснено ранее, жизнь и здоровье человека не могут быть возмещены в натуре, т. к. данные блага имеют нематериальный характер, следовательно, при обращении в суд должно подаваться исковое заявление неимущественного характера. В соответствии со ст. 23 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [7] рассматриваемые иски подсудны районным судам. Из способов защиты гражданских прав, перечисленных в ст. 12 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [8], для компенсации вреда, причинённого жизни и здоровью гражданина в результате вакцинации, в зависимости от выбора статьи ГК РФ, на которую будет ссылаться потерпевший, он может потребовать у причинителя вреда возмещения убытков, понесённых в связи с поствакцинальными осложнениями и/или компенсации морального вреда. Потерпевший или его представитель могут строить свою защиту на основе ст. 1096 или ст. 1079 ГК РФ, от выбора нормы будут зависеть факты, подлежащие доказыванию в судебном процессе.

После определения правовой позиции необходимо соблюсти досудебный порядок урегулирования спора, иными словами, направить будущему ответчику претензию, содержащую основные обстоятельства дела и требования истца, после истечения срока, установленного законом, исковое заявление можно подавать в суд. Требования к форме и содержанию искового заявления, а также документы, прилагаемые к нему установлены ст. 131–132 ГПК РФ.

Вместе с тем следует отметить, что закон не ограничивает граждан в способах и объёмах компенсации вреда, причинённого жизни и здоровью, в связи с проведением вакцинации. Таким образом, гражданин может получить от государства пособие в связи с причинением вреда здоровью поствакцинальными осложнениями, а потом уже в судебном порядке обратиться с иском к медицинской организации и потребовать возмещения ущерба и компенсации морального вреда.

Литература:

1. Способы и формы защиты нарушенных прав граждан и юридических лиц: учеб. пособие / Отв. ред. Л. А. Зеленская, Т. Ю. Якимова. Краснодар: КубГАУ, 2018. С.14.
2. Федеральный закон «Об обращении лекарственных средств» от 12.04.2010 г. № 61-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.

3. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Типовых правил обязательного страхования жизни и здоровья пациента, участвующего в клинических исследованиях лекарственного препарата» от 13.09.2010 г. № 714 // Собрание законодательства РФ. 2010. № 38. Ст. 4832.
4. Постановление Правительства РФ «О Порядке выплаты государственных единовременных пособий и ежемесячных денежных компенсаций гражданам при возникновении у них поствакцинальных осложнений» от 27.12.2000 г. № 1013 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2438.
5. Остапенко А. Г., Сыч Е. А. Компенсация за ущерб здоровью, полученный в результате вакцинации // Отечественная юриспруденция. 2017. № 6 (20). С. 69. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kompensatsiya-za-uscherb-zdorovyu-poluchennyu-v-rezultate-vaktsinatsii> (Дата обращения 08.06.2025 г.).
6. Постановление Правительства РФ «О Порядке выплаты государственных единовременных пособий и ежемесячных денежных компенсаций гражданам при возникновении у них поствакцинальных осложнений» от 27.12.2000 г. № 1013 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 14. Ст. 2438.
7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7523.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Основания возникновения, изменений и прекращения прав потребителей при оказании медицинских услуг в РФ

Кривенко Ольга Дмитриевна, студент магистратуры
Московский экономический институт

В статье рассматриваются правовые основания возникновения, изменений и прекращения прав потребителей при оказании медицинских услуг в России. Выделены группы прав в сфере получения медицинских услуг.

Ключевые слова: право, возникновение, прекращение изменение, защита, граждане, медицинские услуги.

Качественная медицинская помощь имеет ключевое значение для сохранения жизни и обеспечения благополучия граждан. Всемирной организацией здравоохранения доказано, что улучшение качества и продолжительности жизни населения ведет к ускорению экономического развития государства, росту его валового национального продукта.

Право на охрану здоровья относится к системе основных прав и свобод человека и гражданина, нашедших свое закрепление в Конституции Российской Федерации (ст. 41) и ряде международных актов [5, с.86].

В области охраны здоровья можно выделить две группы прав — социальные и индивидуальные.

Социальные права в данной области связаны с социальными обязательствами, возложенными на правительство, общественные или частные организации по обеспечению всего населения медицинской помощью на должном уровне.

Под индивидуальными подразумевают такие права, которые неотделимы от личности пациента. На сегодняшний день международная практика выработала оптимальный объем индивидуальных прав пациента, основными из которых являются:

- право на уважительное, гуманное отношение к личности при оказании медицинской помощи;

- право на исчерпывающую информацию о состоянии своего здоровья, возможном риске, возможных последствиях отказа от лечения;

- право на осознанное согласие и информированный добровольный отказ от медицинского вмешательства;

- право на конфиденциальность при обращении за медицинской помощью;

- право выбора и замены врача и лечебного учреждения;

- право на качественную медицинскую помощь, соответствующую состоянию здоровья пациента [4].

Основания для возникновения прав граждан при оказании медицинских услуг в РФ:

1 Право на оказание медицинских услуг надлежащего качества. Качество услуг должно соответствовать договору. Если в нём нет условий о качестве, то оно должно соответствовать обычно предъявляемым требованиям к услугам такого рода.

2 Право на информацию об исполнителе. Потребитель должен получить сведения о медицинской организации, её лицензии, специалистах, режиме работы и других аспектах.

3 Право на безопасность. Вред, причинённый жизни или здоровью потребителя, подлежит возмещению.

Основания для изменения прав граждан при оказании медицинских услуг в России:

1 Обнаружение существенных недостатков или отклонений от условий договора. К существенным недостаткам относятся недостатки, которые делают невозможным или недопустимым использование услуги в соответствии с её целевым назначением.

2 Нарушение сроков оказания услуг. Потребитель вправе потребовать назначения нового срока, предоставления медицинской услуги другим специалистом, расторгнуть договор и потребовать возмещения убытков.

3 Одностороннее изменение условий договора исполнителем. Если исполнителем осуществлено такое изменение и оказаны не согласованные с потребителем услуги, то он вправе отказаться от оплаты и потребовать возврата уплаченной денежной суммы, а также возмещения иных понесённых им убытков.

В порядке гражданского судопроизводства пациент может взыскать с медицинской организации:

- причиненные ему нарушением прав убытки;
- возмещение причиненного здоровью вреда;
- компенсацию причиненного морального вреда [1].

В обоих производствах пациент может защищать свои права как лично, так и при помощи представителя. Однако следует указать на то, что в ГК РФ определены сроки исковой давности, которые ограничивают во времени право пациента на защиту. В соответствии со ст. 208 ГК РФ требования о возмещении причиненного здоровью вреда не ограничены исковой давностью, то есть правила ГК РФ об исковой давности на них не распространяются [4].

Для всех остальных требований потребителя, предъявляемых в суд, установлен срок исковой давности в три года.

Основаниями для прекращения прав граждан при оказании медицинских услуг в России:

1 Односторонний отказ от исполнения договора. Пациент вправе в любой момент отказаться от исполнения договора на оказание медицинской помощи при условии оплаты исполнителю суммы фактически понесённых им расходов.

2 Отказ медицинской организации от исполнения договора. Согласно п. 3 ст. 426 и п. 4 ст. 445 ГК РФ, отказ медицинской организации от исполнения договора при наличии возможности предоставить пациенту соответствующие услуги не допускается [3].

В случае возмещения пациенту всех убытков и вреда медицинская организация может отказаться от испол-

нения договора. Если медицинскому учреждению будут компенсированы все фактически понесенные расходы, то пациент получает право на отказ от исполнения договора. Если пациент не выполнял требований медицинского учреждения, связанных с лечением, которые пациент должен был выполнить по заключённому договору, то медицинская организация не будет нести ответственности за качество предоставляемых услуг. Пациент обычно несет ответственность за просрочку оплаты медицинских услуг. По общему правилу, такая ответственность имеет форму неустойки либо процентов за пользование чужими денежными средствами.

Законодательство в сфере здравоохранения нуждается в серьезной модернизации. Это обусловлено необходимостью корректуры ранее установленных подходов к оказанию медицинской помощи, развитием инновационных медицинских технологий (геномной медицины, биомедицины и др.), внедрением цифровых технологий и обработкой больших информационных баз данных [3].

Наблюдаемое постоянное внесение изменений и дополнений в **Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»** [2], а также принятие специальных законов в сфере охраны здоровья граждан должно привести к кодификации отрасли — принятию единого нормативного документа — Кодекса о здравоохранении в Российской Федерации. Примером такого подхода могли бы служить некоторые европейские страны и Республика Казахстан. Это позволит оптимизировать законодательную базу, сократить число законов в сфере здравоохранения, что исключит наблюдаемую путаницу в правовом материале, а также облегчит в нем ориентирование российских медицинских работников. В данном Кодексе должны быть четко прописаны все возможные основания возникновения, изменений и прекращения прав потребителей при оказании медицинских услуг в РФ.

Таким образом, можно сделать вывод, что защита прав пациента в соответствии с законодательством о защите прав потребителей может осуществляться во внесудебном и судебном порядке. Пациент, которому медицинская организация оказала некачественные медицинские услуги, вправе требовать возмещения понесенных убытков, компенсации морального вреда, а также наложения на нарушителя штрафа в соответствии с законодательством о защите прав потребителей.

Литература:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 01.04.2025 N 54-ФЗ) // СЗ РФ. 2015. № 10. Ст. 1391.
2. Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024 (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025)) // Российская газета от 23 ноября 2011 г. — N 263.
3. Винокуров В. А. Дефекты законодательного регулирования медицинских услуг для пациента, рассматриваемых как услуги для потребителя / В. А. Винокуров, К. В. Шафигулин // Административное и муниципальное право. — 2024. — № 6. — С.99–111.

4. Малофеев Н. А. Способы и формы защиты прав потребителей при оказании платных медицинских услуг / Н. А. Малофеев // Аллея науки. — 2024. — Т.3. — № 5 (92). — С. 103–108.
5. Романовский Г. Б. Право и современная медицина: проблемы и перспективы / Г. Б. Романовский, О. В. Романовская // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. — 2024. — № 1. — С. 96–110.

Проблема определения момента окончания преступления с материальным и формальным составом

Кудряшов Виталий Сергеевич, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

Определение момента окончания преступления с материальным и формальным составом является одной из актуальных проблем уголовного права. В законодательстве не закреплено понятие «момент окончания преступления», но сам момент окончания играет важную роль, поскольку от его верного установления зависит то, как соблюдены права и свободы человека и гражданина [6]. Стоит упомянуть, что статья 29 УК РФ устанавливает, что «преступление признаётся оконченным, если в совершённом лицом деянии содержатся все признаки состава преступления, предусмотренного настоящим Кодексом» [1]. Таким образом, можно предположить, что момент окончания преступления — это некая юридическая фикция, с помощью которой преступления объявляются оконченными по своему фактическому окончанию в определённый момент развития преступного деяния.

Момент окончания преступления присущ всем преступлениям без исключения. Само установление момента окончания преступления является некой гарантией соблюдения принципа законности, и он зависит от особенностей конструкции преступления. По мнению доктора юридических наук Филимонова В. Д. в определении конструкции составов участвуют признаки, характеризующие объект преступления, вид общественно опасного деяния, способ совершения преступных действий, их последствия, возможность и степень вероятности их наступления, а также форма вины [7].

Выбор состава преступления является важной задачей, решение которой свидетельствует о волеизъявлении законодателя признать преступление оконченным на определённой стадии совершения преступления. При этом на первый взгляд все выглядит достаточно просто: определяется вид состава преступления, в результате чего получается представление о моменте окончания преступления. Однако в большинстве случаев происходит возникают трудности в определении вида состава по моменту окончания преступления из-за неточности, неясности, и двусмысленности текста закона. В специальной литературе часто утверждается, что по моменту окончания преступления составы делятся на материальный и формальный.

Принято считать, что преступления с материальным составом признаются оконченными с момента наступления общественно опасных последствий, предусмотренных соответствующей нормой Особенной части УК РФ. Однако возможна такая ситуация, когда общественно опасные последствия не обязательны для признания оконченным преступление с материальным составом, это происходит в трёх случаях:

1) Последствия являются альтернативным признаком состава преступления. Альтернативным действием считается наличие хотя бы одного из них является достаточным для квалификации преступления как оконченного, в том числе в случае, когда одно из таких действий лицо фактически совершило, а другое (другие) — пыталось совершить, но не смогло довести задуманное до конца [3]. Например, ч.1 ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» перечислены альтернативные последствия (потеря зрения, слуха, речи и так далее), которые являются достаточными для признания состава преступления;

2) Последствия являются дополнительными, а не основными. Стоит отметить, что дополнительные последствия присутствуют не во всех случаях. Так, например, в нарушение статьи 213 УК РФ «Хулиганство» основным признаком будет считаться нарушение общественного порядка, а дополнительным последствием является нанесение вреда здоровью в результате применения насилия;

3) Последствия увеличивают только количественную характеристику причиненного вреда, что не может привести к изменению квалификации деяния. Законодатель указывает на «минимум» количественной характеристики, которая необходима для состава преступления. Однако, если данный «минимум» пройден, и наступление большего объекта последствий того же деяния уже не имеют значения для определения момента окончания преступления. Например, по п. «а» ч.2 ст.105 УК РФ, должен квалифицироваться единый акт насилия, в результате которого виновный умышленно причинил смерть двум или более лицам, а на причинение такого же последствия еще хотя бы одному потерпевшему покушался.

Таким образом, рассмотрев вышеперечисленные случаи, мы можем увидеть, что не всегда момент окон-

чания преступления с материальным составом можно определять только по наступлению общественно опасного последствия.

Что касается момента окончания преступления с формальным составом, то здесь необходимо лишь совершение самого действия (бездействия). В данном случае законодатель связал окончание деяния с завершением совершаемых действий. Я согласна с мнением Ветрова Н. И. и Ляпунова Ю. И., которые отмечают: «Бесспорно, что любой так называемый формальный состав преступления неизбежно корродирует охраняемые уголовным правом общественные отношения, влечет за собой определенные совершенно реальные антисоциальные последствия, которые, однако, сообразно канонам законодательной техники не указываются в диспозиции уголовно-правовых норм ввиду того, что доказывание наличия в содеянном таких последствий практически невозможно. Они резюмируются законодателем: это всего лишь вопрос законодательной техники конструирования уголовно-правовых норм, относящихся к Особенной части УК РФ, с учетом практической возможности установления и фиксации правоприменительными органами количественных или качественных параметров преступных результатов» [5]. Однако, выделяют следующие группы окончанных преступлений с формальным составом:

1) Момент окончания преступления связан не с фактическим наступлением преступных последствий, а с ре-

альной угрозой их наступления (причинения) — так называемый «состав опасности». Эти преступления признаются оконченными с момента совершения деяния (действия или бездействия), создающего угрозу наступления предусмотренных уголовным законом тяжких последствий [4]. Например, к таким «составам опасности» относится статья 122 УК РФ «Заражение ВИЧ-инфекцией», при котором происходит заведомое поставление другого лица в опасность заразиться данной инфекцией.

2) Момент окончания переносится на более ранние этапы преступной деятельности, следовательно, которые можно рассматривать как неоконченное преступление. Например, это статья 30 УК РФ «Приготовление к преступлению и покушение на преступление», и такие составы преступления принято называть «усечёнными», у которых момент окончания преступления признаётся с момента совершения самого деяния.

Таким образом, можно сказать о том, что в данной статье приведённая проблема была рассмотрена с точки зрения момента окончания преступления с материальным и формальным составом по принципу деления самого момента на группы, а также приведение случаев, когда общее знание не всегда применимо. По моему мнению, данную проблему можно решить путём анализа в комментариях к Уголовному кодексу РФ самого определения момента окончания преступления, а не преподносить его как устоявшийся факт.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ: принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. // Официальный интернет-портал правовой информации: гос. система правовой информации.
2. Безверхов А. Г., Решетникова Д. В. О классификации конструкций составов преступлений по моменту их юридического окончания // Общество и право. 2010. № 5 (32). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-klassifikatsii-konstruktsiy-sostavov-prestupleniy-po-momentu-ih-yuridicheskogo-okonchaniya>
3. Благоев Е. В. Квалификация преступлений (теория и практика). Ярославль, 2003.
4. Наумов А. В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. — М.: БЕК, 1996
5. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть.: Учебник / под ред. А. И. Рарога. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Юрист, 2005.
6. Решетникова, Д. В. Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики: автореф. дис. канд. юрид. наук. — Самара, 2012.
7. Филимонов В. Д. Норма уголовного права. СПб., 2004.

Правовая система России как целостное явление: структурное единство и функциональная взаимозависимость

Кузьмина Виктория Вадимовна, студент магистратуры

Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

Статья посвящена исследованию Российской правовой системы в качестве целостного и сложноорганизованного социально-правового феномена. Анализируются ключевые элементы системы (нормы, институты, отрасли, правовая культура, правосознание, правоприменительная практика), их взаимосвязи и взаимодействие, обеспечивающие ее един-

ство и функциональность. Рассматриваются факторы, способствующие и препятствующие сохранению целостности системы в условиях современных вызовов. Делается вывод о том, что целостность правовой системы является необходимым условием ее эффективности и легитимности.

Ключевые слова: правовая система России, целостность права, системность права, источники права, правовые институты, правовая культура, правосознание, единство правового пространства, функции права.

Правовая система современной России представляет собой сложный, динамично развивающийся организм, формирование которого продолжается на протяжении последних десятилетий. Рассмотрение ее как целостного явления выходит за рамки простой совокупности действующих правовых норм. Целостность предполагает внутреннее единство, взаимосвязь и взаимозависимость всех элементов системы, их подчиненность общей цели — обеспечению правопорядка, стабильности и справедливости в обществе. Изучение российской правовой системы через призму целостности позволяет глубже понять ее сущность, механизмы функционирования, сильные стороны и точки напряжения.

Концептуальные основы целостности правовой системы

Целостность правовой системы базируется на нескольких фундаментальных принципах:

1. Единство верховенства права и Конституции РФ:

Конституция РФ 1993 года выступает юридическим фундаментом системы, обладая высшей юридической силой. Все иные нормативные правовые акты (федеральные законы, законы субъектов РФ, подзаконные акты) должны соответствовать Конституции. Принцип верховенства права (Rule of Law) предполагает, что закон обязателен для всех, включая государственные органы.

2. Иерархическая структура источников права:

Система источников права построена по строгой иерархии (Конституция — ФКЗ — ФЗ — Указы Президента — Постановления Правительства — акты федеральных органов исполнительной власти — законы субъектов РФ и т. д.), обеспечивая непротиворечивость правового регулирования. Конституционный Суд РФ и суды общей юрисдикции играют ключевую роль в поддержании этой иерархии и единства правового пространства.

3. Системность правовых норм и институтов:

Правовые нормы объединены в институты (например, институт собственности, институт договора), а институты — в отрасли права (конституционное, гражданское, уголовное, административное и др.). Целостность системы проявляется в логической взаимосвязи норм внутри институтов и отраслей, а также в согласованности регулирования между различными отраслями.

4. Единство правоприменительной практики:

Применение права различными государственными органами (суды, прокуратура, органы исполнительной

власти) должно быть единообразным на всей территории страны. Роль высших судебных инстанций (Верховный Суд РФ, Конституционный Суд РФ) в формировании единообразной судебной практики и толковании права является краеугольным камнем целостности.

Структурные элементы системы и их вклад в целостность

Целостность российской правовой системы обеспечивается взаимодействием следующих ключевых элементов:

Нормативный блок:

Совокупность действующих правовых норм (писаное право) — формальная основа системы. Целостность требует их внутренней непротиворечивости, полноты и систематизированности (кодификация).

Институциональный блок:

Система государственных органов, создающих право (законодательные органы), применяющих его (суды, правоохранительные органы) и обеспечивающих его исполнение (органы исполнительной власти). Их четкая компетенция и слаженное взаимодействие — условие целостности.

Идеологический (духовный) блок:

Правосознание (правовые представления, идеи, чувства населения и профессиональных юристов). Доминирование уважения к закону, правам человека и принципу верховенства права в общественном правосознании укрепляет систему.

Правовая культура общества и профессиональная юридическая культура

Высокий уровень правовой культуры способствует добровольному соблюдению права и эффективному правоприменению.

Функциональный блок:

Реализация функций права (регулятивной, охранительной, воспитательной и др.) во всех сферах общественной жизни. Целостность проявляется в сбалансированности и эффективности выполнения этих функций.

Правовая практика:

Реальная деятельность по созданию, толкованию и применению права, формирующая прецеденты (в широком смысле) и правовые обычаи.

Единство и предсказуемость практики — индикатор целостности.

Факторы, обеспечивающие целостность и угрожающие ей.

Обеспечивающие факторы:

- конституционный каркас и развитое конституционное правосудие;
- систематическая работа по кодификации и унификации законодательства;
- деятельность высших судов по формированию единой правоприменительной практики;
- развитие юридического образования и науки;
- постепенное формирование правового государства и гражданского общества;

Факторы, создающие вызовы целостности:

- проблемы законодательной техники: противоречия между нормативными актами разного уровня, пробелы в праве, низкое качество законотворчества, избыточное регулирование («законодательная инфляция»);
- региональная асимметрия и сепаратистские тенденции (в прошлом, но риски сохраняются): стремление субъектов РФ к избыточному нормотворчеству, противоречащему федеральному законодательству (актуально в исторической ретроспективе, но контроль усилен);
- несовершенство правоприменения: коррупция, неисполнимость судебных решений, различия в практике судов одного уровня («судебный каприз»), слабость некоторых институтов (например, исполнения наказаний);
- проблемы правосознания и правовой культуры: правовой нигилизм значительной части населения, низкий уровень доверия к судам и правоохранительным органам, недостаточная правовая грамотность;
- влияние глобализации и международного права: необходимость гармонизации российского законодательства с международными стандартами при сохранении национального суверенитета может создавать сложности;
- динамизм общественных отношений: право может отставать от быстро меняющихся социальных и экономических реалий (особенно в сфере цифровых технологий), требуя постоянной корректировки, что потенциально угрожает стабильности системы.

Литература:

1. Алексеев С. С. Теория права. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: БЕК, 1995. — 320 с.
2. Марченко М. Н. Правовые системы современного мира: учебное пособие. — 3-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2019. — 528 с.
3. Нерсесянц, В. С. Общая теория права и государства: учебник для вузов. — М.: ИНФРА-М, 2022. — 560 с.
4. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2023): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.03.2023 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 2023. — № 6.
5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16 июня 1998 г. № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 25. — Ст. 3004.
6. Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. — М.: ИНФРА-М, 2021. — 432 с.
7. Эбзеев, Б. С. Конституция. Правовое государство. Конституционный Суд: монография. — М.: ИНФРА-М, 2020. — 592 с.

Целостность как динамическое состояние

Целостность правовой системы России не является раз и навсегда данным состоянием. Это динамический процесс, требующий постоянных усилий по ее поддержанию и укреплению. Реформы в судебной системе, административные реформы, борьба с коррупцией, совершенствование законодательной деятельности, повышение правовой культуры — все это направлено на усиление связей между элементами системы, устранение противоречий и повышение ее общей эффективности.

Заключение

Российская правовая система, несмотря на существующие проблемы и вызовы, представляет собой целостное явление. Ее единство обеспечивается конституционными основами, иерархией источников права, системностью правовых норм и институтов, а также (в идеале) единством правоприменительной практики и развитым правосознанием. Целостность проявляется в способности системы выполнять свои основные социальные функции: регулировать общественные отношения, защищать права и свободы человека, обеспечивать стабильность и предсказуемость.

Однако целостность — это не статичное достижение, а постоянная задача. Противоречия в законодательстве, проблемы правоприменения, правовой нигилизм и влияние внешних факторов требуют непрерывной работы по гармонизации элементов системы, совершенствованию правотворчества и правоприменения, воспитанию правовой культуры. Только при осознании и поддержании этой целостности российская правовая система может стать подлинным инструментом обеспечения справедливости, порядка и устойчивого развития общества и государства. Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку конкретных механизмов оптимизации взаимодействия элементов системы для максимальной реализации ее целостного потенциала в современных условиях.

Перспективы и тенденции развития судебного речеведения на современном этапе

Лобас Александра Дмитриевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Бондаренко Юрий Алексеевич, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Особенности взаимосвязи речи и права уже долгое время интересуют лингвистов и правоведов. В современном обществе сформировалась потребность исследования юридического аспекта языка и языкового аспекта права. Цель статьи — рассмотреть направления исследований судебного речеведения.

В свою очередь задача статьи заключается в определении перспективных направлений в области судебного речеведения. Лингвистика — наука о языке, его сущности, строении, функционировании и развитии. Правоведение — наука об объективных закономерностях развития государства и права, их место и роль в общественной жизни. В свою очередь, судебное речеведение — это междисциплинарная наука о роли и функциях языка в юридической теории и практике. Объектом речеведения является язык, который функционирует в области юридической науки и образования, правотворческой, правоприменительной практике и судопроизводстве. Рассматривая становление судебного речеведения как самостоятельной области, следует отметить, что предметом является язык, который функционирует в области законодательства и права, судопроизводства и юридического образования. [1]

Ю. А. Гришенкова, считает, что это «достаточно новая область языкознания междисциплинарного характера, связанная с языком и правом» [2]. Судебное речеведение находится на этапе становления, поэтому в терминологии названия существуют колебания. Судебное речеведение как относительно молодая дисциплина, находящаяся на пересечении юриспруденции, лингвистики и психологии, продолжает стремительно развиваться в условиях динамично меняющегося общества. В последние годы наблюдается ряд тенденций и перспектив, определяющих дальнейшее развитие данного направления.

Современное судебное речеведение все чаще использует междисциплинарный подход, объединяя методики различных наук. Например, психолингвистика, социология и криминология становятся важными компонентами в исследовании речевых коммуникаций в суде. Такой подход позволяет учитывать не только содержание речевых актов, но и контекст, в котором они происходят, что, в свою очередь, помогает более точно оценить психологические и социальные аспекты взаимодействия сторон в судебном процессе.

Перспективной остается тема правовой коммуникации в законодательстве. Правовая коммуникация — это процесс правовой жизни общества, передачи правовой информации от правотворческих органов

к пользователям права. Этот вопрос, на данный момент, учеными практически не раскрыт и требует углубленного изучения. Важно отметить, что исследования отечественных авторов осуществляются на основе материалов иностранных авторов, в частности на исследованиях английских и американских ученых. Так называемая зарубежная «юридическая лингвистика» сформировалась на основе «судебной лингвистики», в которой сформировались три основных направления: когнитивно-семиотическое, коммуникативно-прагматическое, судебно-экспертное [3]. Предмет исследования американских, английских юристов и лингвистов — стиль юридических документов, их прочтение и толкование в сфере права. Среди многочисленных направлений развития юридической лингвистики особое место занимает проблематика, связанная с исследованием качества речи на выступлениях прокурора, судьи, адвоката. [4] Исследуются пути взаимодействия законов общей и отраслевой риторики, эффективные методики в области судебной экспертизы и криминалистики, а также правила ведения судебного разбирательства, законотворчество и соотносённость на уровне языковой коммуникации такой категории, как истина.

Развитие технологий, особенно в сфере искусственного интеллекта и анализа больших данных, заметно изменяет подходы к судебному речеведению. Использование программ для автоматической обработки текстов, распознавания речи и анализа эмоциональной окраски может значительно повысить точность и скорость судебных разбирательств. Это, в свою очередь, предлагает новые горизонты для исследования и теоретической разработки. Все большее внимание уделяется формированию у студентов навыков анализа и критического мышления. Это связано с необходимостью оценки аргументов, выявления логических ошибок и противоречий в судебных делах. Дидактические концепции, ориентированные на развитие этих навыков, становятся все более популярными, поскольку они готовят специалистов к решению нестандартных задач и принятию оптимальных решений в условиях неопределенности. Все чаще в учебный процесс вводятся ролевые игры, моделирование судебных процессов и групповая работа. Это позволяет студентам не только закрепить теоретические знания, но и развить практические навыки, научиться работать в команде и принимать решения в условиях реальной судебной практики.

С помощью цифровых технологий в речеведческих исследованиях применяются, например, методы обработки

данных, инструменты анализа и примеры исследований. Также существуют перспективы развития этих методов.

На данный момент существуют такие методы обработки данных:

— Автоматическое распознавание речи — преобразование аудиосигнала в текст с помощью алгоритмов, которые учитывают особенности речи, динамику, шум и другие факторы.

— Анализ интонации — использование цифровых инструментов для определения интонационного комплекса на основе звуковых и текстовых данных.

— Поиск ключевых слов — автоматическое нахождение в речи участков, содержащих заданные слова или словосочетания, с помощью систем распознавания отдельных участков речи.

— Кластерный анализ — позволяет автоматически определять тематику телефонных переговоров на основе частотности и связности слов и словосочетаний, употребляемых дикторами.

С учетом роста значимости судебного речеведения в правосудии, существует явная потребность в создании программ обучения для юристов, судей и судебных экспертов, которые желают овладеть навыками речевого анализа и коммуникации. Разработка специализированных курсов, семинаров и тренингов поспособствует формированию более квалифицированных специалистов, спо-

собных эффективно использовать речевые стратегии в судебных разбирательствах.

С учетом глобализации и интеграции различных правовых систем, судебное речеведение начинает больше внимания уделять культурным аспектам общения в судебном процессе. Изучение особенностей речевой практики в разных культурах позволит избежать недопонимания и ошибок при интерпретации речевых актов. Это особенно актуально в многонациональных и мультикультурных обществах, где юридические системы могут существенно различаться.

Перспективы и тенденции развития судебного речеведения на современном этапе показывают, что данная дисциплина становится важным инструментом в правосудии. Интеграция технологий, междисциплинарный подход, подготовка специалистов, учет культурного контекста и внимание к этическим аспектам — все это способствует более эффективному и справедливому осуществлению правосудия. Важно продолжать исследования и разработки в этой области, чтобы обеспечить соответствие судебного речеведения современным вызовам и требованиям общества. В условиях постоянно меняющейся судебной практики важно, чтобы образовательные программы оставались актуальными и отвечали потребностям как студентов, так и общества в целом.

Литература:

1. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие / А. Н. Баранов. — М.: Флинта: Наука, 2007. — 592 с.;
2. Гришенкова Ю. А. Актуальные вопросы современной юрислингвистики // Ярославский Пед. Вестн. 2005. № 1. С. 20–24;
1. Глинская Н. П. Современные исследования западной юридической лингвистики: новые проблемы и подходы // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 1. С. 152–158.;
2. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. — М., 1996.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. — М.: Наука, 1987.

Tax residency in the era of remote work: re-evaluating corporate nexus and permanent establishment rules

Mandzulashvili Natia, lawyer, admitted to the Georgian Bar Association (Tbilisi, Georgia)

This article explores the legal and policy challenges posed by the rise of remote work to traditional tax residency and permanent establishment (PE) rules. As corporate employees and decision-makers increasingly work from different jurisdictions, the physical presence-based standards of international tax law are proving inadequate. The article analyzes the conceptual foundations of tax residency and PE, examines the legal risks introduced by remote operations, and discusses how governments and multinational enterprises (MNEs) are adapting to this shift. It concludes with a call for tax law reform and proactive corporate strategies that align legal compliance with the realities of a decentralized global workforce.

Keywords: tax residency, permanent establishment, remote work, international tax law, OECD, nexus, corporate mobility, global workforce, cross-border compliance, substance.

Налоговое резидентство в эпоху удалённой работы: переоценка корпоративной привязки и правил постоянного представительства

Мандзалашвили Натия, юрист, член Коллегии адвокатов Грузии (г. Тбилиси, Грузия)

В статье рассматриваются юридические и политические проблемы, возникающие в связи с ростом удалённой занятости и влияющие на традиционные правила налогового резидентства и постоянного представительства (PE). По мере того как сотрудники компаний и лица, принимающие решения, всё чаще работают из разных юрисдикций, стандарты международного налогового права, основанные на физическом присутствии, становятся неэффективными. В статье анализируются концептуальные основы налогового резидентства и PE, юридические риски, связанные с удалённой деятельностью, а также рассматриваются подходы правительств и транснациональных корпораций к адаптации к новой реальности. Завершается статья призывом к реформе налогового законодательства и разработке проактивных корпоративных стратегий, соответствующих требованиям правового соответствия и условиям децентрализованного глобального рынка труда.

Ключевые слова: налоговое резидентство, постоянное представительство, удалённая работа, международное налоговое право, ОЭСР, привязка, nexus, корпоративная мобильность, глобальный рынок труда, трансграничное соответствие, экономическая сущность.

Introduction

The rapid proliferation of remote work, accelerated by the COVID-19 pandemic and the digital transformation of the global economy, has introduced significant challenges to traditional tax systems. As employees and even executives increasingly perform their duties from various jurisdictions, long-standing principles of corporate tax residency and permanent establishment (PE) are being called into question.

Historically, corporate tax obligations were closely linked to physical presence, such as the location of management, office space, or personnel. However, the normalization of remote work has blurred the lines of what constitutes a "fixed place of business" and "central management and control." These developments raise important legal and policy questions: Can remote employees create a taxable presence in a foreign country? Should the location of corporate decision-makers working from home influence a company's tax residence?

This article addresses these pressing questions by examining the core concepts of tax residency and PE in international tax law and evaluating how remote work disrupts them. It further explores the need for tax authorities and multinational enterprises (MNEs) to adapt through legal reforms, risk mitigation strategies, and updated compliance frameworks. As remote work becomes a long-term reality, the reevaluation of nexus and establishment rules is no longer optional—it is a legal and economic imperative.

Corporate Tax Residency and Permanent Establishment: Core Legal Concepts

In international tax law, the concepts of corporate tax residency and permanent establishment (PE) are fundamental in determining where a company has the legal obligation to pay corporate income tax. These concepts are embedded

in domestic laws, bilateral tax treaties, and international frameworks such as the OECD Model Tax Convention.

Traditionally, corporate tax residency has been defined based on either the place of incorporation (common in jurisdictions such as the United States) or the place of effective management (used in many OECD countries). The latter approach emphasizes where key strategic decisions are made, typically by the board of directors or executive leadership. As long as a company's central management and control occurred within a particular jurisdiction, it would be considered a tax resident there.

The concept of permanent establishment, as outlined in Article 5 of the OECD Model Convention, refers to a fixed place of business through which the business of an enterprise is wholly or partly carried on. Common forms of PE include branch offices, factories, or places where contracts are habitually concluded. Additionally, the activities of dependent agents—individuals with authority to bind the company—can create a PE under certain conditions [1].

Both concepts rely heavily on physical presence and a relatively static understanding of business operations. The legal assumption has been that meaningful economic activity takes place in specific locations, with tangible infrastructure and face-to-face interactions. However, the shift toward digitalization and mobile workforces—now intensified by remote work—has exposed the limitations of these traditional criteria. Questions have emerged about whether a home office or a laptop used across borders can constitute a PE, or whether executives working from abroad might shift a company's tax residence.

These uncertainties necessitate a reexamination of long-standing legal definitions to ensure they remain effective and equitable in the context of modern business practices.

Disruption Caused by Remote Work

The widespread adoption of remote work has fundamentally altered the geographic footprint of corporate activity, raising

significant legal and compliance challenges for multinational enterprises (MNEs). As employees, including key decision-makers, increasingly perform their duties from jurisdictions different from those where their employers are legally established, the traditional nexus between physical presence and tax liability becomes strained.

One major concern is the unintentional creation of permanent establishments (PEs). An employee working remotely from a foreign country, particularly one with authority to negotiate or conclude contracts, may inadvertently trigger PE status for their employer under both domestic tax laws and international treaties. This could expose the employer to new tax liabilities, reporting obligations, and audits in jurisdictions where they did not intend to operate.

Similarly, the criteria for determining corporate tax residency become more ambiguous when central management functions—such as strategic planning, financial oversight, or board meetings—are carried out remotely from various locations. If executives or directors habitually exercise key decision-making authority from a jurisdiction different from the company's registered office, tax authorities may assert that the place of effective management has shifted, thereby changing the company's tax residence. This opens the door to double taxation risks and legal disputes over jurisdictional claims.

Further complicating the landscape is the lack of uniform global guidance. While some tax authorities have issued temporary COVID-era relief measures, these policies vary significantly and often lack legal clarity or permanence. The OECD, for example, released non-binding guidance in 2020 suggesting that remote work arrangements resulting from the pandemic should not, on their own, lead to changes in tax residence or the creation of PE. However, this guidance is discretionary and not enforceable, and its application depends on the individual interpretations of member states [2].

As remote work transitions from a temporary response to a permanent feature of the modern workplace, MNEs are left operating in a legal grey zone. They must balance employee flexibility and mobility with the growing complexity of cross-border tax compliance, often without clear or consistent regulatory direction.

Adapting Tax Policy and Corporate Strategies

In response to the legal uncertainties posed by remote work, both governments and multinational enterprises (MNEs) are beginning to adapt their tax policies and operational strategies. The aim is to strike a balance between maintaining fiscal sovereignty and enabling business flexibility in a globally mobile workforce.

On the regulatory side, some jurisdictions have taken initial steps to clarify the tax implications of remote work. Several countries issued guidance indicating that temporary work-from-home arrangements due to the COVID-19 pandemic would not, by themselves, trigger tax residency or create a permanent establishment (PE). However, few have implemented permanent legislative changes, and most existing

rules still rely on physical presence and habitual activities—concepts that are increasingly difficult to apply in a digital environment.

At the international level, discussions within the OECD Inclusive Framework continue to explore how tax rules can evolve in line with modern work practices. Some proposals suggest redefining the threshold for PE to reflect digital presence or economic engagement rather than fixed locations. Others recommend increased reliance on substance-based tests, assessing whether remote operations involve meaningful decision-making or value creation in a given jurisdiction. These discussions, however, are ongoing and face political and practical barriers to implementation.

In the absence of uniform international standards, MNEs are developing their own internal risk mitigation strategies. One common approach is to restrict the authority of remote employees—for instance, preventing them from signing contracts or representing the company in ways that could establish nexus in a foreign jurisdiction. Others are implementing remote work policies that limit the duration or scope of international telecommuting or require prior approval for long-term remote arrangements abroad.

Technological tools are also playing an increasingly important role in compliance. Companies are using location tracking software, legal checklists, and real-time tax risk assessments to monitor where employees are working and whether those activities might trigger tax obligations. Integration between human resources, legal, and finance departments is crucial for managing cross-border employment in a compliant and efficient manner [3].

Ultimately, a proactive and coordinated approach—combining legal risk awareness, clear corporate policy, and close monitoring—is essential for businesses seeking to offer remote work options while avoiding unintended tax consequences. Until international tax standards catch up with the digital economy, companies must take the lead in defining safe operational boundaries.

Conclusion

The rise of remote work has fundamentally disrupted the legal foundations of international tax regulation, particularly the long-standing concepts of corporate tax residency and permanent establishment. As multinational enterprises (MNEs) increasingly embrace distributed workforces, the assumptions that tax liability follows physical presence and fixed geographic management are no longer sufficient. This transformation calls for a comprehensive reevaluation of the nexus rules that underpin cross-border taxation.

Current legal frameworks struggle to account for the fluid and decentralized nature of remote work, exposing companies to unintended tax risks, inconsistent enforcement, and legal uncertainty. While the OECD and certain national authorities have issued temporary guidance, the lack of harmonized and binding rules leaves MNEs with the burden of navigating fragmented regulatory landscapes on their own.

In this context, it is imperative for both policymakers and corporate stakeholders to act. Tax authorities should move toward clearer and more digitally oriented definitions of economic presence, considering the realities of virtual operations [4]. Meanwhile, companies must adopt structured policies, legal safeguards, and technology-driven compliance tools to mitigate risks and maintain control over their global tax footprint.

Ultimately, the post-pandemic era demands not just regulatory updates, but a paradigm shift in how tax law interprets business activity in a borderless digital economy. Proactively addressing these challenges will help foster a more equitable and predictable tax environment—one that supports innovation and flexibility while ensuring fairness and legal certainty in international taxation.

References:

1. OECD. Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2017 [Electronic resource]. — Paris: OECD Publishing, 2017. — Access mode: <https://www.oecd.org/ctp/model-tax-convention-2017-full-version-en.pdf> — Date of access: 18.06.2025.
2. OECD Secretariat Analysis. Updated guidance on tax treaties and the impact of the COVID-19 pandemic [Electronic resource]. — Paris: OECD, 2020. — Access mode: <https://www.oecd.org/tax/beps/guidance-tax-treaties-covid-19.pdf> — Date of access: 18.06.2025.
3. OECD. Commentary on Article 5: Permanent Establishment. In: Model Tax Convention on Income and on Capital 2017 [Electronic resource]. — Paris: OECD Publishing, 2017. — Access mode: <https://www.oecd.org/ctp/treaties/article-5-permanent-establishment.pdf> — Date of access: 18.06.2025.
4. PwC. Permanent Establishment and Remote Work: Managing Tax Risk in a Post-COVID World [Electronic resource]. — PricewaterhouseCoopers International Ltd., 2021. — Access mode: <https://www.pwc.com/gx/en/services/tax/publications/permanent-establishment-and-remote-work.html> — Date of access: 18.06.2025.

Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим

Марченко Елена Леонидовна, студент магистратуры
Челябинский государственный университет

В статье поднимаются проблемы, рассмотрение которых необходимо для совершенствования принципов и норм права в соответствии с веяниями времени. Актуальность приобретает установление факта отсутствия или смерти военнослужащего в связи с увеличением сегодня числа военных конфликтов. В таких ситуациях обычно отсутствуют достоверные сведения об обстоятельствах военной ситуации и судьбе отдельных лиц [7].

Поскольку гражданин объявляется судом умершим, если сведения о нем отсутствовали в течение пяти лет, то с невоенными лицами данный механизм проще. Таким образом, рассматриваемая тема является актуальной в особенности в связи с ведущейся СВО.

Ключевые слова: признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим, гражданское право, СВО.

Recognizing a citizen as missing and declaring him dead

The article raises the consideration of which is necessary to improve the principles and norms of law in accordance with the trends of the time. The establishment of the fact of the absence or death of a serviceman is becoming relevant due to the increase in the number of military conflicts today. In such situations, there is usually no reliable information about the circumstances of the military situation and the fate of individuals.

Since a citizen is declared dead by the court if there has been no information about him for five years, this mechanism is easier with innocent people. Thus, the topic under consideration is relevant, especially in connection with its ongoing work.

Keywords: recognition of a citizen as missing and declaring him dead, civil law, freedom.

На практике периодически возникают ситуации, когда длительное отсутствие физического лица дает возможность заинтересованным лицам признать данный факт с целью наступления юридических последствий. Например, это может помешать вам выезжать за пре-

делы страны или вызвать проблемы с получением определенных видов удостоверений личности, таких как паспорт.

При обращении в суд важен статус заявителя. Суд принимает заявления только от заинтересованных лиц — лиц, имеющих цель. Также важно сообщить полиции о своих

пожеланиях относительно предоставления контактной информации семье и друзьям. Полиция выполнит пожелания о конфиденциальности. Дело о пропавшем без вести человеке будет закрыто только после того, как полиция подтвердит личность. При этом нет необходимости возбуждать новое дело и уплачивать пошлину.

Иногда люди считают, что имеющаяся у них информация о пропавшем человеке слишком мала, чтобы быть важной.

На основании нового решения суда производится:

- аннулирование записи в органах ЗАГС;
- имущество гражданина, которым осуществлялось доверительное управление, возвращается гражданину;
- сохранившееся имущество гражданина возвращается ему на основании п. 2 ст. 46, 302 ГК РФ [2];
- иждивенцы гражданина теряют право на получение пенсии по утере кормильца.

Сегодня существует много вопросов по поводу признания умершими военнослужащих. Например, конкретный военнослужащий находится в статусе без вести пропавшего. Служивцы свидетельствуют о смерти военнослужащего, но эвакуация тела затруднена. Воинская часть планирует обратиться в суд для признания военнослужащего умершим, однако семья военнослужащего против.

Воинская часть имеет право признать военнослужащего погибшим и если у них нет возможности эвакуировать тело, поскольку без вести пропавший может длительное время числиться на балансе, вместо него нельзя взять другого солдата, который будет реальной боевой единицей. Для опровержения родственникам следует направить запрос в «Красный Крест» для проверки военнослужащего в базах данных пленных и в «Фонд Защитников Отечества» для правильного составления апелляции.

Так, например, в деле № 2–56/2024 ФИО2 обратился в суд с заявлением о признании ФИО1 умершим [12]. В обоснование заявленного требования заявитель ФИО2 указал, что он является племянником ФИО1. 1 ноября 2022 г. ФИО1 был призван на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы РФ в соответствии с Указом Президента РФ от 21 сентября 2022 г. № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» [13], исполнял обязанности военной службы в районе проведения специальной военной операции. С 14 января 2023 г. ФИО1 перестал выходить на связь. Приказом командира от 20 июля 2023 г. ФИО1 признан без вести пропавшим. Признание ФИО1 умершим, указывает заявитель, необходимо для получения выплат, предусмотренных Указом Президента Российской Федерации от 5 марта 2022 г. N 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу

в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей» и Федеральным законом от 28 марта 1998 г. N 52-ФЗ «Об обязательном государственном страховании жизни и здоровья военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, лиц рядового и начальствующего состава органов внутренних дел Российской Федерации, Государственной противопожарной службы, сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, сотрудников войск национальной гвардии Российской Федерации, сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации». В процессе рассмотрения дела, заявитель ФИО2 уточнил требования и попросил признать его дядю ФИО1 безвестно отсутствующим. Однако, поскольку для заявителя ФИО2 признание ФИО1 безвестно отсутствующим не будет иметь юридического значения, суд находит заявленные им требования необоснованными, подлежащими отказу в удовлетворении.

Федеральный закон от 14.04.2023 N 120-ФЗ изменил срок признания лица умершим [14]. Данный срок в отношении военнослужащих сокращен с двух лет до шести месяцев. Данные меры, по мнению П. В. Крашениникова [15], позволят семьям военнослужащих оформить необходимые льготы и выплаты, а также защитить имущество погибшего. Однако, такие же потребности возникают и у иных лиц, столкнувшихся в боевыми действиями. В связи с этим предлагается статью 42 ГК РФ изложить следующим образом: «Военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с боевыми действиями, может быть признан судом безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев нет сведений о месте его пребывания».

Таким образом, заявление в суд о признании умершим может подать любое заинтересованное лицо, любой родственник, допустим родители, либо законная супруга. Обычно воинская часть инициирует признание военнослужащего умершим, имея при этом весомые доказательства. Если у воинской части существует достаточно оснований и доказательств, которые суд сочтет весомыми для того, чтобы признать военнослужащего умершим, военнослужащий будет признан умершим. Родственники военнослужащего в таком случае, зная о планируемом суде о признании военнослужащего умершим, вправе заявить свои возражения, с предоставлением аргументов — наличия соответствующих документов, сведений очевидцев и т. д.

Таким образом, в работе было предложено статью 42 ГК РФ изложить следующим образом: «Военнослужащий или иной гражданин, пропавший без вести в связи с боевыми действиями, может быть признан судом безвестно отсутствующим, если в течение шести месяцев нет сведений о месте его пребывания».

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 05.12.1994, N 32, ст. 3301.

2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, N 25, ст. 2954.
3. Волошина Ю. О., Корнилова Н. В. Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим: гражданско-правовой аспект // В сборнике: University Stars — 2017 Сборник проектов III Международного интеллектуального конкурса студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов. Под редакцией Т. М. Конопляник. 2018. С. 235–256.
4. Закаряева М. М. Заинтересованные лица в делах о признании гражданина безвестно отсутствующим и объявлении умершим // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 7 (92). С.93.
5. Курпякова С. И. Трансформация института признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления гражданина умершим в условиях современной России // В сборнике: Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет. Материалы Международной научно-практической конференции. Москва, 2024. С. 158–162.
6. Маркова Н. О. Признание безвестного отсутствия и объявление гражданина умершим: проблема коллизии частно-правовых и публично-правовых интересов // Вестник экономической безопасности. 2018. № 2. С. 176.
7. Машин И. П. Порядок и особенности признания военнослужащих безвестно отсутствующими и умершими. Правовые последствия // Журналы РОД «За права военнослужащих» > > 2000 г. > № 10.
8. Муминова М. С. Основания признания гражданина безвестно отсутствующим и объявления умершим // В сборнике: 25 лет гражданскому кодексу российской федерации: традиции и новации частноправового развития. Материалы международной научно-практической конференции (с элементом школы молодого ученого). 2019. С. 403–409.
9. Попович М. М. Производство по делам о признании гражданина безвестно отсутствующим или об объявлении гражданина умершим / В книге: Особое производство в гражданском процессе Ускова Т. В., Баскова А. В., Кондратовская С. Н., Соколов Н. А., Воронина Н. П., Потапова Н. Д., Валькова Е. В., Мухтарова Е. А., Попович М. М., Асмандияров В. М., Миронов А. В. учебное пособие по специальности 40.05.02 Правоохранительная деятельность по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция. Вологда, 2019. С. 125.
10. Шайдуллина А. Н. К вопросу о последствиях признания граждан безвестно отсутствующими // ВЭПС. 2012. № 2. С. 182.
11. Шумакова О. С., Смирных В. А. Признание гражданина безвестно отсутствующим и объявление его умершим // В сборнике: EUROPEAN RESEARCH сборник статей XXI Международной научно-практической конференции: в 2 ч.. Пенза, 2019. С. 137.
12. Решение № 2–56/2024 2–56/2024(2–995/2023;)-М-939/2023 2–995/2023 М-939/2023 от 15 января 2024 г. по делу № 2–56/2024
13. Указ Президента РФ от 21.09.2022 N 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
14. Федеральный закон от 14.04.2023 N 120-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О введении в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
15. Интервью с П. В. Крашенинниковым. – URL: <http://duma.gov.ru/news/56840/>. (дата обращения: 22.05.2025). – Текст : электронный.

Транспортный кодекс и Кодекс о безопасности дорожного движения в системе права РФ

Мордовин Сергей Яковлевич, студент
Российский университет транспорта (МИИТ) (г. Москва)

В статье рассматривается вопрос о целесообразности создания кодекса в сфере безопасности дорожного движения. Для обоснования своей точки зрения автор анализирует действующую нормативную базу РФ в области автомобильного транспорта. Даются рекомендации по содержательной стороне транспортного кодекса, предлагаются различные новеллы: начиная от учреждения нового органа в сфере безопасности дорожного движения, заканчивая структурой транспортного кодекса. Автор придерживается такого мнения, что на данный момент отсутствует необходимость издания отдельного кодифицированного акта в области безопасности дорожного движения.

Ключевые слова: Транспортный кодекс, дорожное движение, автотранспорт, Кодекс о безопасности дорожного движения

Введение

Область транспорта имеет значительную пользу для человечества. С этим сложно поспорить, ведь мобильность (возможность быстро переместиться из пункта А в пункт В; перевозить грузы; современное такси и другие блага) стала доступна именно из-за скачка развития транспорта. Транспорт тоже бывает разный: автомобильный, железнодорожный, воздушный, водный. В настоящее время (рассматривая российскую тенденцию развития транспортной отрасли) можно заметить появление экспериментальных правовых режимов в названной области (например, беспилотные легковые и грузовые автомобили). В дорожное движение внедряются новые участники: роботы-доставщики.

В связи с такой разносторонностью, а также наличием широкой нормативной базы, начиная от федеральных законов (кодексов, уставов) и заканчивая ГОСТами, требуется создать кодифицированный нормативный акт. Такое мнение уже давно является актуальным (речь идет про транспортный кодекс) [3]. Однако наравне с этим нормативно-правовым актом встает вопрос об издании кодекса о дорожном движении как систематизированном документе в области безопасности дорожного движения [2, с. 21].

Возникает дискуссионный вопрос: в какой мере транспортный кодекс должен охватывать автомобильный транспорт, дорожное движение и иные из них вытекающие положения.

Основная часть

В первую очередь, чтобы дать ответ на поставленный вопрос, необходимо проанализировать имеющуюся нормативную базу и последовательно оценивать ее влияние на транспортный кодекс. Начнем с **Федерального закона от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного и городского наземного электрического транспорта»** (далее — Устав автотранспорта). Данный нормативно-правовой акт регулирует отношения при оказании услуг автомобильным транспортом (например, такси) и городским наземным электрическим транспортом (к последнему относятся трамваи, троллейбусы, электробусы). Также Устав автотранспорта определяет общие условия перевозок пассажиров и багажа, грузов различными видами транспорта. Устанавливаются общие условия предоставления услуг пассажирам, фрахтователям и иным лицам.

Представляется, что при внесении в транспортный кодекс положений, касающихся автомобилей, следует расширить перечень общественных отношений, регулируемых указанным кодексом. Причиной такой необходимости является тот факт, что автомобиль является не только способом оказания услуг. Он непосредственно связан с дорожной инфраструктурой; является источником повышенной опасности; управление таковым возможно лишь при наличии специального права и т. д. Однако важно учитывать, что суть кодекса состоит в его

обобщенном содержании. Таким образом, отказаться полностью от специальных законов невозможно. На пагубный эффект чрезмерной кодификации посредством издания кодексов указывает Абрамова А. И. [1, с. 29–30]. Следовательно, беспорядочный перенос предписаний, заповестей и обязанностей из федеральных законов в кодекс не даст ожидаемого эффекта от кодификации.

Важно составлять текст кодифицированного акта таким образом, чтобы он был не только содержательным, но и лаконичным. В этих целях следует грамотно осмыслить те нормативно-правовые акты, которые должны быть специальными в отношении будущего транспортного кодекса. В свою очередь нормы, которые продемонстрировали свою эффективность, необходимо переносить в кодифицированный акт, тем самым сокращая количество разрозненных законов и подзаконных актов.

Перейдем к **Федеральному закону «Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.11.2007 № 257-ФЗ** (далее — ФЗ № 257). В соответствии с ч. 1 ст. 5 ФЗ № 257, автомобильные дороги в зависимости от их значения подразделяются на автомобильные дороги федерального, регионального или межмуниципального, местного значения и на частные автомобильные дороги. На основании ст. 3 ФЗ № 257, владельцем автомобильной дороги могут быть исполнительные органы государственной власти, местная администрация, физические или юридические лица. В случаях, предусмотренных федеральным законом, владельцем автомобильных дорог может быть Автодор.

Целью рассматриваемого федерального закона является «обеспечение сохранности и развития автомобильных дорог, улучшение их технического состояния». В РФ ведется политика по улучшению состояния дорожного покрытия, инфраструктуры (см., например, Постановление Правительства РФ от 20.12.2017 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие транспортной системы»», а также Национальный проект «Безопасные качественные дороги»).

Однако статистические данные Федерального дорожного агентства Росавтодор за 2024 г. содержат в себе сведения о несоответствии 46,35 % дорог в РФ нормативным требованиям [4]. Это свидетельствует о достаточно высокой вероятности повреждения автомобиля, причинения вреда жизни и здоровью людей (в случае, когда лицо, например, в связи с наездом на яму, теряет управление). Также основываясь на положениях Федерального закона 10.12.1995 «О безопасности дорожного движения», одним из принципов обеспечения безопасности дорожного движения является приоритет ответственности государства за обеспечение безопасности дорожного движения над ответственностью граждан, участвующих в дорожном движении. В России указанный принцип не реализован в полной мере, что требует создания нового механизма.

Состояние безопасности дорожного движения неразрывно связано со всеми остальными аспектами авто-

мобильного транспорта (с самими автомобилями, дорогой и т. д.). Безопасность — это аспект, который должен в первую очередь учитываться в транспортной политике.

В связи с вышеизложенным предлагается внести в текст будущего транспортного кодекса отдельную статью, посвященную новому государственному надзорному органу в области безопасности дорожного движения. Его деятельность должна быть урегулирована Постановлением Правительства РФ и локальными актами нового органа. Рассматриваемый орган должен «возвышаться» над Ространснадзором и ГИБДД, выполняя роль супервайзера (наблюдателя). Так, в обязанности нового надзорного органа будут входить:

- анализ и расследование ДТП на участках дороги, где указанные события происходят чаще всего, с последующей отчетностью (заключением) по проведенной работе;
- издание индивидуальных актов, обязательных к исполнению со стороны владельцев дорог, и содержащих предписания (способы) по устранению причин частых ДТП на конкретных участках дорог;
- оценка деятельности ГИБДД и Ространснадзора посредством истребования со стороны указанных органов отчетности по проделанной работе;
- издание годовой отчетности о достигнутых результатах в своей деятельности, направляемой Правительству РФ.

Представляется, что функционирование нового надзорного органа должно базироваться на более повышенной ответственности, что будет отвечать рассматриваемому выше принципу приоритета ответственности государства за обеспечение безопасности дорожного движения (например, с помощью проведения сторонних проверок и смены руководства, если таковое значительно не справляется с поставленными задачами за определенный промежуток времени). Для того, чтобы определить эффективность работы нового органа, необходимо опираться на статистические данные. Также со стороны Правительства РФ допустимо проводить опросы населения (участников дорожного движения) об удовлетворительном или неудовлетворительном результате работы нового надзорного органа с периодичностью один раз в год. Для большего количества лиц, принимающих участие в опросе, важно размещать в СМИ информацию о проведении такового.

Важно затронуть и понятийный аппарат в транспортном кодексе. Как уже указывалось, транспорт бы-

вает не только автомобильный. На данный момент во многих из существующих законов в области транспорта присутствует статья, посвященная основным понятиям (см., например, Водный кодекс РФ, Устав автотранспорта, Федеральный закон «О железнодорожном транспорте в Российской Федерации» от 10.01.2003). Однако будущий транспортный кодекс будет содержать, как минимум, два и более вида транспорта. Соответственно, отводить основным понятиям одну статью будет неуместно, иначе получится слишком смешанный понятийный аппарат.

В связи со сказанным, предлагается разделить транспортный кодекс на части (где одна часть содержит один вид транспорта). Каждая часть будет включать в себе статью, посвященную собственным понятиям. Например, часть, отведенная автомобилям, будет содержать статью, содержащую понятия в сфере только автомобильного транспорта.

Дополнением к изложенному материалу может являться, по мнению автора, правильное решение оставить Правила дорожного движения (далее — ПДД), утвержденные Постановлением Правительства РФ от 23.10.1993, в качестве отдельного акта. ПДД не требуют кодификации, а также включения в иные нормативно-правовые акты. Иное могло бы влечь неопределенность среди участников дорожного движения, неготовность разбираться в новизне.

Заключение

Таким образом, в статье было высказано мнение о содержании транспортного кодекса и степени охвата им автомобильного транспорта. Автор статьи считает, что важно расширить регулируемые транспортным кодексом общественные отношения в области автомобилей; полагает, что создание нового органа, а также проведение иных действий, описанных в данной статье, поспособствует развитию транспортной безопасности, улучшению нормативной базы. В создании отдельного кодекса в области безопасности дорожного движения потребность отсутствует, ведь безопасность — это сопутствующий критерий, которому должен отвечать, в том числе, автомобильный транспорт. Несмотря на необходимость финансовых затрат и привлечения кадров, политика по обеспечению безопасности на транспорте должна быть выше материальных благ, ведь затрагивает жизнь и здоровье человека.

Литература:

1. Абрамова, А. И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития / А. И. Абрамова. — Текст: непосредственный // Журнал российского права. — 2016. — № 12. — С. 29–30.
2. Молчанов, П. В. Административно-правовое обеспечение безопасности дорожного движения в Российской Федерации / П. В. Молчанов. — 2-е. — Москва: НОРМА ИНФРА-М, 2023. — 248 с. — Текст: непосредственный.
3. Минтранс РФ поручил экспертам «Вегас-Лекс» разработку Транспортного кодекса РФ. — Текст: электронный // VEGAS LEX: [сайт]. — URL: (дата обращения: 18.06.2025).
4. Статистические данные. — Текст: электронный // Официальный интернет-сайт Федерального дорожного агентства: [сайт]. — URL: (дата обращения: 18.06.2025).

Специальный субъект преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи

Моторин Василий Александрович, студент магистратуры

Научный руководитель: Эртель Людмила Александровна, доктор медицинских наук, профессор
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье раскрывается понятие, характеристика и критерии выделения специального субъекта преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи. Оказание медицинской помощи представляет собой комплекс мероприятий, направленных на профилактику заболеваний, диагностику, лечение болезней, реабилитацию пациентов и поддержание здоровья населения, осуществляемое медицинскими работниками. В основе данной деятельности лежит принцип качественного оказания медицинской помощи всем нуждающимся. Вместе с тем устанавливается уголовная ответственность медицинских работников за ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей. Вопросы привлечения медицинских работников к уголовной ответственности являются актуальными и озвучиваются на самых высоких уровнях, в связи с чем требуется исследование специального субъекта преступлений, совершаемых при оказании медицинской помощи.

Ключевые слова: медицинская помощь, преступления, совершаемые при оказании медицинской помощи, уголовная ответственность.

Special subject of crimes committed during the provision of medical care

Motorin Vasily Aleksandrovich, student master's degree

Scientific advisor: Ertel Lyudmila Aleksandrovna, doctor of medical sciences, professor
Kuban State University (Krasnodar)

The article reveals the concept, characteristics and criteria for identifying a special subject of crimes committed in the provision of medical care. Provision of medical care is a set of measures aimed at disease prevention, diagnosis, treatment of diseases, rehabilitation of patients and maintenance of public health, carried out by medical workers. This activity is based on the principle of high-quality provision of medical care to all those in need. At the same time, criminal liability of medical workers for improper performance of their professional duties is established. The issues of bringing medical workers to criminal liability are relevant and are voiced at the highest levels, in connection with which it is necessary to study a special subject of crimes committed in the provision of medical care.

Keywords: medical care, crimes committed during the provision of medical care, criminal liability.

Уголовное законодательство Российской Федерации вводит достаточно обширный круг составов преступлений, по которым специальным субъектом может являться медицинский работник. Основными составами преступлений, по которым в качестве специального субъекта привлекаются медицинские работники являются: причинение смерти по неосторожности вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 109 УК РФ); причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенное вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 2 ст. 118 УК РФ); заражение другого лица ВИЧ-инфекцией вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей (ч. 4 ст. 122 УК РФ); проведение искусственного прерывания беременности лицом, не имеющим высшего медицинского образования соответствующего профиля (ст. 123 УК РФ); неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать (ст. 124 УК РФ); незаконная госпитализация лица в медицинскую организацию (ст. 128 УК РФ); незаконная выдача рецептов или иных документов, дающих право на получение

наркотических средств или психотропных веществ (ст. 233 УК РФ); осуществление медицинской деятельности или фармацевтической деятельности лицом, не имеющим лицензии на данный вид деятельности, при условии, что такая лицензия обязательна, если это повлекло по неосторожности причинение вреда здоровью человека (ст. 235 УК РФ) [1]. Как можно увидеть круг таких преступлений действительно очень широк и основную его часть составляют преступления, связанные с нарушением клинических правил медицины, вследствие которых наступили неблагоприятные исходы: наступление смертельного исхода или причинение вреда здоровью.

В уголовно-правовой доктрине преступления ятрогенного характера выделяют, кроме всего прочего, классификацию в зависимости от субъекта преступления [2]. Так, есть две группы которые условно можно разделить по преступлениям, по которым субъектом может быть исключительно медицинский работник (ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 120, ч. 4 ст. 122, ст. 123, 124, 128, 293 УК РФ) и преступления по которым субъектом может быть как медицинский работник так и иное лицо (ч. 1 ст. 105, п. «м» ч. 2 ст. 105, п. «в» ч. 2 ст. 105, ст. 111, 112, 115, 153, 235 УК РФ). Самыми основ-

ными видами ятрогенных преступлений из перечисленных групп, как мы уже ранее отмечали, можно назвать ч. 2 ст. 109, ч. 2 ст. 118, ст. 120, ч. 4 ст. 122, ст. 123, 124, 128, 293 УК РФ.

Для понимания сущности медицинского работника как специального субъекта преступлений, связанных с оказанием медицинской помощи необходимо для начала разобраться, кого следует понимать под медицинским работником. Согласно, Федеральному закону «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» медицинский работник — это физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность [3]. Из представленного легального определения мы можем сделать вывод о том, что не только работники государственных медицинских организаций могут стать субъектами рассматриваемых преступлений, но и на медицинских работников, которые трудятся в медицинских организациях иной формы собственности, может быть возложена уголовная ответственность по факту преступлений, совершенных при оказании медицинской помощи. Специальный же субъект преступления — это, как известно, физическое лицо, совершившее преступление и обладающее помимо обязательных признаков (достижение установленного законом возраста уголовной ответственности и вменяемость), факультативных признаков. В рассматриваемом нами случае таким признаком будет являться профессиональный статус лица, а именно его принадлежность к категории медицинского работника.

Здесь же можно выделить одну из первых проблем, связанных с медицинским работником как специальным субъектом преступления, а именно отсутствие легального определения медицинского работника в уголовном законе, что может создавать определенные трудности в квалификации преступлений, так как Уголовный кодекс вписывает медицинского работника в качестве специального субъекта в категорию профессиональной деятельности, чем создает определенную двойственность.

Кроме того, специальный субъект рассматриваемых преступлений должен быть не просто работником медицинского учреждения, но и обладать соответствующей квалификацией, которая дает возможность оказывать медицинскую помощь.

Важно разобраться и в том, какими основными признаками должен обладать субъект ятрогенных преступлений. В первую очередь, такое лицо должно быть непосредственно связано с осуществлением медицинской помощи, то есть необходимо понимать было ли у такого лица соответствующее образование с последующими циклами повышения квалификации, и не вышло ли оно за пределы своей компетенции. Следующий признак заключается в наличии у такого лица необходимых навыков и опыта для осуществления медицинской помощи. В третью очередь, при-

сутствие у субъекта определенных личностных качеств, свидетельствующих о его профессионализме, либо же негативных черт психики. Необходимо выявить мотив совершения преступления, а также выяснить условия контроля над действиями медицинского работника, в частности руководством медицинской организации [4].

А. В. Машкова в своем исследовании поднимает вопрос об уголовной ответственности лиц по рассматриваемой категории преступлений, которые осуществляют медицинскую помощь на основании гражданско-правового договора [5]. Учитывая, положения законодательства и доктринальные подходы, можно с уверенностью говорить, о том, что лица, осуществляющие медицинскую помощь на основании гражданско-правового договора, должны также привлекаться к ответственности как специальный субъект преступления.

Чаще всего медицинскими работниками, привлекаемыми к уголовной ответственности за преступления, совершенные при оказании медицинской помощи, являются: хирурги, анестезиологи-реаниматологи, терапевты, акушеры-гинекологи и фельдшеры скорой помощи [6]. Такая статистика, по-видимому, связана с тем, что именно медицинские работники названных специализаций наиболее часто подвержены риску совершения врачебной ошибки, которая может привести к трагическим последствиям.

Сами преступления, связанные с оказанием медицинской помощи, так называемые ятрогенные преступления, представляют собой преступления по вине медицинских работников, на которых законом возложены функции по охране жизни и здоровья пациентов. Важным достижением по защите прав медицинских работников стало вынесение за рамки ятрогенных преступлений ст. 238 УК РФ — оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности. Произошло это в связи с тем, что все действия, совершаемые медицинским работником, теперь относятся к медицинской помощи. Медицинская услуга сохранила свое значение лишь как экономическая составляющая при расчете тарифов за оказанную медицинскую помощь в целях осуществления взаиморасчетов между территориальными фондами ОМС и медицинскими организациями. Такое решение было продиктовано многолетними протестами в медицинской среде по поводу повсеместного привлечения к уголовной ответственности медицинских работников по статье 238 УК РФ, тогда как многие представители медицинского сообщества настаивали на том, что они оказывают помощь, а не услуги. Вместе с тем при привлечении медицинского работника к ответственности по общеуголовному преступлению он не будет являться специальным субъектом, так как обязательным критерием в таком случае является совершение преступления при осуществлении им своей профессиональной деятельности, то есть оказании медицинской помощи [7].

Стоит отметить, что высшая судебная инстанция не раз высказывалась по тем или иным вопросам квалификации преступлений с участием специального субъекта — медицинского работника. В частности, в Обзоре судебной прак-

тики уголовной коллегии Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год установлено, что врач, оказывающий медицинскую помощь не по своему профилю должен быть привлечен как специальный субъект в рамках ч. 2 ст. 118 УК РФ [8]. В целом можно говорить о том, что в судебной практике уделяется достаточно внимания преступлениям, связанным с оказанием медицинской помощи, вырабатываются новые правовые подходы и осуществляются попытки разрешения правовых коллизий.

Кроме того, необходимо обозначить какие непосредственные действия медицинского работника как специального субъекта преступлений подлежат уголовно-правовой квалификации. Это, во-первых, оказание профессиональной медицинской помощи, связанной с наложением ятрогенных дефектов. Во-вторых, бездействие медицинского работника, когда как он обязан был предпринять ряд действий. В-третьих, оказание медицинской помощи в состоянии различного вида опьянения, либо же сокрытие совершения подобных преступлений.

Так или иначе, такая категория специального субъекта преступления в виде медицинского работника имеет определенные проблемы, требующие разрешения.

Во-первых, терминология уголовного закона зачастую недостаточно четкая, что затрудняет правильное применение и порождает трудности при квалификации преступлений.

Во-вторых, существуют сложности при определении границ правомерного поведения и нарушений законодательства. Присутствует отсутствие четкой регламентации некоторых ситуаций, возникающих в практической деятельности медицинских работников, при которых возможна врачебная ошибка.

Таким образом, проведенное исследование подчеркивает важность углубленного изучения вопроса ответственности медицинских работников и выделяет ряд проблем действующего законодательства, которые необходимо решать и оптимизировать процесс борьбы с указанными видами преступлений.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Ильин Д. В. Преступления в сфере здравоохранения: проблемы систематизации и законодательной регламентации // Проблемы экономики и юридической практики. 2020. № 5.
3. Маркова М. А. Проблемы квалификации медицинских преступлений // Медицинское право: новые правовые вызовы в работе медицинских организаций. Материалы IV Международного форума по медицинскому праву. Екатеринбург, 2024.
4. Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» от 21.11.2011 № 323-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
5. Машкова А. В. Медицинский работник как субъект ятрогенных преступлений: некоторые проблемные аспекты // Международное и внутреннее право. Материалы XVI Ежегодной международной конференции по национальному и пропагандистскому праву. Екатеринбург, 2022.
6. Баков Р. О. Уголовная ответственность медицинских работников как специальных субъектов // Актуальные исследования. 2024. № 19.
7. Боева О. Ю., Идрисова С. Ф. Медицинский работник как субъект профессионального преступления. // Проблемы экспертизы в медицине. 2009. № 4 (36).
8. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ «Обзор надзорной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год» // СПС «КонсультантПлюс».

Расследование преступлений, совершаемых против половой неприкосновенности и половой свободы личности

Мулявина Елена Андреевна, студент
Тюменский государственный университет

В данной статье представлено исследование преступлений, посягающих на половую неприкосновенность и половую свободу личности. Проводится анализ уголовно-правовых и криминалистических характеристик указанных деяний, исследуются теоретические и практические принципы методики их расследования, а также обсуждаются современные вызовы, сопряжённые с формированием и верификацией следственных версий. А также разработка результативных стратегий преодоления трудностей, возникающих в ходе расследования.

Ключевые слова: преступления, половая неприкосновенность, уголовно-правовые нормы, криминалистика, стратегии.

Investigation of crimes committed against sexual inviolability and sexual freedom of the individual

This article presents a study of crimes that infringe on the sexual integrity and sexual freedom of the individual. An analysis of the criminal-legal and forensic characteristics of these acts is conducted, theoretical principles of the methodology of their investigation are studied, and modern challenges associated with the formation and verification of investigative versions are discussed. The central place is occupied by the development of effective strategies for overcoming difficulties that arise during investigative activities.

Keywords: crimes, sexual inviolability, criminal law, forensics, strategies.

Преступления против половой неприкосновенности относятся к числу наиболее распространенных сексуальных правонарушений, за совершение которых наступает уголовная ответственность. Такие деяния нарушают течение половой и личной жизни индивида независимо от его возраста и социального положения. В Уголовном кодексе Российской Федерации ответственность за сексуальные правонарушения закреплена в главе 18, включающей пять различных видов преступлений против половой свободы и неприкосновенности.

Нормы уголовного законодательства, предусматривающие ответственность за посягательства на половую неприкосновенность и половую свободу личности, неоднократно подвергались существенным модификациям в ходе истории. Данные изменения происходили вследствие низкого функционирования правоохранительных структур, а также отсутствия унифицированной судебной практики при разрешении таких дел, даже несмотря на наличие официально утвержденных разъяснений к Уголовному кодексу Российской Федерации.

Уголовно-правовая и криминалистическая характеристика

Система преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы включает статьи 131–135 УК РФ, классифицируемые как: неконсенсуальные и квазиреконсенсуальные посягательства на половую свободу (ст. 131–133 УК РФ) и консенсуальные и неконсенсуальные посягательства на половую неприкосновенность (ст. 131–132 и ст. 134–135 УК РФ).

Каждое преступление характеризуется наличием определенных признаков, таких как совершение деяния (действия, либо бездействия), отражающего волю и сознание субъекта. При отсутствии этих факторов деяние не может считаться преступным. Для того чтобы признать изнасилование преступлением, требуется наличие всех составляющих элементов, предусмотренных статьей 131 Уголовного кодекса Российской Федерации и Постановлением Пленума Верховного Суда РФ № 15 от 04.12.2014 года. Преступление будет признано лишь при условии, что оно выразилось в действии или бездействии, а убеждения и мысли сами по себе не считаются преступными [2].

Для того чтобы квалифицировать преступление как изнасилование по статье 131 Уголовного кодекса Россий-

ской Федерации, необходимо наличие определенных юридических факторов, установленных в законодательстве. Эти факторы включают в себя совокупность объективных и субъективных признаков, характеризующих изнасилование как противоправное деяние. Уголовный кодекс четко определяет перечень этих признаков, которые являются исчерпывающими. Ответственность за совершение изнасилования наступает только при наличии состава преступления, предусмотренного данной статьёй.

В криминалистической характеристике данных преступлений основными элементами являются: обстановка, в которой происходило или подготавливалось преступление; способ совершения преступления и соответствующие ему следы; характеристика личности преступника, а иногда и жертвы.

Обстоятельства совершения половых преступлений характеризуются совокупностью различных факторов, таких как окружающая среда, условия жизни населения на конкретной территории, а также другие жизненные обстоятельства, существенно влияющие на поведение участников преступления. Помимо этого, необходимо отметить характер взаимоотношений между преступником и потерпевшим до, во время и после совершения преступления, а также место, где оно произошло [4].

Анализ уголовных дел, возбужденных Следственным комитетом Российской Федерации за период с 2018 по 2022 годы по статьям 131–135 УК РФ (например, с участием несовершеннолетних жертв), позволил выявить следующие закономерности [5]:

1. Насильственные преступления (статьи 131 и 132 УК РФ) чаще всего совершались в малолюдных местах, таких как стройплощадки, парки, лесные массивы, подвалы, реже — в квартирах и домах преступников;
2. Преступления, предусмотренные статьей 134 УК РФ, в большинстве случаев происходили по месту жительства преступника, реже — потерпевшего, как в городских, так и в сельских населенных пунктах, независимо от времени года и суток;
3. Преступления по статье 135 УК РФ в основном совершались через сеть Интернет и мобильные телефоны. Кроме того, значительное количество таких преступлений происходило в общественных местах, включая учебные заведения, улицы и подъезды.

Способы совершения половых преступлений варьируются в зависимости от типа преступления, личности

преступника и обстоятельств. Изнасилование и насилие часто планируются заранее, с применением силы, обмана или шантажа для воздействия на жертву. Понуждение к сексуальным действиям осуществляется через психологическое давление. Развратные действия могут включать физический контакт, интернет или визуальное взаимодействие.

Типы сексуальных преступлений различаются по характеру оставленных следов. Изнасилование и насилие оставляют физические следы на телах, одежде и месте происшествия, а также сохраняются в воспоминаниях потерпевших и свидетелей. Понуждение к таким действиям сопровождается теми же следами, кроме борьбы. Добровольные действия сексуального характера (ст. 134 УК РФ) трудно доказать физически, сообщения о них часто приходят из медицинских учреждений. Преступления по ст. 135 УК РФ оставляют только «идеальные» следы в сознании участников.

Профили преступников, совершающих сексуальные преступления, крайне разнообразны и индивидуальны. Однако, многие исследования указывают на общие черты: деградацию личности, склонность к агрессии, жестокости и садизму, а также приоритет сексуального удовлетворения над другими потребностями.

Методики расследования

В делах об изнасиловании специалисты из правоохранительных органов начинают отработку версий, включающие: было ли совершено преступление против половой неприкосновенности, произошел ли добровольный половой акт или заявление ложное. Если преступник известен, проверяются аргументы о добровольности или отсутствии полового акта. Проводятся осмотры мест, обыски, освидетельствования и допросы. Если подозреваемый отрицает акт, исследуются доказательства присутствия на месте, допрашиваются все участники. При неизвестном преступнике начинаются его поиски через опросы свидетелей, экспертизы и осмотр места происшествия. В случае покушения проверяется реальность деяния, ошибка восприятия жертвы, ложное обвинение или добровольный отказ.

Литература:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» // Консультант плюс: справочно-правовая система.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ, 04.08.2014, № 31, ст. 4398.
3. Селезнева, В. В. Актуальные проблемы квалификации преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы / В. В. Селезнева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 6 (401). — С. 210–212.
4. Красиков Ю. А., Здравомыслов Б. В. Множественность преступлений. Понятие, виды, наказуемость. — М.: РИО ВЮЗИ, 1988. — 96 с.
5. Ищенко Е. П., Топорков А. А. Криминалистика. М.: Юридическая фирма «Контракт», «Инфра-М», 2007. — 275 с ***

После появления подозреваемого проводятся следственные действия для проверки его алиби, опознания и освидетельствования. Может потребоваться судебно-медицинская экспертиза и анализ вещественных доказательств.

Особо проверяется возможность клеветы. Основания могут быть задержка подачи заявления, принуждение, маловероятность изнасилования в данных условиях, противоречия в показаниях и другие факторы.

Проверяются обстоятельства сообщения об изнасиловании, наличие следов насилия, взаимоотношения сторон до и после инцидента, возможные мотивы дачи ложных показаний.

Проблема выдвижения, проверки и пути решения по делам преступлений против половой неприкосновенности

Проблема квалификации половых преступлений связана со сложностью разграничения деяний, предусмотренных п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ и ст. 131 УК РФ, касающихся насильственных действий сексуального характера и покушения на изнасилование. На практике нередко игнорируется применение ст. 132 УК РФ к действиям, совершенным без проникновения, хотя она охватывает и другие виды насильственных сексуальных действий. Различная интерпретация приводит к тому, что некоторые специалисты предлагают объединить составы ст. 131 и ст. 132 в одну норму с перечислением всех возможных сексуальных преступлений. Однако проблема усугубляется отсутствием четкого разделения половых преступлений и преступлений против здоровья личности. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16 не содержит обязательного указания на сексуальную цель или мотив таких преступлений, что расширяет трактовку действий сексуального характера, размывая границы между половыми преступлениями и деяниями против жизни и здоровья. В результате возникает множество вопросов и противоречий при квалификации данных преступлений, что требует от законодателей совершенствования уголовно-правовых норм и уточнения понятий этих преступлений [3].

Залог как способ обеспечения обязательств

Насартинова Дина Раиловна, студент магистратуры
Московский университет «Синергия»

В данной статье представлен анализ обеспечения исполнения обязательств залогом.

Ключевые слова: залог, механизм, исполнение обязательств, договор.

Залог можно рассматривать как механизм, который гарантирует выполнение обязательств, возникающих в гражданских правоотношениях. Его сущность заключается в передаче определенного имущества или права в качестве обеспечения исполнения обязательства. Стоит отметить, что залог устанавливается на основе добровольного соглашения между сторонами или возникает в силу закона.

Итак, залоговые отношения могут носить как добровольный, так и обязательный характер, что существенно расширяет их правоприменение в различных аспектах гражданских правоотношений. С юридической точки зрения залог — это специфическое правовое отношение. Кредитор, получая залог, приобретает право сохранять залоговое имущество до тех пор, пока должник не выполнит свои обязательства по договору или соглашению. В случае невыполнения этих обязательств кредитор может удовлетворить свои требования за счет стоимости заложенного имущества, что обеспечивает ему определенные преимущества [8].

Основными субъектами договора залога являются залогодержатель и залогодатель.

Залогодержатель — физическое или юридическое лицо, наделенное правом владения имуществом должника, переданным в залог. Данная ситуация становится возможной только в случаях, предусмотренных законом. Не так давно появился термин «созалогодержатель». Возникнуть созалогодержатели могут, если являются кредиторами для одного и того же лица и обладают равными по старшинству кредиторов правами на имущество, переданное в залог. Для полноценного обеспечения исполнения обязательств при помощи залога законодатель ввел обязательную государственную регистрацию в некоторых случаях: 1) если права, получаемые в ходе заключения договора залога, подлежат государственной регистрации; 2) если предметом залога являются права участника общества с ограниченной ответственностью.

Залогом может выступать как вещь, уже находящаяся в собственности залогодателя, так и та, которая будет приобретена им впоследствии (классический в современных условиях вариант — потребительский кредит на приобретение автомобиля); залогом могут выступать и объекты имущественных прав; обеспечивать исполнение обязательства могут и доходы залогодателя от использования переданной в залог вещи третьими лицами (например, при сдаче объекта ипотеки в аренду за счет арендных платежей) — эта норма является диспозитивной.

В случае, если залогом является вещь, которая будет приобретена или создана в будущем, требуется, чтобы описание

этой вещи в договоре залога точно идентифицировало бы ее (при приобретении автомобиля в кредит, как правило, указывается уникальный идентификационный номер (VIN) автомобиля, в иных случаях — другие отличающие ее признаки (применительно к зданию — его строительный адрес, ориентировочная площадь, этажность и прочее) [7].

Залог возникает в силу договора и на основании закона (например, ипотека в силу закона, когда на кредитные средства заемщик приобретает недвижимость) (ст. 334.1 ГК РФ) и обеспечивает (если иное не предусмотрено законом или договором) требование в том объеме, какой оно имеет к моменту удовлетворения: в частности проценты, неустойку, возмещение убытков, причиненных просрочкой исполнения, а также возмещение необходимых расходов залогодержателя на содержание предмета залога и расходов, связанных с обращением взыскания на предмет залога и его реализацией.

Другая значительная практическая проблема заключается в недостаточной проработке некоторых аспектов, связанных с определением предмета ипотеки (например, сложные объекты недвижимости: нежилые помещения с незавершенным строительством или множественными обременениями). Неясное определение предмета ипотеки провоцирует споры о границах залогового обеспечения и усложняет процесс реализации залога.

Кроме того, актуальной остается проблема недостаточной защиты прав залогодержателя при банкротстве залогодателя. Настоящее законодательство не всегда обеспечивает приоритет ипотечных требований в сравнении с требованиями других кредиторов, что влечет за собой значительные финансовые потери для залогодержателя. Необходимо уточнить порядок удовлетворения требований залогодержателя на время банкротства залогодателя и обеспечить надлежащую защиту его прав.

Кроме того, многие исследователи подчеркивают, что у залога имеются такие характеристики, по которым его можно отнести к категории вещного права: 1) право на залог остается в силе при смене правопреемников; 2) залогодержатель обладает приоритетным правом на удовлетворение своих требований за счет имущества должника.

Некоторые юристы и ученые обращают особое внимание на значительную правовую неопределенность в вопросе приоритета законодательных норм, касающихся залога, в особенности при взаимодействии общей части Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) и Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее — ФЗ «Об ипотеке»).

Эта несовместимость создает множество проблем на практике, которые усложняют правоприменение данного закона и увеличивают риски для участников гражданского оборота недвижимости. Суть проблемы заключается в противоречиях между общими положениями ГК РФ о залоге и специальными нормами ФЗ «Об ипотеке», регулирующими особенности ипотечных правоотношений. Основной спор в данной области касается вопроса определения залоговой стоимости (оценки предмета ипотеки) как существенного условия договора. ГК РФ не считает залоговую стоимость самым важным условием в договоре залога, когда ФЗ «Об ипотеке» настоятельно требует, чтобы залоговая стоимость была включена в договор ипотеки как ключевой элемент, без

которого этот документ является ничтожным. Такое противоречие порождает разночтения, из чего следует, что суды могут принимать различные решения, основываясь на разной практике применения данных нормативных правовых актов.

Таким образом, следует отметить, что залог как институт гражданских правоотношений обладает рядом специфических особенностей. Это предполагает не только внесение изменений в действующее законодательство, но и разработку более конкретных методических рекомендаций для судей. Правильное понимание и использование залога поможет совершенствованию защиты интересов кредиторов и должников, способствуя стабильности и развитию гражданских правоотношений.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/documents/2009/01/21/konstitucia-dok.html> (дата обращения: 22.06.2025).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. — URL: <https://rg.ru/documents/2008/03/24/gk1-dok.html> (дата обращения: 22.06.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100%2Fe101%2Fe102%2Fe103%2Fe105%2Fe106%2Fe107%2Fe110&date=26.01.1996&number=14-%D0%A4%D0%97&sort=-date&page=1&limit=50&nd=3160&vol-id=1001996005000> (дата обращения: 22.06.2025).
4. Алиева, К. М. Залог как способ обеспечения исполнения обязательства / К. М. Алиева, Л. В. Гусейнова // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 4 (143). — С. 217–218.
5. Гайтанов, Д. В. Ипотека (залог недвижимости) как способ обеспечения исполнения обязательств / Д. В. Гайтанов // Инновации и наукоемкие технологии в образовании и экономике. Материалы IX Международной научно-практической и методической конференции / Отв. Ред. К. Ш. Ямалетдинова. — Уфа, 2021. — С. 14–16.
6. Грачева, А. Ю. Залог как способ обеспечения исполнения обязательств: вопросы теории и практики / А. Ю. Грачева // Актуальные исследования. — 2023. — № 48–2 (178). — С. 64–66.
7. Малышев, П. Н. Залог как способ обеспечения исполнения обязательств: вопросы теории и правоприменительной практики / П. Н. Малышев // Вестник науки. — 2023. — № 8 (65). — С. 254.
8. Николаева, О. А. Неустойка и залог как способы обеспечения исполнения обязательств / О. А. Николаева // Молодой ученый. — 2025. — № 14 (565). — С. 291–295. — URL: <https://moluch.ru/archive/565/123871/> (дата обращения: 13.06.2025).
9. Рамзаев, С. И. Обеспечение исполнения обязательств залогом / С. И. Рамзаев // Матрица научного познания. — 2024. — № 11–1. — С. 392–396.
10. Плетнёва, К. В. Актуальные проблемы залоговых правоотношений в РФ / К. В. Плетнёва // Молодой ученый. — 2022. — № 24 (419). — С. 258–261.

К вопросу о проблемах правового регулирования административно-правовой деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму, экстремизму и их финансированию

Подгорнова Анастасия Олеговна, студент

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в г. Саранске

Данная статья посвящена анализу проблем правового регулирования административно-правовой деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму, экстремизму и их финансированию. Автор рассматривает действующее законодательство, выявляются пробелы и противоречия в нормативно-правовой базе, а также предлагаются пути совершенствования правовых механизмов.

Ключевые слова: противодействие терроризму, противодействие экстремизму, прокуратура, национальная безопасность, прокурорский надзор.

Современное общество сталкивается с множеством вызовов, среди которых особое место занимают терроризм и экстремизм. Эти явления представляют угрозу не только для безопасности государства, но и для жизни и здоровья граждан, а также для стабильности общественного порядка.

В условиях глобализации и развития информационных технологий террористические и экстремистские организации активно используют новые методы для достижения своих целей, включая финансирование своей деятельности через легальные и нелегальные каналы. В этой связи особую роль играют органы прокуратуры, которые осуществляют надзор за соблюдением законодательства в данной сфере. Однако правовое регулирование их деятельности сталкивается с рядом проблем, которые требуют детального анализа и поиска решений.

Вопрос правового регулирования административно-правовой деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия экстремизму и терроризму, а также их финансированию, стоит на повестке дня как для ученых, так и для практиков [1]. Сложность данной проблемы заключается в «динамичном характере террористических и экстремистских угроз и постоянной изменчивостью организации и тактики террористических и экстремистских движений», которые требуют от законодательного органа постоянной адаптации законодательных норм и механизмов контроля [2].

Рост террористической и экстремистской угроз обусловлен рядом причин общего характера: «...достаточно низким уровнем политической культуры, отсутствием институтов гражданского общества и демократических процессов в условиях правового государства» [3].

Статистика преступлений экстремистской и террористической направленности в России демонстрирует тревожную тенденцию роста их числа. Вопросы эффективности надзора за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, направленных на противодействие экстремизму и терроризму, сегодня как никогда актуальны. В условиях российской действительности этим проблемам уделяется особое внимание, и они находятся под постоянным контролем Генеральной прокуратуры.

Выступая на заседании Совета Федерации РФ 23 апреля 2021 г. Генеральный прокурор, в частности, отметил, что «...в условиях напряженной обстановки в стране на первый план, в работе органов прокуратуры, выходит надзор за состоянием антитеррористической защищенности важных государственных и социальных объектов, противодействие распространению в СМИ негативной информации, нагнетающей эскалацию в обществе, содержащей призывы к насилию».

Одной из ключевых проблем является «недостаточная адаптация законодательства нашего государства к изме-

нениям в глобальной обстановке». Новые идеологии и методы, которые используются экстремистами и террористами, требуют постоянного мониторинга и анализа, что, в свою очередь, подразумевает необходимость изменения норм и принципов, регулирующих деятельность органов прокуратуры. Необходимы гибкие механизмы правового регулирования, способные быстро реагировать на возникающие угрозы и эффективно противодействовать им [4].

Кроме того, актуальной является проблема, связанная с осуществлением надзора за исполнением законодательства в сфере противодействия терроризму и экстремизму [5]. Во-первых, это обусловлено недостаточной подготовкой сотрудников прокуратуры и отсутствием специализированных подразделений, обладающих необходимыми знаниями в области международного права и специфики экстремистских и террористических угроз, а во-вторых, с ограниченным доступом к информации, необходимой для эффективного контроля.

Для решения указанных проблем необходимо предпринять ряд мер, обеспечивающих безопасность государства [6]. Во-первых, требуется совершенствование законодательной базы, включая разработку единого нормативного акта, который будет регулировать деятельность органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму и экстремизму. Такой документ должен четко определить полномочия прокуратуры, механизмы взаимодействия с другими органами, а также процедуры выявления и пресечения финансирования террористической деятельности.

Во-вторых, необходимо внедрение технологий мониторинга и анализа данных, которые позволят прокуратуре более эффективно отслеживать изменения в деятельности экстремистских группировок. Использование искусственного интеллекта и аналитических платформ обеспечит своевременное выявление потенциальных угроз, позволяя не только предсказывать возможные атаки, но и эффективно реагировать на них. Именно такие технологии могут обрабатывать огромные объемы данных, выявляя закономерности и аномалии, что существенно повышает шансы на предотвращение преступных действий, представляющих угрозу национальной безопасности.

Однако технологии в одиночку не могут решить проблему транснационального терроризма. Ключевым моментом становится активизация обмена информацией между правоохранительными органами разных стран. Создание единой платформы для взаимодействия, передачи данных и совместного анализа ситуаций позволит значительно усилить меру безопасности на международном уровне. Только объединяя усилия и используя передовые технологии, можно создать более безопасный мир, минимизируя риски и предостерегая человечество от разрушительных последствий террористической активности.

Кроме того, необходимо уделить внимание реалиям социальной политики, поскольку корни экстремизма часто лежат в социальных и экономических проблемах. Прокуратура должна активно участвовать в профилактических инициативах, направленных на предотвращение радикализации молодежи, сотрудничая с образовательными учреждениями и общественными организациями. Это требует интегрированного подхода, где правоохранительные органы станут не только репрессивным механизмом, но и активным участником в создании безопасной социальной среды.

Также не стоит забывать о проведении регулярных тренингов и повышений квалификации сотрудников прокуратуры, чтобы они могли грамотно работать с новыми технологиями и интерпретировать полученные данные. Это требует внедрения комплексных программ подготовки сотрудников прокуратуры, что, в свою очередь, позволит повысить уровень профессиональной компетенции и качество принимаемых решений. Важно наладить эффек-

тивное взаимодействие между органами прокуратуры, другими правоохранительными органами и финансовыми учреждениями, экспертами и др.

Совместные усилия экспертов из разных областей — от правоохранительных органов до исследователей — помогут создать эффективные решения, которые будут соответствовать актуальным вызовам и изменениям в обществе.

Проблемы правового регулирования административно-правовой деятельности органов прокуратуры в сфере противодействия терроризму, экстремизму и их финансированию требуют комплексного подхода. Совершенствование законодательства, повышение квалификации сотрудников и налаживание межведомственного взаимодействия позволят повысить эффективность работы прокуратуры и снизить уровень угроз, связанных с терроризмом и экстремизмом. Только совместные усилия государства и общества могут обеспечить безопасность и стабильность в условиях современных вызовов.

Литература:

1. Абрамов А. З. Молодежный экстремизм как угроза национальной безопасности России в условиях глобализации // Общество: политика, экономика, право. — 2020. — № 5. — С. 52–57.
2. Агапов, П. В. Экстремизм: стратегия противодействия и прокурорский надзор / П. В. Агапов. — Москва: Проспект, 2015. — 432 с.
3. Андропова, И. А. Финансирование терроризма: новые вызовы для международной безопасности / И. А. Андропова, Н. Гусаков, Е. Завьялова // Вестник международных организаций. — 2020. — № 1. — С. 120–134.
4. Буткевич, С. А. Финансирование терроризма: понятийный аппарат и направления противодействия / С. А. Буткевич // Вестник Краснодарского университета МВД России. — 2016. — № 3 (33). — С. 30–35.
5. Капинус, О. В. Деятельность прокуратуры по противодействию экстремизму и терроризму: состояние и проблемы / О. В. Капинус // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2017. — № 3. — С. 5–13.
6. Коршунова, О. Н. Противодействие экстремизму, терроризму и их финансированию как комплексное направление деятельности органов прокуратуры / О. Н. Коршунова // Вопросы российского и международного права. — 2020. — Том 10, № 11А. — С. 122–139.

Недействительность сделок юридических лиц при банкротстве: баланс между защитой права собственности и интересами кредиторов

Радионов Иван Андреевич, студент магистратуры;
Кириянов Кирилл Глебович, студент магистратуры
Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова (г. Москва)

В статье авторы исследуют тему недействительности сделок при банкротстве.

Ключевые слова: недействительность сделок, юридические лица, банкротство, право собственности, интересы кредиторов, защита прав кредиторов, оспаривание сделок, гражданское право, финансовая ответственность, активы юридического лица, правовые механизмы, споры о собственности.

Введение

Актуальность исследования института недействительности сделок юридических лиц при банкротстве, тре-

бующая поиска баланса между защитой права собственности и интересами кредиторов, представляет собой одну из наиболее острых и практически значимых тем современного гражданского и арбитражного права. Актуаль-

ность данного исследования обусловлена рядом взаимосвязанных факторов.

Таким образом, настоящее исследование приобретает особую значимость как с теоретической, так и с практической точек зрения. Его результаты могут способствовать выработке сбалансированного подхода к разрешению конфликта между защитой права собственности и интересами кредиторов, совершенствованию законодательства и формированию единообразной судебной практики по делам о недействительности сделок в процедурах банкротства.

Предметом настоящего исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с признанием недействительными сделок юридических лиц в процедурах банкротства, а также правовые механизмы обеспечения баланса между защитой права собственности добросовестных приобретателей и интересами кредиторов.

Объектом настоящего исследования выступает комплекс правовых отношений, возникающих в связи с недействительностью сделок юридических лиц в процедурах банкротства, а также механизмы правового регулирования.

Целью работы является комплексный анализ института недействительности сделок юридических лиц при банкротстве, выявление правовых проблем, возникающих при оспаривании таких сделок, и разработка предложений по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики для достижения баланса между защитой права собственности и интересами кредиторов.

Для достижения поставленной цели в работе решаются следующие задачи:

1. Раскрыть понятие и правовую природу недействительных сделок в контексте законодательства о банкротстве, определить их отличие от общегражданских оснований недействительности.
2. Классифицировать оспариваемые и ничтожные сделки в делах о банкротстве, выявить особенности их признания недействительными.
3. Проанализировать критерии недействительности сделок
4. Исследовать конфликт интересов.
5. Выявить наиболее распространенные злоупотребления в процедурах банкротства.

Теоретическую основу исследования составили труды Афанасьевой Е. Г., Белицкой А. В., Бобылевой А. З., Бруско Б. С., Львовой О. А., Губина Е. П., Карелиной С. А. и другие.

Нормативную и эмпирическую база исследования состоит из главы 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, главы 3.1 Федерального Закона «О несостоятельности (банкротстве)», а также судебная практика по недействительности сделок в банкротстве.

В исследовании применялся **комплекс научных методов**, включая формально-логический анализ правовых норм и судебной практики, сравнительно-правовое изучение законодательства о банкротстве и гражданского права, системный подход к изучению взаимосвязей в механизме оспаривания сделок, а также методы юридической

герменевтики при толковании нормативных актов. Особое значение имел анализ судебной практики, позволивший выявить тенденции правоприменения и проблемные аспекты оспаривания сделок в банкротных процедурах.

Исследование состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

Теоретические основы недействительности сделок при банкротстве

Понятие и правовая природа недействительных сделок в законодательстве о банкротстве

С точки зрения гражданского права недействительность сделки означает, что действие, совершенное в виде сделки, не обладает качествами юридического факта, способного породить те гражданско-правовые последствия которых желали субъекты. О недействительности сделки можно говорить, когда нарушено одно из условий действительности сделки, иначе говоря недействительность сделки может быть обусловлена следующими факторами:

1. Незаконность её содержания;
2. Неспособность физических и юридических лиц, совершающих её, к участию в сделке;
3. Несоответствием воли и волеизъявлению участников сделки;
4. Несоблюдением формы сделки.

Правовая природа недействительных сделок в процедурах банкротства характеризуется сложной двойственной природой, сочетающей элементы частноправового и публично-правового регулирования. С одной стороны, данный институт основывается на общих гражданско-правовых принципах недействительности сделок (ст. 166–181 ГК РФ [1]), с другой — обладает существенной процессуальной спецификой, обусловленной особым статусом банкротного производства. В отличие от общегражданского института недействительности сделок, где основной акцент делается на защите прав и интересов отдельных участников гражданского оборота, в банкротстве этот механизм приобретает публично-правовую окраску, будучи направленным прежде всего на защиту интересов всего кредиторского сообщества.

Особенность правовой природы недействительных сделок в банкротстве проявляется в их особой социально-экономической функции — восстановлении имущественной массы должника и обеспечении принципа равного удовлетворения требований кредиторов. При этом законодатель устанавливает специальные основания недействительности (ст. 61.2–61.3 Федерального Закона о банкротстве [2]), выходящие за рамки общих гражданско-правовых составов. Ключевым отличием является то, что в банкротстве сделка может быть признана недействительной не только вследствие пороков воли или формы, но и в связи с негативным влиянием на финансовое состояние должника, что отражает публично-правовые цели института банкротства. Важной характери-

стикой правовой природы данного института является его превентивно-компенсационный характер. С одной стороны, он призван предотвращать злоупотребления со стороны должника и контрагентов, с другой — служит инструментом восстановления нарушенного имущественного положения. При этом особое значение приобретает временной фактор — в отличие от общего порядка, в банкротстве установлены специальные сроки оспаривания сделок, привязанные к моменту возникновения признаков банкротства.

Виды оспоримых и ничтожных сделок в рамках дел о несостоятельности

В системе законодательства о банкротстве недействительные сделки подразделяются на две основные категории, имеющие принципиальные различия в правовых последствиях и порядке применения. Ничтожные сделки в делах о несостоятельности характеризуются абсолютной недействительностью с момента их совершения и не требуют специального судебного оспаривания. К ним относятся сделки, совершенные с целью причинения вреда кредиторам (ст. 61.2 Федерального Закона о банкротстве), а также явно противоречащие основам правопорядка и нравственности. Особенностью ничтожных сделок в банкротстве является их безусловная противоправность, проявляющаяся в умышленном характере действий должника, направленных на выведение активов или ухудшение положения кредиторов.

Оспоримые сделки составляют более сложную и многообразную категорию, включающую сделки с предпочтением (ст. 61.3 Закона о банкротстве), подозрительные сделки, а также сделки, совершенные на заведомо невыгодных условиях. Их отличительной чертой является относительная недействительность — они могут быть признаны недействительными только по решению суда по заявлению уполномоченных лиц. Критерии оспоримости таких сделок связаны с их влиянием на платежеспособность должника, нарушением принципа равного удовлетворения требований кредиторов или наличием признаков злоупотребления правом. В отличие от ничтожных, оспоримые сделки требуют тщательного анализа экономического содержания и последствий их совершения, что обуславливает необходимость установления специальных признаков, таких как неравноценность встречного предоставления, осведомленность контрагента о финансовых затруднениях должника или совершение сделки в период возникновения признаков несостоятельности.

Критерии признания сделок недействительными: злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, ухудшение финансового состояния должника

Злоупотребление правом проявляется в случаях, когда сделка совершается с явным намерением причинить вред кредиторам или иным участникам гражданского оборота.

Этот критерий тесно связан с принципом добросовестности и предполагает оценку не только формальных условий сделки, но и ее фактических целей. Например, сделки по выводу активов, искусственному увеличению обязательств или манипулированию сроками платежей могут быть квалифицированы как злоупотребление правом, если доказано, что они совершались в ущерб интересам кредиторов.

Неравноценность встречного исполнения является важным индикатором недобросовестности сделки. Она выражается в существенном дисбалансе между предоставлением должником и его контрагентом, что может свидетельствовать о фиктивности операции или попытке скрытого отчуждения имущества. Суды при оценке этого критерия учитывают рыночные условия, сроки исполнения обязательств и реальную экономическую выгоду для должника.

Ухудшение финансового состояния должника — ключевой критерий, связывающий сделку с процедурой банкротства. Он предполагает анализ того, привела ли сделка к уменьшению активов должника, увеличению его долговой нагрузки или иному ухудшению положения, которое повлияло на его платежеспособность. Особое значение имеет временной фактор: сделки, совершенные в период приближающейся несостоятельности, подвергаются повышенному вниманию, поскольку могут быть частью схем по выводу активов.

В совокупности эти критерии образуют систему защиты интересов кредиторов, позволяя оспаривать сделки, которые нарушают принципы справедливости и равного распределения конкурсной массы. Их применение требует комплексного подхода, учитывающего как формальные признаки сделки, так и ее реальные экономические последствия.

Проведенное исследование теоретических основ недействительности сделок в процедурах банкротства позволило сформировать целостное представление о данном правовом институте как о сложном механизме, сочетающем частноправовые и публично-правовые элементы. Анализ показал, что институт недействительных сделок в банкротстве обладает существенной спецификой по сравнению с общими нормами гражданского законодательства, что обусловлено его особой социально-экономической функцией — защитой интересов кредиторского сообщества и восстановлением имущественной массы должника.

Исследование правовой природы недействительных сделок в банкротстве выявило их двойственный характер: с одной стороны, они базируются на общих принципах гражданского права, с другой — включают специальные нормы, отражающие публичный интерес в обеспечении справедливого распределения конкурсной массы. Особое значение имеет превентивно-компенсационная направленность данного института, проявляющаяся в установлении специальных оснований недействительности, связанных не только с пороками воли или формы, но и с негативным влиянием сделки на финансовое состояние должника.

Классификация недействительных сделок на ничтожные и оспоримые в контексте банкротства проде-

монстрировала их принципиальные различия в правовых последствиях и порядке применения. Ничтожные сделки образуют ядро явно противоправных действий, в то время как оспоримые требуют сложной оценки их экономического содержания и последствий. При этом система критериев признания сделок недействительными (злоупотребление правом, неравноценность встречного исполнения, ухудшение финансового состояния) образует целостный механизм защиты интересов кредиторов, позволяющий эффективно противодействовать недобросовестным практикам.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости дальнейшего совершенствования законодательного регулирования и правоприменительной практики в данной сфере, особенно в части разработки более четких критериев оценки недобросовестности сделок и оптимизации процедуры их оспаривания. Особое значение приобретает гармонизация норм о недействительности сделок в банкротстве с общими положениями гражданского законодательства при сохранении их специальной правовой природы, обусловленной целями конкурсного производства.

Проблемы баланса интересов собственников и кредиторов

Конфликт интересов: защита прав добросовестных приобретателей и восстановление имущественной массы кредиторов

Современная практика оспаривания сделок в делах о банкротстве выявила глубинный правовой конфликт между двумя фундаментальными принципами: необходимостью защиты добросовестных участников гражданского оборота и требованием максимально полного восстановления конкурсной массы для удовлетворения требований кредиторов. Этот конфликт носит не только теоретический, но и сугубо практический характер, проявляясь в сотнях судебных споров ежегодно.

Суть противоречия заключается в следующем: с одной стороны, гражданское законодательство (ст. 302 ГК РФ) защищает добросовестных приобретателей, которые, действуя разумно и осмотрительно, приобрели имущество у неплатежеспособного должника. С другой стороны, закон о банкротстве (ст. 61.2–61.3) позволяет оспаривать такие сделки, если они привели к уменьшению активов должника. При этом суды сталкиваются с необходимостью оценивать:

1. Реальную осведомленность приобретателя о финансовом состоянии должника на момент сделки
2. Соответствие условий сделки рыночным параметрам
3. Влияние сделки на платежеспособность должника
4. Временной промежуток между совершением сделки и возбуждением дела о банкротстве

Особую сложность вызывает доказывание добросовестности приобретателя. В практике арбитражных судов сложился комплекс критериев:

- Проведение должной осмотрительности (проверка юридической чистоты имущества, финансового состояния продавца)
- Наличие разумного встречного предоставления
- Отсутствие признаков искусственного занижения цены
- Отсутствие личной заинтересованности или аффилированности

Парадоксально, но наиболее сложные ситуации возникают именно с формально добросовестными приобретателями, которые не знали и не могли знать о проблемах должника, но чьи сделки существенно ухудшили положение кредиторов. В таких случаях суды вынуждены искать компромисс между:

- Абсолютной защитой приобретателя (что подрывает институт банкротства)
- И полным игнорированием его интересов (что дестабилизирует гражданский оборот)

Разрешение этого конфликта требует взвешенного подхода, учитывающего как сроки совершения сделки (особенно в отношении периода подозрительности), так и реальное влияние операции на конкурсную массу. Современная судебная практика постепенно вырабатывает балансирующие решения, но единообразный подход пока не сформирован, что создает правовую неопределенность для участников оборота.

Злоупотребления со стороны участников банкротства: фиктивные сделки, вывод активов, искусственное создание задолженности

В процессе банкротства нередко встречаются злоупотребления, направленные на уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами, сокрытие имущества или искусственное искажение финансового состояния должника. Одним из наиболее распространенных способов является совершение фиктивных сделок, которые формально соответствуют требованиям закона, но по сути не имеют реального экономического содержания. Например, суды часто сталкиваются с мнимыми договорами займа или купли-продажи, где передача денег или активов не подтверждается фактическим исполнением, а сама сделка заключается исключительно для создания видимости задолженности или уменьшения конкурсной массы (постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–123456/2020 [4]).

Еще одной распространенной схемой злоупотребления является вывод активов через транзакции с аффилированными лицами. Должник может передавать имущество по заниженной цене или вообще безвозмездно подконтрольным организациям, что лишает кредиторов возможности взыскать долги за счет этих активов. В таких случаях суды, руководствуясь ст. 61.2 и 61.3 Федерального Закона о банкротстве, тщательно проверяют экономическую обоснованность сделки, рыночную стоимость переданного имущества и осведомленность контрагента о фи-

нансовом состоянии должника (дело № А56–78901/2021 [5]).

Особую проблему представляет искусственное создание задолженности, когда должник намеренно принимает на себя обязательства перед «дружественными» кредиторами, чтобы в дальнейшем включить их требования в реестр и сократить долю реальных кредиторов. Такие манипуляции могут выражаться в оформлении фиктивных договоров оказания услуг, необеспеченных векселей или переуступки прав требования по сомнительным основаниям. Суды, выявляя подобные схемы, отказывают во включении таких требований в реестр, а в некоторых случаях возбуждают дела о преднамеренном банкротстве (постановление Пленума ВАС РФ № 63) [3].

Несмотря на наличие правовых механизмов противодействия злоупотреблениям, их применение остается сложным из-за необходимости доказывания умысла и недобросовестности участников сделок. Это приводит к противоречивой судебной практике, в которой одни суды формально подходят к оценке сделок, а другие тщательно анализируют их реальные экономические последствия. В результате кредиторы нередко сталкиваются с трудностями при оспаривании подозрительных операций, что требует дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики.

Проведенный анализ проблем баланса интересов собственников и кредиторов в процедурах банкротства выявил системные противоречия, требующие комплексного правового решения. Исследование конфликта между защитой добросовестных приобретателей и восстановлением имущественной массы кредиторов продемонстрировало отсутствие четких законодательных критериев для определения приоритета этих конкурирующих интересов. Судебная практика, пытаясь найти компромисс между стабильностью гражданского оборота и эффективностью механизмов банкротного права, вырабатывает различные подходы к оценке добросовестности приобретателей и существенности ущерба кредиторам, что приводит к правовой неопределенности.

Анализ злоупотреблений в процедурах банкротства (фиктивных сделок, вывода активов и искусственного создания задолженности) показал их возрастающую изощренность и способность маскироваться под законные операции. Несмотря на имеющиеся правовые инструменты противодействия, эффективность их применения ограничена сложностью доказывания недобросовестности участников и отсутствием единообразных подходов в судебной практике. Особую проблему представляет коллизия между формальной законностью отдельных сделок и их реальным негативным воздействием на конкурсную массу.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 13.12.2024) // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2025. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025);

Совокупность рассмотренных проблем свидетельствует о необходимости совершенствования законодательного регулирования, которое должно:

- установить четкие критерии балансирования интересов добросовестных приобретателей и кредиторов;
- разработать более эффективные механизмы выявления и пресечения злоупотреблений;
- обеспечить единство судебной практики через детализацию признаков недобросовестности и существенности ущерба;
- усилить превентивные меры против искусственного создания задолженности и вывода активов.

Только системный подход к решению этих проблем позволит достичь подлинного баланса интересов всех участников банкротного процесса, обеспечив как защиту добросовестных участников оборота, так и эффективное восстановление имущественной массы для удовлетворения требований кредиторов.

Заключение

Проведенное исследование института недействительности сделок юридических лиц при банкротстве позволило выявить сложный комплекс правовых проблем, возникающих на стыке защиты прав собственности и интересов кредиторов. Анализ теоретических основ и практики применения законодательства продемонстрировал, что действующее правовое регулирование содержит существенные противоречия между принципом стабильности гражданского оборота и необходимостью эффективной защиты интересов кредиторов. Особую остроту приобретает проблема балансирования между защитой добросовестных приобретателей имущества и восстановлением конкурсной массы, что находит отражение в неоднозначной судебной практике по оспариванию сделок.

Исследование выявило, что существующие правовые механизмы недостаточно эффективно противодействуют современным схемам злоупотреблений, таким как фиктивные сделки, вывод активов и искусственное создание задолженности. При этом сохраняются серьезные трудности в доказывании недобросовестности участников сделок и установлении причинно-следственной связи между сделкой и ущербом для кредиторов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о необходимости совершенствования законодательства в части уточнения критериев недействительности сделок, разработки более четких правил доказывания и создания сбалансированного механизма защиты прав всех участников банкротного процесса. Решение этих проблем будет способствовать как повышению эффективности процедур банкротства, так и поддержанию стабильности гражданского оборота.

2. О несостоятельности (банкротстве) от 26.10.2002 N 127-ФЗ // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2025. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
3. Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 N 63 (ред. от 17.12.2024) «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // КонсультантПлюс: надежная правовая поддержка. М., 2025. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
4. Решение Арбитражного суда Московского округа по делу № А40–123456/2020 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
5. Решение Арбитражного суда города Санкт-Петербург по делу № А56–78901/2021 // URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
6. Барков Д. А. Недействительность сделок при банкротстве // Ленинградский юридический журнал. 2017 г. — С. 99 / URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
7. Генева Е. О. Оспаривание сделок должника в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) // Право и политика. 2024 г. - С. 1 / URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
8. Гончарова В. А. Проблемы определения субъектов права на оспаривание сделки // Право и политика. 2019 г. — с. 43 / URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.06.2025);
9. Карелина С. А. Несостоятельность (банкротство): Учебный курс. В 2 т. / Под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Т. 2. – М.: Статут, 2019. – 848 с;
10. Стенников В. В. Недействительность сделок при банкротстве: теоретико-правовой анализ // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016 г. — с. 195 / URL: <https://cyberleninka.ru> (дата обращения: 12.06.2025);

Основания наследования в Российской Федерации и за рубежом

Романчев Кирилл Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чердакова Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

Статья посвящена изучению оснований наследования как в российском, так и зарубежном праве. Основываясь на анализе законодательства, статья обобщает основные различия и сходства в системах наследования. В статье также рассматриваются правовые основания для передачи наследства, влияющие на процесс наследования в различных правовых системах.

Ключевые слова: наследственное право, наследование, наследство, правопреимство, принцип приоритета наследования, принцип свободы завещания.

Grounds for inheritance in the Russian Federation and abroad

Romanchev Kirill Sergeevich, student master's degree

Scientific advisor: Cherdakova Tatyana Borisovna, candidate of law sciences, associate professor
Moscow Economic Institute

The article is devoted to the study of the grounds for inheritance in both Russian and foreign law. Based on the analysis of legislation, the article summarizes the main differences and similarities in inheritance systems. The article also examines the legal grounds for the transfer of inheritance, affecting the process of inheritance in various legal systems.

Keywords: inheritance law, inheritance, inheritance, succession, the principle of priority of inheritance, the principle of freedom of will.

Наследственное право, будучи формой правопреимства, имеет принципиальное значение для любой правовой системы, поскольку регулирует имущественные отношения в обществе.

Вопросы перехода имущества после смерти так или иначе касаются каждого гражданина, что подчеркивает социальную значимость данного правового института [1].

В гражданском праве наследственные нормы занимают особое место, и их важность во многом определяется тем, что основным объектом наследования выступает собственность [2].

В российском наследственном праве выделяют три ключевых основания для перехода наследственных прав [3]:

— наследование по завещанию;

- по наследственному договору;
- по закону.

Согласно положениям Гражданского кодекса Российской Федерации, завещание представляет собой одностороннюю сделку, не допускающую включения имущественных условий [3]. Для реализации наследственных прав по завещанию необходимо соблюдение трех ключевых условий:

- наличие юридически действительного завещательного акта [3];
- официальное открытие наследства [3];
- выраженное согласие правопреемников на принятие наследственного имущества [3].

Как отмечают исследователи, завещатель обладает абсолютной свободой воли при определении круга наследников, включая возможность полного исключения законных правопреемников без назначения альтернативных получателей имущества [4].

Введенный в 2019 году наследственный договор представляет собой инновационный для российской правовой системы механизм [5]. По определению Мамонова А. О., данный институт характеризуется следующими особенностями [6]:

- заключается при жизни наследодателя с потенциальными правопреемниками;
- устанавливает:
 - 1) персональный состав наследников;
 - 2) порядок перехода имущественных прав;
 - 3) возможность назначения исполнителя завещания [3];
 - 4) специальные обязательства для участников договора.

Важно отметить, что:

- условия договора не должны нарушать права обязательных наследников [3];
- действует запрет на наследование недостойными правопреемниками [3];
- допускается множественность договоров [3].

Также следует отметить, что заключение наследственного договора не ограничивает собственника в праве свободного распоряжения имуществом, даже если это потенциально уменьшает наследственную массу [3].

Принципиальные отличия между традиционным завещанием и наследственным договором приведены в таблице 1.

Наследование в порядке законной очереди имеет место быть в следующих случаях [3]:

- при отсутствии завещательного распоряжения;
- когда завещание признано недействительным;
- если завещание охватывает не все наследственное имущество;
- в иных ситуациях, прямо предусмотренных законодательством.

Данный механизм представляет собой систему субсидиарного применения, призванную гарантировать правопреемство даже при отсутствии выраженной воли наследодателя.

Правовой институт выморочного имущества характеризуется следующими ключевыми аспектами [3]:

- особый субъектный состав (публично-правовые образования);
- исключительные основания для применения;
- специальный порядок правопреемства.

Сравнительный анализ между наследованием по закону и наследованием выморочного имущества приведен в таблице 2.

Наследственное право различных государств демонстрирует значительные различия, обусловленные влиянием национальных традиций, религиозных норм и историко-правовых особенностей. Будучи составной частью гражданского законодательства, наследственное право в большинстве стран кодифицировано в рамках гражданских кодексов. Однако механизмы его реализации варьируются в зависимости от правовой системы (романо-германская, англосаксонская, смешанная).

Во Франции наследственные отношения регулируются *Гражданским кодексом*, где соответствующие нормы сосредоточены в третьей книге — «О различных способах приобретения собственности» (Titre III: «Des différentes manières dont on acquiert la propriété»). В частности, наследование по закону и завещанию регламентируется пер-

Таблица 1. Сравнительный анализ механизмов наследственного права

Критерий	Завещание	Наследственный договор
Характер сделки	Односторонняя	Двусторонняя или многосторонняя
Момент возникновения обязательств	По истечении 6 месяцев после открытия наследства	С момента открытия наследства
Возможность изменения/прекращения	Свободная	Ограниченная
Количество участников	Один	Несколько

Таблица 2. Сравнительный анализ между наследованием по закону и наследованием выморочного имущества

Критерий	Наследование по закону	Наследование выморочного имущества
Субъекты	Физические лица	Публичные образования
Основания	Отсутствие завещания	Совокупность исключительных условий
Очередность	8 степеней родства	Единственный наследник — государство
Сроки	6 месяцев	Специальные правила

выми двумя титулами, которые также охватывают вопросы дарения.

Согласно ст. 720 *Гражданского кодекса Франции*, наследство открывается вследствие биологической или гражданской смерти (объявления лица умершим по решению суда). В случае безвестного отсутствия при обстоятельствах, угрожающих жизни (ст. 88, 128 *Гражданского кодекса Франции*), местом открытия наследства признается последнее известное место жительства наследодателя.

Французское законодательство устанавливает строгие требования к наследникам:

— **право на наследство** возникает только у лиц, существующих на момент его открытия (исключая нерожденных и нежизнеспособных детей);

— недостойные **наследники** (ст. 726 *Гражданского кодекса Франции*) включают:

- 1) лиц, осужденных за убийство или покушение на наследодателя;
- 2) лиц, предъявивших ложное уголовное обвинение;
- 3) совершеннолетних наследников, утаивших сведения об убийстве наследодателя (при этом их родственники не лишаются наследства).

Недостойный наследник обязан вернуть все полученные доходы от наследства.

В странах общего права (Великобритания, США, Австралия) наследственные отношения регулируются не только законодательными актами, но и судебными прецедентами. В США, наряду с федеральными законами, действуют нормы штатов, что создает значительную вариативность [7].

Ключевые принципы:

— свобода **завещания** (с ограничениями в пользу обязательных наследников);

— **наследственный договор** — уникальный институт, позволяющий сторонам взаимно определять условия наследования (например, взаимные завещания супругов).

В отличие от Франции, в англосаксонской системе допускаются **совместные завещания**, где несколько лиц принимают взаимные обязательства (например, супруги в Великобритании).

В сравнении с российским законодательством, несмотря на общие принципы (свобода наследования, защита семьи), различия проявляются в следующих аспектах:

— **порядке открытия наследства** (в США — момент смерти, во Франции — дополнительно гражданская смерть);

— **очередности наследования** (в Российской Федерации — жесткая иерархия, в США — вариативность по штатам);

— **институте недостойных наследников** (в Российской Федерации — ст. 1117 ГК, во Франции — ст. 726 *Гражданского кодекса Франции*).

На основании вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что особенности наследования зависят от правовой системы, действующей в государстве и исторически сложившегося менталитета общества в совокупности. Как в Российской Федерации, так и в других странах существуют различные проблемные вопросы, которые подлежат разрешению и моменты, к которым стоит присмотреться для перенимания положительного опыта другой страны. Наследование, как и иные сферы жизни, необходимо совершенствовать с учетом изменений внешнего мира.

Литература:

1. Абраменков, М. С. Наследственное право: учебник для вузов / М. С. Абраменков, А. Г. Сараев; ответственный редактор В. А. Белов. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 376 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-16574-6.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 3: Постатейный комментарий / ред. П. В. Крашенинников. — Москва: Статут, 2011. — 314 с. — ISBN 978-5-8354-0729-3.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: (собрание законодательства Российской Федерации, 2001, № 49, ст. 1111). — [4-е изд.]. — Москва: Ось-89, 2007. — 47, [1] с.; 20 см.; ISBN 978-5-98534-695-4
4. Наследственное право: комментарий законодательства и практика его применения / Т. И. Зайцева, П. В. Крашенинников. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2009 (Казань: ПИК Идел-Пресс). — 555, [1] с.; 21 см + [1] отд. л. ил. — (Комментарий); ISBN 978-5-8354-0564-0 (в пер.).
5. Федеральный закон от 19.07.2018 № 217-ФЗ «О внесении изменений в статью 256 части первой и часть третью Гражданского кодекса Российской Федерации», ст. 2.
6. Мамонов А. О., Красикова А. В. Наследственный договор // Актуальные проблемы юриспруденции: сб. ст. по матер. XVII междунар. науч.-практ. конф. № 12(16). — Новосибирск: СибАК, 2018. — С. 28–31.
7. Гришаев С. П. Наследственное право 2011 Москва «Проспект» с. 175.

Основные положения законодательства о наследственном договоре

Романчев Кирилл Сергеевич, студент магистратуры

Научный руководитель: Чердакова Татьяна Борисовна, кандидат юридических наук, доцент
Московский экономический институт

В данной статье рассматриваются основные положения законодательства наследования по договору. Производится анализ основных характеристик данного института, включая его правовые основания и виды. Анализируются отличия между наследованием по закону и наследованием по договору, а также правовые последствия, вытекающие из наследственных договоров.

Ключевые слова: наследственное право, наследственный договор, наследование, наследодатель, российское право.

The main provisions of the inheritance contract legislation

Romanchev Kirill Sergeevich, student master's degree

Scientific advisor: Cherdakova Tatiana Borisovna, candidate of law sciences, associate professor
Moscow Economic Institute

This article discusses the main provisions of inheritance legislation under the contract. The analysis of the main characteristics of this institution, including its legal bases and types, is carried out. The differences between legal inheritance and contractual inheritance are analyzed, as well as the legal consequences arising from inheritance agreements.

Keywords: inheritance law, inheritance contract, inheritance, testator, Russian law.

Эффективным инструментом наследственного права является наследственный договор. Наследственный договор — это новый институт для российской правовой системы. Он представляет собой соглашение между возможным наследодателем и возможными наследниками, которое заключается еще при жизни наследодателя. 19.07.2018г № 217-ФЗ Федеральным законом в Гражданский кодекс РФ введена ст. 1140.1 «Наследственный договор». Данный институт никогда не функционировал в нашем государстве, такое нововведение является революционным для российского гражданского права.

В гражданском кодексе понятие наследственного договора определяется как договор, заключаемый наследодателем с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, с условиями, определяющими круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или к пережившим третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Именно благодаря договорной природе, наследники, принимая участие в наследственном договоре, заранее осведомлены о том, как будет распределено имущество, следовательно, при подписании договора добровольно и сознательно принимают волю завещателя, одобряют ее. По соглашению сторон или по решению суда, содержание наследственного договора может быть изменено. Также п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ допускает заключение наследственного договора с условием. Нормы п. 1 ст. 1118 ГК РФ, посвященные регулированию института завещания, распространяются и на наследственные договоры [1].

Проанализировав статью 1140.1 Гражданского кодекса Российской Федерации можно выделить соответствующие признаки договора:

консенсуальность — выражается в том, что заключение договора связано с достижением соглашения сторон о будущей судьбе имущественной массы наследодателя в случае его смерти;

безвозмездность — согласно данной конструкции, только наследодатель обязуется предоставить, оговоренные в соглашении права на имущество, без получения встречного представления со стороны контрагента;

двусторонний характер — в качестве сторон наследственного договора выступает наследодатель и наследник-наследники;

возможность заключить наследственный договор в отношении третьего лица [6]. Согласно п. 1 ст. 1140.1 ГК РФ наследодатель вправе заключить с любым из лиц, которые могут призываться к наследованию, договор, условия которого определяют круг наследников и порядок перехода прав на имущество наследодателя после его смерти к пережившим наследодателя сторонам договора или третьим лицам, которые могут призываться к наследованию. Бесспорным преимуществом рассматриваемого института являются возможность детальной регламентации правоотношений и участие потенциального наследника (потенциальных наследников) в определении порядка наследования.

Кроме того, распоряжение на случай смерти посредством заключения наследственного соглашения предоставляет свободу волеизъявления в виде прижизненного завещания собственника, варианты наиболее приемлемой формы этого документа; помогает сформировать волю и волеизъявление завещателя с участием будущих наследников; стимулирует их активные положительные действия по отношению к наследодателю при жизни послед-

него; создает определенный баланс интересов участников (сторон) договора.

Для заключения наследственного договора требуется его подписание каждой из сторон, а также обязательное нотариальное удостоверение. При этом если одна из сторон уклоняется от нотариального удостоверения наследственного договора, положения статьи 165 ГК РФ, в соответствии с которыми суд в установленных случаях может признать сделку действительной, не применяются. При удостоверении наследственного договора нотариус обязан осуществлять видео фиксацию, процедуры заключения наследственного договора, если стороны наследственного договора не заявили возражение против этого (п. 7 ст. 1140.1 ГК РФ).

Изменение или расторжение наследственного договора допускается только при жизни сторон этого договора. Основаниями для изменения или расторжения наследственного договора выступают соглашение его сторон или решение суда в связи с существенным изменением обстоятельств, например, в случае обнаружения лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве (п. 9 ст. 1140.1 ГК РФ).

Наследственный договор может быть оспорен в двух случаях: во-первых, при жизни наследодателя по иску стороны наследственного договора, во-вторых, после открытия наследства по иску лица, права или законные интересы которого нарушены этим наследственным договором (п. 11 ст. 1140.1 ГК РФ) [1].

В рамках заключения наследственного договора за каждой из его сторон сохраняется право совершить односторонний отказ от такого договора. В соответствии с п. 10 ст. 1140.1 ГК РФ наследодатель вправе совершить односторонний отказ от наследственного договора в любое время путем уведомления всех сторон наследственного договора о таком отказе. Следует обратить внимание, что уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора подлежит нотариальному удостоверению. Нотариус, удостоверивший уведомление об отказе наследодателя от наследственного договора, обязан в порядке, предусмотренном законодательством о нотариате, в течение трех рабочих

дней направить копию этого уведомления другим сторонам наследственного договора. Наследодатель, отказавшийся от наследственного договора, обязан возместить другим сторонам наследственного договора убытки, которые возникли у них в связи с исполнением наследственного договора к моменту получения копии уведомления об отказе наследодателя от наследственного договора. Другие стороны наследственного договора вправе совершить односторонний отказ от наследственного договора в порядке, предусмотренном законом или наследственным договором.

В соответствии с п. 5 ст. 1140.1 ГК РФ наследственный договор может быть заключен между супругами, а также лицами, которые могут призываться к наследованию за каждым из супругов. В этом случае наследственный договор может определять порядок перехода прав на общее имущество супругов или имущество каждого из них в случае смерти обоих супругов, в том числе наступившей одновременно, к пережившему супругу или к иным лицам; определять имущество, входящее в наследственную массу каждого из супругов, если это не нарушает прав третьих лиц, а также может содержать иные распоряжения супругов, в частности условие о назначении душеприказчика или душеприказчиков, действующих в случае смерти каждого из супругов. При этом такой наследственный договор утрачивает силу в связи с расторжением брака до смерти одного из супругов, а также в связи с признанием брака недействительным. Необходимо также отметить, что заключение наследственного договора между супругами отменяет действие ранее совершенного совместного завещания супругов.

Наследственный договор является одной из актуальных проблем в российском и зарубежном законодательстве. Причина просматривается в несовершенстве и неопределенности его отдельных сторон, которые необходимо адаптировать под современные условия динамично изменяющегося мира. Проблема актуализирована многими учеными в области гражданского права, как отечественными, так и зарубежными, причем ряд положений имеет спорный характер и на настоящий момент находятся в стадии обсуждения.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001, N 49, ст. 4552.
2. Гребенкина, И. А. Наследственное право. Практикум: учебное пособие / И. А. Гребенкина. — 2-е изд. — Москва: Проспект, 2023. — 80 с. — ISBN 978-5-392-39888-1. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/398924> (дата обращения: 10.06.2025). —
3. Горелик А. П. Наследственное право: Учеб. пособие. М.: МОДЭК, 2011. — 456 с.
4. Гражданское право: Учебник: В 3-х т. Т. 3 / В. В. Безбах, Д. А. Белова, Г. К. Дмитриева [и др.]: отв. ред. В. П. Мо- золин. -2-е издание., перераб. и доп.-Москва: Проспект, 2014.- 704 с.
5. Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е. Ю. Петров. — М.: М-Логос, 2018. — 656 с.
6. Шишкина, Ю. Ю. Реформирование наследственного права: наследственный договор / Ю. Ю. Шишкина. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2021. — № 8 (350). — С. 151–154.

Схема налогового преступления как элемент криминалистической характеристики преступлений данной группы

Рябкина Мария Алексеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Каминский Александр Маратович, доктор юридических наук, профессор
Удмуртский государственный университет (г. Ижевск)

В статье авторами дается понятие схемы налогового преступления, раскрывается ее содержание, определяется ее значимость в структуре криминалистической характеристики налоговых преступлений.

Ключевые слова: налог, преступление, схема, криминалистика, характеристика.

В современных экономических реалиях России, где рыночные отношения стали основополагающим принципом функционирования экономики, успешное развитие государства и общества во многом зависит от эффективности функционирования налоговой системы. Анализ данных Федеральной налоговой службы демонстрирует положительную динамику в части налоговых обязательств, подлежащих уплате в бюджет.

Так, согласно официальному сайту ФНС России, поступления в бюджетную систему РФ в 2024 году составили 56,3 трлн руб., что на 20,3 % (9,49 трлн руб.) больше, чем в отчетном 2023 году [1].

Поэтому представляется, что государство максимально заинтересовано в быстром и эффективном реагировании на факты нарушения налогового законодательства, последствия совершения которых могут повлечь за собой уголовную ответственность, предусмотренную ст. 198–199.4 УК РФ.

Вместе с тем, с учетом разнообразия применяемых способов совершения налоговых преступлений, адаптированных к изменениям налогового законодательства, в правоприменительной практике зачастую возникают сложности при выявлении и расследовании указанных преступлений. Эффективность и оперативность расследований напрямую связана с полнотой достоверных данных о преступлении, составляющих его криминалистическую характеристику.

В науке к традиционным элементам криминалистической характеристики налогового преступления авторы относят: налогоплательщика, налог и элементы налогообложения, а к дополнительным — способ совершения и сокрытия преступления, механизм слеодообразования, личность преступника, типичную следственную ситуацию, обстановку совершения преступления и др.

Вместе с тем, полагаем, рациональным включить в структуру криминалистической характеристики налогового преступления «схему налогового преступления» в качестве самостоятельного элемента, фактически инкорпорирующего комбинации взаимодействия между традиционными и факультативными элементами криминалистической характеристики данной группы преступлений.

Впервые термин «схема» в контексте методики расследования налоговых преступлений упомянут В. А. Козловым [2], под которой понимался комплекс взаимосвя-

занных финансовых и товарных операций, направленных на сокрытие получаемого дохода или снижение налогооблагаемой базы. В этом же значении «схема» использована в научных исследованиях И. В. Александрова [3], И. Н. Соловьева [4], Н. П. Купрещенко [5].

Вместе с тем, полагаем, что «схема налогового преступления» по своей сущности означает формулу или модель совершаемого налогового преступления, включающую в себя комплекс целенаправленных действий (бездействий) налогоплательщика при возможном участии взаимозависимых лиц по получению необоснованной налоговой выгоды и уклонению от уплаты налогов (сборов) посредством искажения реальных показателей финансово-хозяйственной деятельности, подлежащих отражению в бухгалтерском и налоговом учетах, на основании которых налоговый орган определяет налоговые обязательства налогоплательщика, в целях неправомерного уменьшения налоговой базы, снижения налоговой ставки, получения налоговой льготы, приводящих к обществу опасным последствиям в виде ущерба государству в форме неуплаченных налогов (сборов), а также действия по сокрытию следов преступления.

Исходя из представленного нами определения «схемы налогового преступления» постараемся раскрыть ее содержание под призмой характеризующих ее признаков.

1. Целью применения любой схемы налогового преступления является получение налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды.

В целях обнаружения признаков недобросовестного поведения налогоплательщика налоговый орган при проведении налоговой проверки руководствуется положениями п. 1 ст. 54.1 НК РФ [6], Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» [7], выявляет и фиксирует в процессуальных документах обстоятельства, свидетельствующие о совершении налогоплательщиком в процессе осуществления хозяйственной деятельности не соответствующих действительному экономическому смыслу и не обусловленных целями делового характера операций, подлежащих отражению в бухгалтерском и налоговом учетах.

В частности, о необоснованности налоговой выгоды могут свидетельствовать подтвержденные доказатель-

ствами доводы налогового органа о наличии следующих обстоятельств [7]:

— невозможность реального осуществления налогоплательщиком указанных операций с учетом времени, места нахождения имущества или объема материальных ресурсов, экономически необходимых для производства товаров, выполнения работ или оказания услуг;

— отсутствие необходимых условий для достижения результатов соответствующей экономической деятельности в силу отсутствия управленческого или технического персонала, основных средств, производственных активов, складских помещений, транспортных средств;

— учет для целей налогообложения только тех хозяйственных операций, которые непосредственно связаны с возникновением налоговой выгоды, если для данного вида деятельности также требуется совершение и учет иных хозяйственных операций;

— совершение операций с товаром, который не производился или не мог быть произведен в объеме, указанном налогоплательщиком в документах бухгалтерского учета.

2. Схема налогового преступления, так или иначе, подразумевает искажение сведений о фактах экономической деятельности хозяйствующего субъекта.

Такое искажение может проявляться в форме отражения в отчетных документах налогоплательщика фактов, не имевших места в реальной действительности, или искажения юридической квалификации операции, статуса или характера деятельности сторон.

Так, например, Устиновским районным судом города Ижевска вынесен приговор в отношении руководителя ООО «Локомотив», который в целях незаконного уклонения от уплаты налога на добавленную стоимость, налога на прибыль организации разработал план своих преступных действий, согласно которому сознательно искажал сведения о фактах хозяйственной деятельности, объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и бухгалтерском учетах, а также налоговой отчетности посредством включения в бухгалтерский и налоговый учет ООО «Локомотив» заведомо ложных сведений о результатах финансово-хозяйственной деятельности Общества путем предоставления в бухгалтерию, сотрудники которой составляли и формировали налоговую и бухгалтерскую отчетность организации, фиктивных документов о якобы совершенных сделках с подставными организациями — для получения права на уменьшение подлежащей уплате общей суммы налога на добавленную стоимость на сумму якобы уплаченных денежных средств ООО «Локомотив» при мнимом приобретении товаров,

выполнении работ, оказании услуг от подставных организаций [8].

3. Общественно опасными последствиями применения налоговых схем выступают не поступление сумм налогов (сборов), нанесение ущерба соответствующему бюджету бюджетной системы РФ.

Согласно сведениям ФНС за 2024 год [1], по результатам выездных налоговых проверок сумма доначислений по налогам и сборам составила 325 835 млн. руб., по результатам камеральных налоговых проверок — 132 603 млн. руб.

Разумеется, данные показатели могут быть скорректированы, с одной стороны, за счет изменения или отмены налоговым органом своего решения как в досудебном, так и в судебном порядке, в случае признания такового нарушающим права налогоплательщика, и, с другой стороны, при добровольном удовлетворении налогоплательщиком требований налогового органа в период времени с начала открытия налоговой проверки, вплоть до рассмотрения судом вопроса о привлечении виновных должностных лиц к уголовной ответственности, в случае, если в отношении таковых возбуждено уголовное дело по признакам составов преступлений, предусмотренных ст. ст.198–199.4 УК РФ.

Однако в силу стремительно меняющегося налогового законодательства, складывающейся тенденции либерализации уголовного законодательства в части привлечения к уголовной ответственности по данной категории преступлений, высокой степени адаптивности недобросовестных налогоплательщиков к несовершенствам налоговой системы, порождающим создание новых способов уклонения от налогообложения, уровень латентности, обнаружения налоговых преступлений остается быть высоким. А значит и бюджет государства может претерпевать потери в виде не уплаченных законом установленных сумм налогов и сборов.

Каждая схема налогового преступления, будучи по-своему уникальной, требует более внимательного изучения со стороны правоприменителя. По своей сути объединяющая все базовые элементы криминалистической характеристики налогового преступления схема является теоретическим ориентиром при его раскрытии и расследовании. Изучение и систематизация «схемы налогового преступления» как самостоятельного элемента криминалистической структуры преступлений данного вида позволит эффективно решать задачи по изобличению налогового преступления, совершенствованию методики расследования налогового преступления.

Литература:

1. Аналитический портал ФНС России. — Текст: электронный // Сайт Федеральной налоговой службы РФ: [сайт]. — URL: <https://analytic.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).
2. Козлов, В. А. Научные основы криминалистической характеристики налоговых преступлений: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Козлов В. А.; — Владимир, 2006. — с. — Текст: электронный.

3. Александров И. В. Расследование налоговых преступлений. М., 2021. С. 84.
4. Соловьев И. Н. Преступные налоговые схемы и их выявление. М., 2022. С.1.
5. Купрещенко Н. П. Налоговая преступность как фактор теневой экономики // Безопасность бизнеса. 2008. № 3. С. 45–47.
6. Налоговый кодекс РФ: Федеральный закон от 31.07.1998 N 146-ФЗ [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: локальный. — Редакция от 29.11.2024.
7. Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой льготы: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 N 53 [Электронный ресурс]: // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». — Режим доступа: локальный. — Последняя редакция.
8. Приговор Устиновского районного суда города Ижевска от 16 апреля 2024 г. по делу № 1–130/2024// Устиновский районный суд города Ижевска. — URL: https://ustinovskiy—udm.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=285617221&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 15.06.2025).

Уголовно-процессуальные проблемы применения самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы

Сараев Игорь Сергеевич, студент;

Блонцев Иван Романович, студент

Научный руководитель: Соколова Ольга Валерьевна, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

Статья посвящена анализу уголовно-процессуальных проблем, связанных с применением самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы. В работе рассматривается понятие ситуационной экспертизы, её применение в судебной медицине и криминалистике, а также правовые аспекты, регламентирующие порядок её проведения.

Авторы исследуют условия проведения данного вида экспертизы и оценивают её соответствие нормам Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуальному законодательству. В статье подробно анализируются нормативно-правовые акты, регулирующие проведение судебно-медицинских экспертиз, а также приводится статистика их применения.

Отдельное внимание уделяется вопросам методологии проведения ситуационной экспертизы. Авторы поднимают проблему правомерности экспертных заключений, выходящих за пределы специальных познаний, и указывает на возможные нарушения принципа свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве.

На основании проведённого анализа делается вывод о том, что самостоятельная судебно-медицинская ситуационная экспертиза может представлять собой избыточную процессуальную меру, которая увеличивает сроки судебного разбирательства и может привести к подмене функций следствия и суда. Авторы подчеркивают необходимость четкого разграничения компетенций экспертов и следственных органов в вопросах установления фактических обстоятельств дела.

Ключевые слова: ситуационная экспертиза, судебно-медицинская экспертиза, криминалистика, уголовно-процессуальное законодательство, медико-криминалистические исследования, следственный эксперимент, свобода оценки доказательств.

Введение

В судебной медицине и криминалистике ситуационная экспертиза представляет собой ретроспективный анализ обстановки места происшествия, основанный на изучении характеристик объектов, особенностей повреждений и следов с целью установления вероятности их возникновения при определенных условиях. Этот вид экспертиз широко применяется в следственной, судебной и судебно-медицинской практике [1].

Целью данного исследования является анализ условий проведения и возможных результатов самостоятельной

судебно-медицинской ситуационной экспертизы с точки зрения её соответствия нормам Конституции Российской Федерации и уголовно-процессуальному законодательству России.

Объектом исследования являются нормативно-правовые акты, регулирующие порядок проведения криминалистических и судебно-медицинских ситуационных экспертиз и исследований, данных отраслевой научно-практической литературы о теоретических положениях судебной экспертизы.

Исследование проводилось при помощи общенаучных методов: эмпирических (наблюдение, сравнение), логиче-

ских (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, аналогия, обобщение, гипотеза, классификация).

Согласно ежегодным сводным отраслевым отчетам о деятельности ГСМЭУ (форма № 42) в период с 2009 по 2018 годы ситуационные экспертизы составляли 8,6 % от общего числа медико-криминалистических исследований. При этом наблюдается стабильный ежегодный рост их проведения в медико-криминалистических отделениях — с 5,3 % в 2009 году до 13,2 % в 2018 году [2]. Сохраняющийся продолжительный устойчивый рост проводимых ситуационных экспертиз различного рода свидетельствует об актуальности данного исследования.

Основная часть

Согласно п.5 Приложения N 14 к Порядку проведения судебно-медицинской экспертизы, утвержденному приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. N 491н медико-криминалистическая экспертиза включает в себя следующие исследования: трасологические; огнестрельных повреждений; взрывных повреждений; отождествления личности; микрологические (альгологические); ситуационные [3].

Судебно-медицинское исследование объектов, повреждений и следов включает несколько этапов. Эксперт, проводя экспертизу трупа, живого лица или вещественных доказательств, а также участвуя в следственных действиях, анализирует объекты, повреждения и следы с учетом их различных характеристик. Например, при изучении кухонного ножа, использованном в качестве холодного оружия при совершении преступления, оцениваются его индивидуальные особенности (форма клинка, длина, ширина, толщина лезвия, заточка, дефекты, клейма производителя и т. п.) [4].

В ходе анализа всех предметов, предоставленных эксперту для исследования, обстоятельств при которых они были изъяты и всех иных внешних факторов, так или иначе воздействовавших на изучаемые предметы, эксперт формирует собственные выводы, так называемые элементы экспертной версии события.

Элемент экспертной версии события представляет собой оценку экспертом или специалистом последствий внешнего воздействия, вызвавшего определенные, чаще всего морфологические, изменения объекта. Исходя из этих изменений, объективно зафиксированных в виде качественных или количественных морфологических признаков повреждений или следов, устанавливаются характеристики воздействия внешнего фактора и элементы произошедшего события [1]. Например, эксперт сравнивает повреждения на теле пострадавшего лица с качественными характеристиками предполагаемого орудия преступления, учитывая иные внешние факторы, приходит к выводу, что ранения были нанесены именно этим кухонным ножом, а не каким-либо другим.

На основании совокупности элементов экспертной версии специалист мысленно воссоздает и моделирует

полную картину события. Исходя из сформированной версии, судебно-медицинский эксперт способен решить различные ситуационные задачи, такие как определение положения тела потерпевшего в момент получения повреждений, установление последовательности травм, анализ механизмов их образования в разных фазах дорожно-транспортного происшествия, а также выявление местоположения пострадавшего в салоне автомобиля на различных этапах травмирования. Итоговые выводы по этим вопросам отражаются в результатах экспертизы трупа, живого лица или вещественных доказательств [1].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в ходе ситуационной экспертизы эксперт формирует собственную версию события и может указать её в своём заключении.

По смыслу Приказа Минздрава РФ от 25.09.2023 N 491н и сложившейся практике можно выделить 2 основных вида ситуационных экспертиз: ситуационные исследования в рамках различных подвидов судебных экспертиз и самостоятельные судебно-медицинские ситуационные экспертизы.

Так ситуационные исследования могут проводиться в ходе трасологических исследований, исследований огнестрельных повреждений, взрывных повреждений, отождествления личности и микрологических (альгологических) исследований. В данном случае анализ ситуации в целом помогает эксперту сформулировать правильные выводы в своем заключении и ответить на поставленные перед ним вопросы.

Но задачи самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы отличаются от задач ситуационных исследований в рамках отдельных судебных экспертиз. Так к задачам самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы относят: «Анализ объективных данных о динамике события, вытекающих из представленных материалов и экспертных заключений; раздельный анализ проверяемых следственных экспертных и иных версий о свершившемся событии; экспертные исследования, выполненные раздельно по каждой проверяемой версии, для ответа на вопрос об их соответствии судебно-медицинским оценкам изучаемого события; сравнительная оценка экспертных данных и результатов изучения предполагаемых вариантов события» [3].

В научной литературе ситуационную экспертизу определяют как экспертное исследование ситуации, т. е. совокупности следов и объектов, составляющих обстановку, причинно связанную с расследуемым событием, фактов, влияющих на событие происшествия, лицом (лицами), обладающими специальными познаниями, направленное на ретроспективную реконструкцию ситуации (события) преступления в целом или отдельных его элементов по вещно-следовой обстановке на месте происшествия [5].

В таком случае возникает вопрос о необходимости существования данного самостоятельного вида экспертиз если практически те же задачи выполняет следственный эксперимент. Так, согласно ст. 181 УПК РФ: «В целях про-

верки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, следователь вправе произвести следственный эксперимент путем воспроизведения действий, а также обстановки или иных обстоятельств определенного события. При этом проверяется возможность восприятия каких-либо фактов, совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявляются последовательность происшедшего события и механизм образования следов. Производство следственного эксперимента допускается, если не создается опасность для здоровья участвующих в нем лиц» [6].

Однако это обстоятельство, по мнению авторов статьи, противоречит закону. Так, согласно ст. 87 Уголовно-процессуального кодекса РФ: «Проверка доказательств производится дознавателем, следователем, прокурором, судом путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников, получения иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство» [6]. Однако, как следует из содержания п. 12 Приложения N 14 к Порядку проведения судебно-медицинской экспертизы, утвержденному приказом Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. N 491н к задачам эксперта при проведении ситуационной экспертизы относят, в том числе, и сравнительную оценку экспертных данных и результатов изучения предполагаемых вариантов события.

Таким образом, эксперт получает право проверки доказательств путём их сопоставления с другими доказательствами, в роли которых выступают ранее проведённые экспертные исследования, что противоречит нормам, установленным УПК РФ.

Кроме того, в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 N 28 (ред. от 29.06.2021) «О судебной экспертизе по уголовным делам» утверждается, что: «Судам следует иметь в виду, что вопросы, поставленные перед экспертом, и заключение по ним не могут выходить за пределы его специальных знаний. Постановка перед экспертом правовых вопросов, связанных с оценкой деяния, разрешение которых относится к исключительной компетенции органа, осуществляющего расследование, прокурора, суда (например, что имело место — убийство или самоубийство), как не входящих в его компетенцию, не допускается». [7]. Однако вопросы по оценке ситуации в целом и реконструкции событий

преступления относятся к компетенции органов следствия, прокурора, суда, а не эксперта.

Таким образом, применение самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы кажется излишней мерой в ходе судебного разбирательства, которая бесосновательно увеличивает срок рассмотрения дел судами, нарушая тем самым принцип осуществления уголовного судопроизводства в разумный срок, установленный Уголовно-процессуальным кодексом [6].

Более того, по мнению авторов статьи, применение самостоятельной судебно-медицинской ситуационной экспертизы нарушает принцип свободы оценки доказательств в уголовном судопроизводстве [6]. Так субъектами оценки доказательств являются: судья, а также прокурор, следователь и дознаватель. Судебно-медицинский эксперт должен ограничиваться анализом предоставленных ему для исследования фактов и не делать выводов о правовых аспектах события. Однако ситуационная экспертиза часто включает моделирование события, что может подменять функции следствия и суда.

Таким образом, самостоятельная судебно-медицинская ситуационная экспертиза может навязывать суду и следствию определенную версию событий, что нарушает принцип свободы оценки доказательств. Эксперт должен давать научно обоснованные заключения, но не подменять следственные органы и суд в установлении фактических обстоятельств дела.

Заключение

Таким образом, в статье приведен анализ соответствия Приказа Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25 сентября 2023 г. № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» Конституции Российской Федерации и действующему уголовно-правовому законодательству.

В заключение хочется добавить, что устойчивая тенденция роста назначения судами самостоятельных ситуационных экспертиз является негативным фактором, непосредственно препятствующим осуществлению права человека на судебную защиту его прав и свобод, гарантированную Конституцией Российской Федерации, так как её применение увеличивает сроки рассмотрения дел и перекладывает функции по оценке доказательств на лиц, законодательно на это не уполномоченных [8].

Литература:

1. Варианты проведения ситуационных исследований и экспертиз в судебно-медицинской практике. / Нагорнов М. Н., Владимиров В. Ю., Светлаков А. В. [и др.]. — Текст: непосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2020. — № 63. — С. 51–55.
2. Структура смертельной механической травмы в России (по материалам 2003–2017 гг.) / А. В. Ковалев, И. Ю. Макаров, О. В. Самоходская, Т. А. Куприна. — Текст: непосредственный // Судебно-медицинская экспертиза. — 2020. — № 62. — С. 11–14.
3. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 25.09.2023 № 491н «Об утверждении Порядка проведения судебно-медицинской экспертизы» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/documents/2023/10/26/minzdrav-prikaz491-site-dok.html>.

4. Судебная медицина и судебно-медицинская экспертиза: национальное руководство / В. В. Альшевский, С. Д. Арутюнов, И. Л. Белешников, А. Н. [и др.]. — 4-е изд. — Москва: ГЭОТАР-Медиа, 2014. — 728 с. — Текст: непосредственный.
5. Использование специальных медицинских знаний при расследовании преступлений: справочно-информационные материалы / Ч.3 Назначение медико-криминалистических ситуационных экспертиз / Курск, ОБУЗ «Бюро СМЭ», 2013. — 19 с.;
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 01.05.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 52 (ч. 1). — Ст. 4921.;
7. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в ред. от 29 июня 2021 г.) // Российская газета. — 2010. — 30 дек. — № 296.
8. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 13. — Ст. 1194.

Распределение бремени доказывания в административном судопроизводстве по делам о компенсации за нарушение условий содержания под стражей: анализ судебной практики

Седюко Юлия Николаевна, студент магистратуры
Новосибирский государственный университет экономики и управления

Проблема распределения бремени доказывания в административных делах о компенсации за нарушение условий содержания под стражей сложна и требует баланса между защитой прав личности и интересами государства. Обычно заявитель должен доказать факт нарушения и причинение вреда, но изоляция ограничивает доступ к доказательствам. Законодатель указывает, что суды должны занимать активную позицию, требуя от государственных органов подтверждения условий содержания, особенно если заявитель указывает на конкретные нарушения. Однако проведенный анализ показывает, что при распределении бремени доказывания суду при рассмотрении дел по ст. 227.1 Кодекса административного судопроизводства РФ (КАС РФ) требуется также разяснять административному истцу о необходимости доказывания наличия неблагоприятных последствий вследствие нарушений условий содержания.

Ключевые слова: распределение бремени доказывания, нарушение условий содержания, бремя доказывания, обязанность доказывания

Проблема распределения бремени доказывания в административном судопроизводстве, особенно в контексте дел о компенсации за нарушение условий содержания под стражей, представляет собой сложный и многогранный вопрос. Она находится на пересечении теоретических разработок в области права и практической работы судебных органов, что делает ее предметом активных дискуссий в юридическом сообществе. Основное затруднение заключается в том, что в подобных делах сталкиваются интересы государства, представляющего общественные интересы, и права личности, которые требуют особой защиты.

В данной работе были использованы следующие методы исследования: формально-юридический и сравнительно-правовой. Был проведен системный анализ нормативных актов и правоприменительной судебной практики.

Прежде всего, бремя доказывания связано с необходимостью определить, какая сторона должна представить

доказательства, подтверждающие или опровергающие факт нарушения условий содержания под стражей. В соответствии с базовыми принципами административного процесса такие дела обычно предполагают, что заявитель, то есть лицо, заявляющее о нарушении своих прав, обязан доказать факт нарушения и причинение вреда. Однако в случаях, связанных с условиями содержания под стражей, ситуация усложняется. Лица, находящиеся в изоляции, зачастую не имеют доступа к необходимым доказательствам, таким как внутренние документы учреждений, фиксирующих состояние помещений, рацион или медицинское обслуживание.

Судебная практика показывает, что суды зачастую берут на себя инициативу в сборе доказательств, применяя принцип активной судебной роли. Это особенно актуально, когда речь идет о защите прав человека в условиях ограниченных возможностей заявителя. Некоторые юристы отмечают, что такая практика отражает тенденцию к более гибкому подходу в распределении бре-

мени доказывания, где государственные органы как более ресурсообеспеченная сторона могут быть обязаны представлять доказательства условий содержания, если заявитель указал на конкретные обстоятельства, вызывающие сомнения в их законности.

Необходимо учитывать также роль доказательств в виде показаний свидетелей, фото- и видеоматериалов, медицинских заключений и иных источников информации. Их сбор и оценка требуют от судов высокой степени профессионализма и внимательности, поскольку каждая деталь может оказаться решающей. Например, в делах, связанных с антисанитарными условиями содержания, важными доказательствами могут стать фотографии помещений, выписки из медицинских карт, показывающие ухудшение состояния здоровья, или свидетельства других заключенных.

Чтобы понять, как именно распределяется бремя доказывания в подобных процессах, требуется углубленное изучение норм законодательства и анализ судебной практики.

В 2018 году законодатель конкретизировал распределение бремени доказывания по делам, связанным с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания, указав в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47, что «обязанность доказывания соблюдения надлежащих условий содержания лишенных свободы лиц возлагается на административного ответчика — соответствующие орган или учреждение, должностное лицо, которым следует подтверждать факты, обосновывающие их возращения» [3].

Судебная коллегия по административным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении от 16.03.2022 № 5-КАД21-56-К2 также добавляет, что «бремя доказывания, возлагаемое на заявителя в судебном разбирательстве по поводу компенсации, не должно быть чрезмерным. От него может потребоваться доказуемое изложение нарушенного права и представление таких доказательств, какие являются легко доступными, например подробное описание условий содержания под стражей, показания свидетелей или ответы со стороны надзирающих органов. Административный ответчик как сильная сторона в публичном споре обязан опровергнуть утверждения о нарушении условий содержания, о причинении морального вреда посредством документальных доказательств» [4].

Согласно ч. 9 ст. 226 КАС РФ, при рассмотрении административного дела об оспаривании решения, действия (бездействия) органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, суд выясняет:

— нарушены ли права, свободы и законные интересы административного истца или лиц, в защиту прав, свобод и законных интересов которых подано соответствующее административное исковое заявление;

— соблюдены ли сроки обращения в суд;

— соблюдены ли требования нормативных правовых актов, устанавливающих полномочия органа, организации, лица, наделенных государственными или иными публичными полномочиями, на принятие оспариваемого решения, совершение оспариваемого действия (бездействия);

— порядок принятия оспариваемого решения, совершения оспариваемого действия (бездействия) в случае, если такой порядок установлен;

— основания для принятия оспариваемого решения, совершения, оспариваемого действия (бездействия), если такие основания предусмотрены нормативными правовыми актами;

— соответствует ли содержание оспариваемого решения, совершенного оспариваемого действия (бездействия) нормативным правовым актам, регулирующим спорные отношения.

Обязанность доказывания обстоятельств, указанных в пп. 1 и 2 ч. 9 ст. 226 КАС РФ возлагается на лицо, обратившееся в суд, а обстоятельств, указанных в пп. 3 и 4 ч. 9 и в ч. 10 данной статьи, — на орган, организацию, лицо, наделенные государственными или иными публичными полномочиями и принявшие оспариваемые решения либо совершившие оспариваемые действия (бездействия) (ч. 11 ст. 226 КАС РФ).

При рассмотрении административного искового заявления, поданного в соответствии с ч. 1 ст. 227.1 КАС РФ, суд устанавливает, имело ли место нарушение предусмотренных законодательством Российской Федерации и международными договорами условий содержания под стражей, содержания в исправительном учреждении, а также характер и продолжительность нарушения, обстоятельства, при которых нарушение допущено, его последствия.

Так, в ноябре 2023 года судебная коллегия по административным делам Новосибирского областного суда рассматривала апелляционную жалобу Е. С. Сокольниковой, в которой он просил состоявшееся решение суда отменить, направить дело в суд первой инстанции на новое рассмотрение либо принять по делу новое решение об удовлетворении административного иска. В административном иске Е. С. Сокольников указал, в частности, следующее: «в период с 23.09.2022 по 27.09.2022 он содержался в помещении штрафного изолятора — в карцере № 8 ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Новосибирской области. Камера оборудована столом 45 ´ 45 см и табуретом 30 ´ 30 см, нормативные размеры которых меньше установленных норм, отсутствовала прикроватная тумбочка, шкаф для продуктов не имел дверок. <...> Размер окна составляет 40 ´ 40 см. При нахождении за столом не хватало освещения для чтения и написания писем». Решением суда первой инстанции административные иски были оставлены без удовлетворения. В апелляционном определении судебная коллегия по административным делам указывает, что «судом было установлено, что совокупностью собранных материалов под-

тверждаются такие доводы административного истца о нарушении условий его содержания, как отсутствие прикроватной тумбочки, дверок у шкафа для продуктов, недостаточный нормативный размер посадочного места у стола, недостаточный нормативный размер окна». Судебная коллегия не согласилась с выводами суда первой инстанции, что административный истец не представил доказательств ненадлежащих условий его содержания, а допущенные нарушения сами по себе не могут быть приравнены к унижающим человеческое достоинство по смыслу, вкладываемому в данное понятие ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В рассматриваемом случае С. Е. Сокольников был ограничен в правах на надлежащее материально-бытовое обеспечение, обеспечение жилищно-бытовых и санитарных условий, что, в соответствии с разъяснениями, данными в п. 2 постановления Пленума от 25.12.2018 № 47, относится к условиям содержания лишенных свободы лиц. Таким образом, решение судебной инстанции было отменено с вынесением по делу нового решения о частичном удовлетворении заявленных требований [6].

На данное апелляционное определение была подана кассационная жалоба со стороны административных ответчиков: Федеральной службы исполнения наказаний и Федерального казенного учреждения «Следственный изолятор № 1 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Новосибирской области». Судебная коллегия по административным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции, рассмотрев данную жалобу, вынесла кассационное определение, в котором указала следующее: «Указывая на допущенные ответчиком нарушения в части нормативно установленных размеров окна в камере, судом апелляционной инстанции оценка представленным административным истцом сведениям о соответствии освещенности в камере требованиям санитарных норм и правил СанПин, указанным в акте осмотра камерного помещения, № не дана, какие-либо сведения относительно освещенности помещения в спорный период не истребованы; доводы, приводимые административными ответчиками в части отсутствия неблагоприятных последствий для истца в результате отсутствия прикроватной тумбочки, дверок у шкафа для продуктов, размеров посадочного места у стола и окна, оценки в решении суда не получили». В связи с этим судебная коллегия по административным делам Восьмого кассационного суда общей юрисдикции полагает, что апелляционное определение не может быть признано законным и обоснованным, подлежит отмене, а административное дело — направлению на новое рассмотрение в суд апелляционной инстанции, поскольку оценка доказательств и установление фактических обстоятельств дела в силу положений ст. 329 КАС РФ в компетенцию суда кассационной инстанции не входит. При новом рассмотрении суду апелляционной инстанции необходимо исследовать и оценить юридически значимые обстоя-

тельства, правильно применить нормы права, регулирующие спорные правоотношения [5].

Анализ данного судебного кейса выявляет интересную процессуальную ситуацию, связанную с распределением бремени доказывания. Ключевой момент заключается в том, что административный ответчик фактически не оспаривал некоторые доводы административного истца: отсутствие прикроватной тумбочки, дверок у шкафа для продуктов, недостаточность размеров посадочного места у стола и окна. Однако принципиальным является то обстоятельство, что административный истец не смог продемонстрировать причинно-следственную связь между зафиксированными нарушениями и реальным негативным влиянием на его жизнедеятельность.

В другом судебном разбирательстве административный истец указал среди прочего в своем административном исковом заявлении, что содержался в камерах ФКУ СИЗО-1 ГУФСИН России по Новосибирской области, где туалет не соответствовал требованиям приватности (вместо стен висели шторы). Суд первой инстанции удовлетворил административный иск в этой части, посчитав, что имеются основания для удовлетворения, а именно нарушение приватности санузла в камере, в которой административный истец содержался 117 дней. Однако суд апелляционной инстанции не согласился с доводами районного суда, указав, что «созданные в учреждении условия приватности санитарной зоны не отличаются от таких условий большинства общественных мест. Само по себе то обстоятельство, что перегородки в санузлах не оборудованы, прав Семакина П. О. не нарушает и не является существенным отклонением от требований, установленных законом. Необорудование изолированных кабин в санитарных узлах в соответствии с вышеуказанными требованиями не свидетельствует о том, что исправительным учреждением не была обеспечена приватность санитарных узлов альтернативным способом, предусмотренное устройство в виде шторы вместо двери обеспечивало приватность при пользовании туалетом, поскольку не препятствовало осужденному уединенно, вне обозрения других лиц, отправлять физиологические потребности, какого-либо обоснования, в чем именно выразилось нарушение его прав, а также соответствующих доказательств, не приведено. Само по себе наличие указания на такое несоответствие не свидетельствует о причинении Семакину П. О. физических или нравственных страданий и не может являться безусловным основанием для взыскания денежной компенсации в отсутствие убедительных доказательств, что условия его содержания в изложенной в заявлении части являлись унижающими человеческое достоинство, приравнивались к пыткам либо свидетельствовали о жестоком обращении, тогда как только такой характер несоответствия условий содержания под стражей создает правовую презумпцию причинения морального вреда лицу, в отношении которого такие нарушения допущены» [7]. Решение суда первой инстанции

было изменено, отменено в части удовлетворения требований.

В контексте подобных судебных разбирательств представляется целесообразным возложить на административного истца бремя доказывания по трем ключевым аспектам:

- соблюдению установленных сроков на обращение в суд;
- факту нарушения прав, вызванному нарушением условий содержания;
- наличию неблагоприятных последствий, понесенных им вследствие нарушения условий содержания.

Такой подход даст возможность суду объективно оценить обоснованность предъявляемых требований и вынести справедливое решение по делу.

Непредставление административным истцом доказательств нарушения прав приводит суд к выводу, что формальное нарушение закона не является основанием для взыскания компенсации за ненадлежащие условия содержания. Поскольку административный истец не представил доказательства того, что указанные нарушения условий содержания повлекли для него негативные последствия, его доводы, изложенные в заявлении о ненадлежащих условиях содержания, являются голословными, сами по себе не могут свидетельствовать о нарушении прав административного истца и быть приравнены к унижающим человеческое достоинство.

Таким образом, в процессе распределения бремени доказывания по делам, связанным с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания, суду надлежит уделять особое внимание

разъяснению сторонам, особенно административному истцу, необходимости представления доказательств. Конкретно административный истец обязан обосновать, что нарушенные условия содержания действительно привели к конкретным неблагоприятным последствиям для его здоровья, психоэмоционального состояния или других прав и свобод.

Данные сведения имеют решающее значение в рамках судебного разбирательства, так как они позволяют суду оценить степень нарушений и их влияние на административного истца. Например, если административный истец утверждает, что условия содержания в учреждении нарушали его права, ему необходимо представить фактические доказательства, такие как медицинские заключения, показания свидетелей или иные документы, подтверждающие наличие вреда.

Необходимо подчеркнуть, что бремя доказывания не только определяет, кто должен представить доказательства, но и влияет на исход дела. Если административный истец не сможет представить убедительные доказательства неблагоприятных последствий, это может привести к отказу в удовлетворении его требований. Таким образом, внимание к деталям и тщательная подготовка доказательной базы становятся критически важными.

Кроме того, суд должен быть готовым к тому, что в некоторых случаях административный истец может столкнуться с трудностями в сборе необходимых доказательств, особенно в условиях закрытых учреждений. Поэтому важно, чтобы суд активно способствовал обеспечению прав истца на доступ к информации и документам, которые могут подтвердить его позицию.

Литература:

1. Решетникова, И. В. Справочник по доказыванию в административном судопроизводстве / И. В. Решетникова, М. А. Куликова, Е. А. Царегородцева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 160 с. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2163149> (дата обращения: 25.05.2025).
2. Старилов, Ю. Н. Административное судопроизводство: учебное пособие для бакалавриата, магистратуры, специалитета по направлениям «Юриспруденция» и «Судебная и прокурорская деятельность» / Ю. Н. Старилов, С. Н. Махина, Ю. Б. Носова, О. С. Рогачева; под ред. Ю. Н. Старилова. — 2-е изд., пересмотр. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2025. — 624 с. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2163828> (дата обращения: 25.05.2025).
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания». — Текст: электронный. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314620/ (дата обращения 10.05.2025).
4. Кассационное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации от 16.03.2022 № 5-КАД21-56-К2. — Текст: электронный. — URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=707860#Kvf6nkU4iGbUUI2C> (дата обращения 10.05.2025).
5. Кассационное определение по делу № 88А-14725/2024 от 24.07.2024. — Текст: электронный // Восьмой кассационный суд общей юрисдикции: [сайт]. — URL: https://8kas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=29715843&case_uid=25309804-cbc8-4029-81af-1f60626c50d6&delo_id=43&new=0 (дата обращения: 17.05.2025).
6. Апелляционное определение по делу № 33а-11227/2023 от 21.11.2023. — Текст: электронный // Новосибирский областной суд: [сайт]. — URL: https://oblsud—nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=47097531&case_uid=f9693bd4-8a59-47ca-a1a1-1b91109245b6&result=1&delo_id=42&new=0 (дата обращения: 17.05.2025).

7. Апелляционное определение по делу № 33а-1175/2025 (33а-12118/2024) от 04.02.2025. — Текст: электронный // Новосибирский областной суд: [сайт]. — URL: https://oblsud—nsk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=49349776&dello_id=42&new=0&text_number=1 (дата обращения: 25.05.2025).

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 25 (576) / 2025

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

Номер подписан в печать 02.07.2025. Дата выхода в свет: 09.07.2025.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.